

Мария-Луиза фон Франц.

The Psychological Meaning of Redemption Motifs in Fairytales
Серия: Библиотека психологии и психотерапии

Издательство: Класс, 2007 г., 128 стр.
ISBN 978-5-86375-148-1
Тираж: 3000 экз.

От издателя
Волшебные сказки про заколдованных героев мы еще в детстве читали с замиранием сердца. Приключения, накал страстей, драматизм сюжетных поворотов... В этой книге мотив колдовства и избавления от него - на центральном месте. Автор ее, известный юнгианский аналитик М.-Л. фон Франц, как всегда, удивляет и увлекает неожиданными сравнениями и параллелями. Например, утверждая, что заколдованный принц - это человек во власти невроза. Он так же страдает от внутреннего конфликта, как герой, вынужденный носить звериную кожу. И порой действует себе во вред, словно околдованный злыми чарами. И должен пройти немало испытаний, прежде чем избавится от напасти. И у каждого героя свой путь к избавлению от колдовства - как у каждого человека свой путь к исцелению.
Аналитический стиль, научная точность, подкрепленная многолетним практическим опытом, прекрасное знание культурного контекста делают книгу особенно интересной для специалистов в области аналитической психологии, психоанализа, психодрамы, гештальт-терапии, арттерапии и др. Кроме того, она несомненно вызовет интерес у людей, работающих в смежных с психологией областях - филологии, социологии, прикладной лингвистики.

Глава 1

Английское слово redemption (искупление, освобождение, спасение, избавление) в данном случае не следует связывать с христианской догмой и теологией, где это понятие имеет много значений. В сказках оно относится к такой ситуации, когда на какого-то персонажа наложено заклятие или колдовские чары, а затем он избавляется от этого благодаря определенному развитию событий или случайному стечению обстоятельств. Такая ситуация коренным образом отличается о того, что утверждает христианское учение. Заклятие может быть самым разным. Обычно заколдованный мифологический или сказочный персонаж принимает обличье животного или безобразной старухи (старика), но, освободившись от злых чар, снова превращается в принца или принцессу. Чаще всего заколдованный сказочный герой превращается в животного (медведя, волка, льва), или птицу (утку, ворона, голубя, лебедя или сову), или змею. Порой заколдованный сказочный герой, сам того не желая, вынужден творить зло и разрушение. Например, принцесса должна убивать всех претендентов на свою руку, но в конце сказки, когда спадают колдовские чары, она говорит, что до сих пор вела себя, подчиняясь злой воле, но теперь ее воздействие закончилось и она свободна. Таковы основные разновидности злой судьбы, которая выпадает персонажам волшебных сказок и от которой они в конце концов освобождаются.
Я решила не рассматривать конкретные сказки целиком, а обсудить соответствующие мотивы разных сказок, чтобы показать различные типы заклятий, так как считаю, что они имеют важный психологический смысл, а часто содержат основную сказочную тему. Человека в состоянии невроза можно сравнить с заколдованным сказочным персонажем, ибо люди, оказавшиеся во власти невроза, обычно страдают от постоянного внутреннего конфликта и имеют пагубные склонности и по отношению к самим себе, и по отношению к окружающим. Они вынуждены вести себя гораздо хуже, чем могут, и действуют бессознательно, помимо своей воли. Волшебные сказки, в которых говорится о таких персонажах, как правило, уделяют внимание не столько самому колдовскому заклятию, сколько способу, позволяющему от него избавиться. А значит, из сказок можно узнать, что общего между психотерапевтическими методами (и процессом исцеления) и освобождением героев от колдовских чар.
Самым общим примером могут послужить заколдованные сказочные персонажи, которые должны окунуться в воду или в молоко, а иногда и вытерпеть побои. Другие персонажи, чтобы избавиться от колдовства, просят, чтобы их обезглавили. Так бывает, если их превратили в лису, или льва, или другое животное, и чтобы расколдовать, им нужно отрубить голову*(Более подробно об этом можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Кошка» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007).)
. Иногда нужно, чтобы заколдованного героя полюбили или поцеловали, или ему необходимо съесть какое-то растение и т.п. Иногда сказочный герой должен сбросить с себя звериную шкуру, в которую превратилась его кожа, или, наоборот, набросить на себя кожу животного. Иногда героя должны о чем-то спросить или, наоборот, не должны ни о чем спрашивать. Все эти мотивы мы должны тщательно рассмотреть.
Психотерапевты разных направлений часто надеются найти рецепты и диагнозы заболеваний. Юнгианские психологи - в отличие от других психологических школ - всегда говорят, что у них, к сожалению, нет ни рецептов, ни диагнозов. Каждое заболевание - это уникальный процесс, присущий конкретному человеку, а индивидуальные случаи всегда отличаются друг от друга. А значит, мы имеем право сказать, что у нас нет готовых терапевтических рецептов. Следовательно, мы вообще не будем это обсуждать, а можем лишь посоветовать практикующим психотерапевтами, как следует себя вести себя с конкретным пациентом. Мы убеждены, что в такой сложной ситуации, когда у врача или аналитика нет строгих правил, на которые он мог бы опереться при лечении пациента, можно получить намек, что именно следует делать, только обратившись к сновидениям пациента и интерпретируя их осторожно и объективно, не привнося в интерпретацию собственных теорий.

Поэтому единственная терапевтическая помощь, на которую мы можем рассчитывать, - это объективная и точная интерпретация мотивов сновидений, позволяющая понять, какое средство лечения предлагает нам бессознательное. В таком случае мы вступаем в область, которая является не только индивидуальной: ведь хотя процесс исцеления в каждом случае уникален, образное представление инстинктивных процессов, которое дают волшебные сказки и мифы, обладает «общей достоверностью». Так же, как все люди - при многочисленных различиях между ними - ходят на двух ногах, имеют один рот и два глаза, так и человеческая психика - при всех различиях - обладает фундаментальными структурными свойствами, характерными для каждого человека. На этом уровне коллективного бессознательного можно найти образное представление типичных процессов лечения типичных заболеваний. Если, например, аналитику в общем известно, что означает купание заколдованного человека, а пациенту снится сон, в котором анализ изображается как купание, то аналитик может интуитивно догадаться, какой тип лечения следует предложить. С другой стороны, если пациент видит во сне, что ему приходится разрезать человека на части, аналитик опять может интуитивно уловить направление процесса исцеления и также кое-что понять, как поступить в данном случае. Естественно, всегда возникают сомнения в том, кто должен купаться или кого следует обезглавить, но эта информация обычно содержится в материале сновидения.

Таким образом, нам следует более внимательно посмотреть на свой материал и обсудить одну общую проблему, которая затрудняет понимание мифологического материала, особенно волшебных сказок. Если просто читать такую сказку, испытывая некие чувства, то неизбежно возникает мысль, что главный сказочный герой (принцесса, принц, юноша или девушка) - это обычный человек, с которым вы идентифицируетесь (как правило, женщины идентифицируются с женскими персонажами, а мужчины - с мужскими) и разделяете с ним все его страдания. Если вы читаете мифологические произведения - например, «Одиссею» или «Эпос о Гильгамеше», - то идентификация облегчается благодаря типичному поведению героя, который, как обычный человек, боится, печалится, радуется и т.п. Он может быть в растерянности и спрашивать: «Что мне делать?» - совсем как обычный человек, с которым может идентифицироваться читатель. То есть мифологические персонажи гораздо больше связаны с психологией своего народа, чем герои волшебных сказок.

Ученые отмечали (и их мнения довольно убедительны), что герои волшебных сказок очень отличаются от мифологических героев. Персонажи волшебных сказок гораздо менее человечны, то есть лишены внутренней жизни, присущей человеческой психике. Они не обращаются внутрь себя, у них нет сомнений, они не ощущают неопределенности и не обладают обыкновенными человеческими реакциями. Сказочный герой отважен, никогда не теряет мужества и сражается до тех пор, пока не победит врага. Сказочная героиня выдерживает мучительные страдания и проходит много тяжелых испытаний, пока не достигнет своей цели. Однако в сказках ничего не говорится о возможных человеческих реакциях. Доктор Макс Люти даже утверждает, будто фольклорные герои могут быть только «черного или белого цвета», что они похожи на шаблоны, обладающие раз и навсегда заданными чертами: умом, способностью переносить страдания, преданностью и т.д. - и остаются такими на протяжении всего повествования. У героя волшебной сказки никогда не бывает ничего похожего на изменение психологической установки, тогда как в мифе изменение установки встречается довольно часто. Следовательно, несмотря на наличие характерных человеческих качеств, героев волшебных сказок в буквальном смысле нельзя назвать человечными, ибо они представляют собой не столько типы людей, сколько архетипы, а значит, их черты нельзя сопоставлять с характеристиками человеческого Эго. Героя волшебной сказки нельзя считать просто мужчиной, а героиню - просто женщиной.

Если люди только прикоснулись к юнгианской психологии, это, наверное, даже хуже, чем если бы они вообще ничего не знали, потому что в таком случае они начинают

«приклеивать» несколько известных им юнгианских понятий к сказочным персонажам: один является воплощением Эго, другой - Анимы, третий - Самости. Это хуже, чем вообще не интерпретировать сказку, поскольку такой подход является ненаучным, необъективным, инфантильным и даже недобросовестным: ведь для того чтобы применить юнгианские понятия к сказочным персонажам, необходимо сначала исследовать всю сказку. Предположим, что кто-то по наивности совершил ошибку и приписал одному из сказочных персонажей качества Тени, а затем увидел, что эти качества не сохраняются на протяжении всего сказочного сюжета. Такой человек скажет, что, наверное, он ошибался с самого начала, или что он не слишком хорошо понимает себя, или что ошибка в самой сказке! Или же он просто пропустит сложное место в сюжете, ограничившись самыми общими утверждениями, а затем будет растекаться мыслью вокруг да около - только для того, чтобы показать приемлемость своих понятий. Но если внимательно посмотреть, то станет ясно, что использовать понятия юнгианской психологии при интерпретации волшебных сказок можно только с определенными ограничениями. Открыв для себя эту истину, я вдруг осознала, что так и должно быть, потому что волшебная сказка создается не индивидуальной человеческой психикой и не относится к содержанию психики отдельного человека.

Юнг сформулировал свои понятия отчасти в результате наблюдения за собственными психическими процессами, отчасти благодаря наблюдению за психическими процессами других людей. Говоря об Аниме, мы имеем в виду мужчину как индивидуальность, с присущей именно ему Анимой. Говоря об Эго, мы имеем в виду Эго отдельного человека. А Тень означает менее развитую часть человеческой личности. Однако не следует манипулировать этими понятиями в сказках, к которым они не имеют никакого отношения. И даже если эти понятия формировались в ходе наблюдения за многими людьми, маловероятно, что их можно приложить к такому материалу, как волшебные сказки, ибо этот материал, скорее всего, создавался многими людьми или группой людей. Следовательно, мы должны вернуться к основной проблеме волшебных сказок. Относительно их происхождения нет единого мнения, и мы можем предложить еще одну гипотезу, основанную на психологической точке зрения.

Среди простых людей, например, среди крестьян или лесорубов, то есть в том кругу, где в основном создаются волшебные сказки, как правило, существуют два жанра: местные предания, саги и настоящие волшебные сказки. Сага порой не слишком отличается от волшебной сказки, но в большинстве случаев она связана с какой-то фантастической историей, случившейся в определенном месте, или в конкретном замке, или во дворце. Например, рассказывают, что в одной деревне люди стали свидетелями какого-то необычного события. Этот рассказ сокращается и связывается с конкретным местом, его героем становится конкретный человек, а вся история рассказывается так, словно речь идет о конкретном событии, которое действительно произошло, хотя у нее все характерные признаки волшебной сказки. В волшебных сказках часто приходится сталкиваться с разными парапсихологическими явлениями, тогда как в местных сагах гораздо чаще встречаются рассказы о привидениях. Что касается легенд, они, как правило, имеют историческую или частично историческую основу. В них может идти речь о святых или исторических личностях.

В Швейцарии существует предание о Вильгельме Телле; историки до сих пор не пришли к единому мнению: то ли это подлинная история, то ли сказка, то ли сага. Такой персонаж встречается в скандинавских сказках; однако некоторые люди до сих пор считают эту историю подлинной и уверены, что она произошла в определенное время в конкретном месте. С психологической точки зрения ее можно прокомментировать так. Иногда в жизни самого обыкновенного человека происходят такие фантастические события, что если нет возможности их проверить, то можно подумать, будто вам рассказали волшебную сказку. Я часто испытывала нечто подобное; в таких случаях мы сталкиваемся с проблемой синхронизма. Поразительно, как часто события, очень похожие на сказочные,

действительно происходят в реальной жизни, если констеллируется архетипическая ситуация. Если существует такой мифологический мотив, то он вполне может развиться за счет подробностей, которых на самом деле не было. Добавляются какие-то мелкие детали, делающие эту историю гораздо интереснее, причем такое происходит очень часто, и в результате выкристаллизовывается целое мифологическое событие.
Таким образом, я сказала бы, что и местная сага, и историческая легенда основаны на реальных событиях, которые когда-то переживались людьми, а затем обросли новыми подробностями и превратились в сказание, которое передавалось из поколения в поколение. Я нашла реальные свидетельства, подтверждающие эту теорию. В одной деревне в швейцарских Альпах, неподалеку от Кура, когда-то жила семья мельника, у которой была книга, куда записывались все семейные события. Некоторые потомки этой семьи теперь живут в Куре и хранят эту старинную семейную книгу, в которую записаны события, случавшиеся с их предками 150 лет назад. Там есть история о мельнике, который по дороге домой встретил лису-оборотня. Лиса заговорила с ним человеческим голосом, а вскоре после этого мельник умер. Этот мотив широко распространен во всем мире: если человеку повстречался леший - в данном случае животное-оборотень, которое может говорить человеческим голосом, - это знак того, что его час пробил.
В 1937 году один исследователь фольклора спросил местных стариков об этой мельнице, и ему ответили, что там живет привидение, и рассказали эту историю, которая в новой версии кое-что потеряла, но что-то и приобрела. Это была история о том, как лиса, которая повстречалась мельнику, проскочила у него между ног, и от этого он вскоре умер. В этой швейцарской провинции существует поверье, что в лисе живет душа ведьмы, поэтому она может вызывать воспаление кожи (рыжая шкура лисы - покраснение кожи*(В английском оригинале: «red fox — red skin». Дело в том, что по-английски «красный» и «рыжий» цвета пишутся одинаково (red), но на русский переводятся по-разному. В сказках, да и в природе, лиса все-таки рыжая, а не красная. — Прим. переводчика.)). Так к семейной хронике добавилось распространенное народное поверье. Сообщается также, что у той лисы была душа родной тетки мельника и что именно душа тетки-ведьмы вызвала смерть мельника. Деревенская жизнь настолько скучна, что приходится придумывать такие интересные истории.
Подобные случаи демонстрируют, как благодаря вторжению индивидуального сознания формируется архетипический образ -местная сага. Если же такое местное предание имеет очень общий характер, оно распространяется в соседние селения и в процессе этой миграции теряет свой локальный характер. Например, сначала мельник имел конкретное имя и жил в конкретном месте, но по мере распространения саги она утратила свой локальный характер, то есть соответствие конкретному месту и времени, и стала более общей. Таким образом, сага лишилась местного значения, но получила более широкое признание.
Исследуя сказочный мотив, мы занимаемся чем-то вроде «сравнительной анатомии» человеческой психики: все индивидуальное или локальное в основном исключается, так как не представляет никакого интереса для нашего исследования. Несмотря на это, в дальнейшем мне все же придется вернуться к этой теории и изменить ее, ибо некоторые особые факторы все же оказывают влияние на волшебные сказки. Если сравнить сказки разных народов, можно увидеть, что при всех имеющихся чертах сходства (например, присутствия ведьм, помогающих животных и т.д.) структура волшебной сказки североамериканских индейцев заметно отличается от структуры европейской волшебной сказки, даже если не обращать внимание на имена и место действия. Исследовать миф - все равно что изучать «тело» всего народа. А исследование волшебной сказки можно уподобить изучению его «скелета». Однако, на мой взгляд, изучение сказки выявляет основные черты в самом чистом виде, и если вы хотите исследовать фундаментальные структуры человеческой психики, лучше обратиться не к мифу, а к волшебной сказке.
Если применить эту гипотезу на практике, мы опять приходим к тому, о чем я говорила

раньше: и герой, и героиня в волшебной сказке - это не конкретные люди, а архетипические образы.
Когда я впервые стала развивать эту теорию и постаралась убедить в ее правильности своих студентов, то столкнулась с серьезным эмоциональным сопротивлением, и тогда мне пришлось осознать, что она не нравится и мне самой. Должна повториться: я была совершенно уверена в том, что герой волшебной сказки - это не человеческая личность, но при этом нельзя избавиться от желания рассматривать его как обычного человека. Я довольно долго испытывала это затруднение, пока не пришла к выводу, что для Эго должна существовать общая инстинктивная основа и следует допустить, что в человеческой психике существует врожденная тенденция (ее можно назвать эгоформирующим фактором), которая, видимо, является одним из типичных человеческих свойств.
Если вы занимаетесь детской психологией, то я хотела бы сослаться на статьи Майкла Фордхэма, в которых вы увидите, что Эго может проявляться в проекции, словно оно было «не мое Эго». Многие дети рассказывают о себе от третьего лица, называя себя по имени, и не произносят местоимение «я», так как их «я» проецируется на их имя. Иногда ребенку становится очень важно правильно назвать имя: «Джонни пролил молоко». Здесь отсутствует чувственное ощущение идентичности с Эго. Продолжая наблюдение, можно заметить, что на следующей стадии развития Эго ребенка проецируется на одного человека, который ребенку особенно нравится, вплоть до обожания. Это может быть, например, школьный товарищ, которому ребенок рабски во всем подражает. Вы можете сказать, что на товарища проецируется та форма Эго ребенка, которую оно примет в будущем. Значит, черты, которые со временем будут принадлежать Эго такого мальчика, еще с ним не идентифицировались, а проецируются на другого ребенка.
В данном случае вы видите действие эгоформирующего фактора - через восхищение, которое вызывает подражание. При изучении первобытных обществ вы сталкиваетесь с тем же явлением, но в другой форме, ибо в этих племенах статусом индивидуальности обладают только царь, вождь или знахарь. Если в первобытном обществе совершается преступление, в котором виноват конкретный человек и его вина доказана, то обвинен может быть другой человек, который и понесет наказание. Разумеется, такие вещи очень огорчают миссионеров! Психологическое объяснение заключается в том, что за преступление, совершенное в племени, нужно непременно кого-то покарать, однако наказан может быть не обязательно истинный виновник, а любой выбранный для этого член племени. И такое «судопроизводство» считается вполне приемлемым. Еще один пример: если белый человек оскорбит чувства кого-то из своих черных слуг, то оскорбленный может повеситься, поскольку убежден в том, что таким образом он отомстит своему хозяину! Главное - нанести ответный удар, и неважно, что при этом сам мститель умирает. В данном случае Эго является настолько слабым, что личность человека не имеет никакой ценности, гораздо важнее - отомстить*(Психологическое объяснение такому поступку можно найти в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. Переводчика.). Можно сказать, что в психотерапии в таком же положении находится пациент со слабым Эго.
Эго-комплекс - чрезвычайно сложный феномен, нам очень мало о нем известно, несмотря на то, что некоторые его характерные черты, казалось бы, весьма распространены. Примем следующую рабочую гипотезу: психологический образ героя волшебной сказки наглядно выражает эгоформирующую тенденцию и служит ее моделью. Это предполагает употребление самого слова «герой», так как герой - личность, достойная подражания. Большинство людей спонтанно подражают герою. Позже я остановлюсь на этом более подробно.
Исследование мифологического материала с помощью сравнительного анализа образов героев показывает, что у них есть некоторые типичные характеристики, существенно

сближающие образ героя с архетипом, который Юнг называет архетипом Самости и который по определению очень отличается от Эго. Эго является только одной частью человеческой личности. Большая часть психики не идентична личности. Саморегулирующую деятельность психики в целом Юнг назвал архетипической Самостью. По мнению Юнга, идентификация с Самостью - это катастрофа, а потому очень важно разделять понятия Самости и Эго.

В своем труде «Mysterium Coniunctionis» Юнг указывает, что архетип Самости является неизвестной нам силой, формирующей эго-комплекс и побуждающей его к действию. Эго-комплекс характеризуется длительной непрерывностью. Например, если я сегодня чем-то занимаюсь, то на следующий день вспомню об этом. Если у человека есть сила воли, он может непрерывно сохранять какие-то воспоминания или установки в течение длительного времени, и это свойство является одним из способов измерения силы эго-комплекса. Непрерывность мышления типична для хорошо развитого эго-комплекса, и в этом можно убедиться на практике. С точки зрения психологии, непрерывность Эго - весьма таинственная вещь. Это важное свойство непрерывности развивается, видимо, благодаря эго-комплексу человека, и находит поддержку в архетипе Самости.

Именно поэтому при интерпретации волшебных сказок постоянно возникают затруднения, когда речь заходит о главных персонажах. Если персонаж ведет себя как Эго или Самость, можно легко пойти по ложному пути. Поэтому я буду связывать их только с той частью архетипа Самости, которая является моделью эго-комплекса и его общей структуры. Одна из основных функций архетипической Самости заключается в поддержке эго-сознания и очень важной для него непрерывности во времени. Если представить человеческую личность в виде сферы, когда Самость охватывает всю сферу и одновременно является ее саморегулирующим центром, то любое отклонение в данной структуре вызовет компенсацию. Действие этого принципа мы можем наблюдать на материале сновидений. Если вы испытываете отрицательные эмоции по отношению к другому человеку, вам может присниться, будто вы что-то бросаете в него. И вы считаете этот сон предостережением, ибо сны комментируют то, что вы делаете. Вы можете долго не видеть никаких снов, но если возникает опасность отклонения от собственной целостности, вам снова начнут сниться сны. Человек является совершенно здоровым, если эго-комплекс действует в точном соответствии с Самостью, поскольку в таком случае возможность появления невротических расстройств сводится к минимуму.

В волшебных сказках персонажи иногда подвергаются воздействию колдовства, поэтому их поведение становится пагубным и негативным, и тогда задача героя заключается в том, чтобы избавить заколдованного персонажа от заклятья. Можно сказать, что подвергнуться воздействию колдовских чар может любой архетипический комплекс, любой структурный элемент коллективного бессознательного. Это вовсе не обязательно должен быть главный герой - это может быть и воплощение какого-то иного комплекса. Нам всегда следует обращать внимание на то, какой именно фактор оказался заколдован или подвергся воздействию заклятья. Злияние колдовства можно сравнить с воздействием невроза. В сказках воздействию колдовских чар часто подвергаются без всякой причины. В таком состоянии мы оказываемся невольно, обычно совершенно незаслуженно или же когда наша вина является минимальной, как в библейской истории о краже яблока из сада Эдема.

Даже если какой-то персонаж волшебной сказки действительно оказывается виноват, то его вина несопоставимо мала по сравнению с тяжестью заклятья. Например, в сказке братьев Гримм «Семь воронов»* (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 86.) речь идет о том, что отец послал своих сыновей за водой, чтобы окрестить их сестру, а братья уронили в колодец кувшин, в котором должны были принести воду. Потерявший терпение отец от досады крикнул: «А чтоб вас всех в воронов обратило!» - и сыновья действительно превратились в воронов, и впоследствии их сестре пришлось спасать своих братьев. Иногда в сказках упоминается о подобной вине, но заклятие обычно никак не

объясняется. Как правило, сказка начинается с того, что где-то живет заколдованная принцесса, и ни слова не говорится, за что на нее наложено заклятье. Другая тема заключается в том, что злая ведьма влюбляется в прекрасного принца, который ее отвергает. И тогда она заколдовывает принца, который в результате воздействия ее злых чар превращается в животное.
В первобытных обществах люди живут в постоянном страхе перед колдовством. Это может произойти с любым человеком в любой момент, даже без малейшей провинности. Например, у коров может пропасть молоко, и это может случиться с любой коровой. В переводе на язык психологии воздействие колдовских чар может означать, что некий внутренний импульс побуждает нас принять ложную установку, из-за которой происходит наше отчуждение от инстинктов и утрата душевного равновесия. В такой ситуации можно оказаться из-за унаследованных особенностей личности. Например, вы можете любить приключения, но в вашей жизни их практически не будет, если у вас слишком слабые нервы. Иначе говоря, человек рождается с противоречивыми побуждениями.
С психологической точки зрения заколдованного сказочного персонажа можно сравнить с человеком, у которого повреждена структурная целостность психики, и в результате психика не может функционировать нормально. Комплексы по-разному воздействуют друг на друга. Если мужская Анима невротична, то, даже если сам мужчина не является невротиком, он все равно будет ощущать себя отчасти «заколдованным». Это можно заметить по содержанию сновидений. Однажды утром я проснулась и сказала миру «Прощай!», так как подумала, что скоро умру. Я не чувствовала себя несчастной. Это странное настроение продолжалось целый день. Я сентиментально смотрела на цветы, была со всеми добра, и все казалось мне более романтичным, чем до сих пор. На следующую ночь мне действительно приснилось, что умер очень романтичный юноша. Следовательно, то, что во мне умерло, было некой инфантильной частью Анимуса, и ему было самое время уйти, но его настроение, выразившееся в предсмертном «Прощай!», воздействовало на мою психику. Обычно все так и происходит.
Можно сказать, что люди не совсем невротичны - у них патологичен какой-то один комплекс, а следовательно, в какой-то мере больным является сам человек. Иногда невротический комплекс имеется у вполне нормального человека. Какой-то комплекс эмоционально заряжен и оказывает невротическое воздействие на всю личность; это и объясняет разные степени человеческого невроза. Однако в тех случаях, когда эмоционально заряжены сразу несколько комплексов, человек, который иначе был бы совершенно нормальным, может быть абсолютно сумасшедшим. В общем, воздействие колдовства означает, что некая психическая структура повреждена или травмирована в процессе деятельности, и ее влиянию подвергается вся психика, ибо, образно говоря, комплексы живут в рамках социального порядка, заданного целостностью психики. Именно поэтому нас интересует мотив воздействия колдовства и избавления от него.

Глава 2

В предыдущей главе мы обсуждали характерные особенности героя волшебной сказки и пришли к выводу, что невозможно провести сравнение между героем сказки и человеческим Эго. Скорее, сказочный герой воплощает аспект Самости, связанный с формированием Эго, поддерживая его действие и расширение. Кроме того, сказочный герой является воплощением архетипической модели и паттерна правильного поведения. Однако сравнение сказок между собой свидетельствует о том, что в этом отношении существует большое разнообразие. Одни сказочные герои могут просто сидеть на печи и зевать, ни к чему не стремясь, но в конце концов они женятся на принцессе, тогда как другие для этого должны побеждать ведьм, разбойников и т.п. Как бы то ни было, читая волшебную сказку, вы ощущаете, что все происходит правильно, что благодаря именно такому поведению герой достигает своей цели, а его соперники нет. Таким образом, в одних случаях правильно быть глупым, а в других сказочный герой должен быть очень

умным или отважным. Иногда приходится прибегать к помощи волшебства или животного-помощника, а иногда сказочный герой справляется с задачей сам. При этом всегда кажется, что такой тип поведения является единственно правильным. Если вы эмоционально вовлечены, у вас обязательно складывается впечатление, что действовать следует именно так, а не иначе, и благодаря идентификации со сказочным героем вы чувствуете, что это скрытый путь к встрече с реальной жизнью. Следовательно, поведение сказочного героя можно понять только в рамках структуры сказки, а герой воплощает личность, инстинктивное поведение которой является правильным в этой особой ситуации.
Но что значит «правильный» тип поведения? Это один из трудных вопросов, касающихся волшебных сказок, ибо они столь наивно убедительны, что ни у кого не вызывают сомнения. Очевидно, что поведение сказочного героя не соответствует общепринятым социальным стандартам: герой может быть глупым, наивным или жестоким, может использовать разные уловки, которые мы бы осудили. Но как бы он себя ни вел, вы при этом неизменно чувствуете, что все равно он прав. Следовательно, лучше всего считать, что его «правота» полностью соответствует ситуации в целом. Вы не сможете сказать: «Все так и должно быть. Разбойники должны быть убиты, а ведьмы обязательно одурачены», -ибо можно найти другие сказки, в которых все происходит иначе. Не существует никакого готового рецепта. Можно лишь сказать, что в этой сказке, судя по ее финалу, главный герой поступал правильно, хотя никто не догадался бы, как он поступит в каждом следующем случае, ибо его поведение всегда оказывается сюрпризом. Следовательно, поиск возможного правильного поведения является чем-то гораздо более фундаментальным, чем интеллектуально выверенная установка; этот поиск исходит из глубины человеческой личности и соответствует Самости. Он иллюстрирует феномен, возникающий и в психологически сложных ситуациях, в которые попадает отдельный человек, а именно: не бывает универсальной реакции на действие индивидуального комплекса.
Обычно пациент, который приходит на анализ, пытается нам представить то, что он мог бы сделать, исходя из своей сознательной установки. Тем самым он сталкивает нас со щекотливой ситуацией, в которую нас поставило общество, заставляя узнавать, что должен делать данный человек, оказавшись в особых обстоятельствах. Тогда мы имеем право сказать, что «правильным» можно считать поведение, которое согласуется с общей структурой данной психологической личности. В волшебных сказках создается похожая ситуация, так как можно сказать, что герой и героиня воплощают модели деятельности Эго, гармонирующие с общей структурой психики. Они являются моделями для здорового Эго, то есть эго-комплекса, который не нарушает общую структуру личности, а нормально действует как средство внешнего выражения этой структуры.
По сравнению с другими теплокровными животными человек уникален тем, что у него развилась особая сфокусированная форма сознания, которой нет у других существ, по крайней мере на нашей планете. Видимо, животные значительно больше привязаны к своим паттернам поведения, порой даже настолько, что это приводит их к гибели. Например, лемминги (мелкие северные грызуны, похожие на полевую мышь, а также родственные белкам), как и многие другие животные, время от времени собираются в стаи и переселяются на другое место. Очевидно, природа наделила животных инстинктивной потребностью менять места обитания, где они могут найти корм, а не уничтожать все, что можно, на одном месте. Этот инстинкт миграции настолько силен, что лемминги идут вперед, не останавливаясь даже перед водными потоками, в которых гибнут. Они не могут остановиться, чтобы изменить путь. Животные не могут отклониться от своего паттерна поведения, даже если он приводит их к гибели.
Но человек обладает гораздо более развитой способностью к лактации, чем животное, и может жить в любом климатическом поясе мира, в совершенно иных условиях по сравнению с теми, в которых он родился. Однако за это он заплатил очень высокую цену,

так как благодаря повышенной адаптивности и способности противодействовать своими животным инстинктам он может на столько подавлять эти инстинкты, что становится невротиком, и тогда его личность уже не может нормально функционировать как единое целое. Столь высокую цену человек платит за то, что обладает гораздо большей свободой по сравнению с животными. Следовательно, и человеческое Эго тоже постоянно сталкивается с искушением настолько уклониться от инстинктивных побуждений, что это вызывает серьезные трудности в его деятельности. Поэтому человеческому сознанию чрезвычайно важно сохранить определенный паттерн, в соответствии с которым Эго может действовать вкупе с оставшимися инстинктивными побуждениями. Функция мифологического и сказочного героя заключается в том, чтобы напоминать нам о правильном поведении в соответствии с общей человеческой структурой. Разнообразие вариантов правильного поведения говорит лишь о сложности этой задачи.

Первый мотив избавления от колдовства, который я хочу рассмотреть, - купание. Это очень распространенный способ прекратить воздействие колдовских чар. Во многих волшебных сказках действует персонаж - заклятый или заколдованный человек (мужчина или женщина), которому приходится совершать злые дела, но он может избавиться от наложенного на него заклятья, где-нибудь искупавшись. Это может быть просто чан с водой или с другой жидкостью, в который сказочный герой или героиня должны его трижды окунуть, чтобы избавить от злых чар (причем эта жидкость может быть как коровьим молоком, так и лошадиной мочой). О температуре жидкости может быть вообще ничего не сказано, или же упомянуто об очень высокой температуре, или даже о том, что человека, оказавшегося жертвой заклятья, приходится сварить в кипятке. Иногда встречается мотив, в котором функцию ванны выполняет печь, но об этом мы поговорим отдельно.

Пример очищающего купания можно найти в норвежской волшебной сказке «Приятель», в которой принцесса оказывается в лапах горного колдуна, древнего старика с белой бородой. Этот колдун - тайный любовник принцессы, и они вместе решили, что принцесса будет завлекать в свои сети мужчин и загадывать им загадки. Если ее поклонник не сможет отгадать загадку, ему отрубят голову; в результате принцесса убивает всех своих почитателей, нравится ей это или нет. В другой версии сказки принцесса имеет обличье тролля. (Согласно Оксфордскому словарю, в скандинавской мифологии тролль - это «сверхъестественное существо, великан или (позже) дружелюбный, но озорной гном.)* (Подробнее о троллях можно прочитать в первой главе книги М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.).

В обоих случаях появляется сказочный герой, у которого есть невидимый помощник-дух, подсказывающий ему, как себя вести. Этот крылатый дух может прилететь туда, где вынашивается злой замысел, и подслушать, как принцесса и старый колдун придумывают загадки. В результате герой может отгадать любую из них. Благодаря своему приятелю главный герой лишает принцессу источника злых сил, и она соглашается разделить с ним ложе, приняв за своего мужа. Но невидимый помощник предупреждает героя, что он еще не одержал победу и что принцесса убьет его в первую брачную ночь, если заранее не приготовить чан с водой и трижды не окунуть туда принцессу.

Согласно немецкой версии сказки, принцессу окунают в воду несколько иначе: рядом с брачным ложем ставят чан с водой, чтобы ночью, когда принцесса захочет убежать и спрыгнет с постели, она попала прямо в воду. В это время принцессу следует схватить, но она превращается в ворона и пытается вылететь из дворца, потом в голубя, которого тоже следует окунуть в воду. И только после этого принцесса принимает свой истинный облик и становится безопасной для главного героя, который может на ней жениться.

В скандинавской версии главному герою грозит опасность пострашнее. Он ложится в постель и притворяется спящим. Убедившись, что герой спит, принцесса берет нож, чтобы его убить, но тот хватает ее за руку и, не отпуская, начинает хлестать прутьями орешника,

пока все они не сломаются. Потом он окунает принцессу сначала в кислое, затем в сладкое молоко. После этого с нее спадает шкура тролля, а вместе с ней исчезают и ее злые помыслы. В этой версии сказки принцесса должна не только убежать от главного героя, но и убить его во время первой брачной ночи. Такой же мотив существует в апокрифической Книге Товита*(Товит и Товия — персонажи ветхозаветного предания, изложенного в Книге Товита, которая была написана в начале II века до н. э. на арамейском или древнееврейском языке. Книга вошла лишь в восточный канон древнехристианских церквей, поэтому основным ее текстом является греческий. — Прим. переводчика.).
В другом варианте этой же сказки говорится о том, что из тела принцессы торчат лезвия ножей, поэтому в первую брачную ночь ее муж будет убит. Мотив тайного оружия, существующего в теле невесты, присутствует также в алхимических текстах, когда нечистую силу изгоняют с помощью купания в бассейне.
С точки зрения символики купания можно сопоставить разные обряды крещения, существующие как в христианской религии, так и в дохристианских ритуалах. Например, участники Элевсинских мистерий сначала отправлялись к морю, чтобы совершить омовение, предусмотренное ритуалом. Такие очистительные ванны перед посвящением в более глубокие таинства имеют символическое значение, широко распространенное во всем мире. Североамериканские индейцы обычно отправляются в парилку, которая помещается под землей: вода льется сверху на горячие камни, чтобы участники ритуала оказались в облаке горячего пара, исходящего от камней; они растирают свое тело шалфеем, который считается надежным средством для очищения от совершенных ими грехов и от злых духов.
В толкованиях раннего христианства обряд крещения тоже сначала понимали как очищение и освобождение от греха, а так- же как изгнание злых духов. В данном случае крещение связывали с идеей обновления, ибо окрещенный человек возрождается во Христе, а потому должен избавиться от прежних языческих грехов. Избавление от грехов подтверждали белые одежды, в которые облачались участники ритуала. Они символизировали появление очистившегося, обновленного человека. Тот же смысл вкладывается и в большинство самых разных ритуальных омовений (наряду с представлением об обновлении человека благодаря воздействию воды).
Вода относится к символике бессознательного, и временное погружение в воду, видимо, имеет некоторую аналогию с погружением в бессознательное. Христианскую крестильную купель часто сравнивают с лоном Матери Церкви, а следовательно, она имеет материнский аспект - возрождение человека происходит в том вечном чреве, которым всегда является вода. Это материнское лоно, из которого человек появился и в которое он возвращается в новом виде. В эпоху раннего христианства обряд крещения совершали только над взрослыми, которые с головой окунались в воду. Крещение в младенческом возрасте стало ритуалом благодаря вере в то, что попасть на Небеса и узреть Бога смогут только крещеные люди, поэтому вполне естественно, что родители-христиане не хотели, чтобы их дети умерли язычниками. В рукописях Мертвого моря также содержится упоминание о возрождающем обряде крещения.
Во многих сновидениях аналитический процесс сопоставляется с принятием ванны, а сам анализ часто сравнивается к мытьем или купанием. По-немецки мы говорим «устроить кому-то головомойку», то есть отругать этого человека или продемонстрировать ему, в чем он был не прав. Большинство людей, которые приходят на анализ, испытывают неприятное чувство, что им придется пережить нечто подобное, способствующее избавлению от грехов. Следовательно, первая мысль, которая приходит в голову, - это идея омовения и купания. Тогда грязь, которая покрывает тело человека, могла бы означать психологическое воздействие окружающей среды, которое искажает истинную личность.
Человеку гораздо легче быть искренним и естественным, если он живет один. Как правило, интроверты очень чувствительны и часто говорят, что у них все в порядке,

только когда они одни, но в присутствии других людей они заражаются беспокойством и утрачивают душевное равновесие. Обычно пациенты не проявляют честолюбия, но стоит одному из них попробовать что-то сделать, то все остальные хотят сделать то же самое. В таком случае речь идет о феномене психологии толпы, в которой преобладают примитивные эмоции. Эффект заражения заглушает слово рассудка, и тогда менее образованные люди начинают заражать своих поведением остальных, увлекая всех на самые низкие уровни сознания*(Подробнее о психологии толпы можно прочитать в книгах М.-Л. фон Франц: «Архетипические паттерны в волшебных сказках» и «Вечный юноша» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.). Если человек в принципе на это способен, его способность сразу активизируется. Попадая в человеческое «стадо», ваша индивидуальность разрушается, и констеллируется Тень. Можно сказать, что темная сторона вашей личности активизируется в результате воздействия извне, но в равной мере можно утверждать и то, что мы интериоризируем темную сторону других людей. Люди испытывают искушающее воздействие чуждых установок, а когда у них появляется время подумать, то удивляются, что с ними случилось. Именно от этого нам следует снова и снова очищаться, а следовательно, мы, аналитики, обычно интерпретируем купание как потребность в проработке проблем, связанных с Тенью.

Есть искушение применить эти выводы к интерпретации волшебных сказок и сказать, что персонажу, воплощающему Аниму, нужно пройти через процесс обновления. Однако, поступая таким образом, мы забываем о собственной гипотезе, а именно о том, что сказочные образы имеют архетипическую, а не человеческую природу. Поэтому можно сказать, что купание и вода означают возвращение к бессознательному, чтобы очиститься от тех теневых качеств, которые действительно чужды нам. Если через такой процесс должна пройти Анима, это вовсе не значит, что через него должен пройти реальный человек. Мы сталкиваемся с невротическим комплексом, а не с человеком. Невротический комплекс возвращают в воду, то есть в сферу бессознательного, где с пагубными невротическими импульсами борются методом амплификации. Нужно изучить сновидения человека и узнать, что за ними стоит. Амплифицируя сновидение, вы тем самым возвращаете его в изначальный контекст. Фрагмент сновидения следует погрузить в амниотические воды**(От греческого слова a^ivrj^uov — забыть, отсюда же известный термин «амнезия» — потеря памяти. Иными словами «амнеотические» воды — это метафора, то есть воды, наполненные забытыми фактами и событиями. — Прим. переводчика.), чтобы он обогатился и расширил свое значение, а затем мог снова появиться, но уже в другом виде***(В данном случае автор имеет в виду, что в результате ассоциативных амплификации и обогащения ими ранее недоступное осознанию символическое содержание сновидения (или его фрагмент) приобретает вид, более доступный осознанию. — Прим. переводчика.). Купание связано с амплификацией или с психологической установкой, направленной на восстановление комплекса в его изначальной полноте, и на определение действующих внутри него сил. Невротические симптомы часто появляются из-за того, что некое содержание «застряло» между бессознательным и сознанием. Приведу пример. Девушка страдала от комплекса, который не позволял ей выходить из квартиры. Если она выходила на улицу или садилась в трамвай, комплекс говорил ей, что любой рабочий, который окажется с ней рядом, заразит ее сифилисом. И хотя девушка хорошо понимала, что этого не может быть, она не могла проявить благоразумие и найти подходящие доводы, чтобы избавиться от этих навязчивых мыслей.

Очевидно, эта девушка избегала работы, так как рабочий символизирует энергию физического труда. Из-за этого физическая энергия девушки стала негативно на нее воздействовать и вызвала расстройство эротических функций. Ее заболевание проявилось через отцовский комплекс. Девушка снова и снова устраивалась на работу, но каждый раз бросала ее, а ее отец, человек богатый, всегда шел ей навстречу. Следовательно, каждый

раз ее как бы «заражал» рабочий в спецодежде - то есть энергия, которую она не использовала, заражала ее личность, причем в особенно пагубной для нее форме, в самом уязвимом месте - в области ее фемининности. Эрос и любовь заражаются и гибнут из-за неиспользованной энергии либидо. Бессознательное явно передало ей исцеляющее послание, но девушка его не поняла. Юнгу потребовалось всего полчаса, чтобы поставить диагноз, и за эти полчаса пациентка стала здоровой. Будучи цельной, этически развитой личностью, она признала горькую истину и стала работать. Юнг предупредил, что если она в очередной раз уйдет с работы, то окажется в психиатрической клинике.
В данном случае вы видите, что девушка оказывается в состоянии пагубного самозаточения, но через символику ее симптома бессознательное подсказало ей средство исцеления. Исцеляющие послания, которые мы не поняли и которыми неправильно воспользовались, иногда оказывают самое пагубное воздействие. Они остаются на пороге сознания. Символическое послание бессознательного похоже на заколдованного человека. Это содержание застряло в промежуточной области между сознанием и бессознательным, так как состояние бессознательного не позволяет ему выйти на поверхность. Если его вытеснить обратно, а затем дать полностью выйти в изначальном смысле, его воздействие окажется весьма пагубным.
Давайте исследуем мотив принцессы, которую герой отхлестал ореховыми прутьями. Ореховое дерево и его ветки (особенно в кельтской и германской мифологии) связаны со способностью к истинному и мудрому суждению: лосось, который стал мудрым, попробовав орехов, упавших с дерева, росшего у реки, может давать советы сказочным героям. Ореховый прут связан с беспристрастной правдивостью и истинностью суждений. На древнегерманском суде собирались свободные мужчины племени, чтобы судить одного из своих соплеменников. Перед началом судебного разбирательства они обычно брали в руку ошкуренный ореховый прут, который символизировал то, что они обязуются при вынесении приговора быть настолько объективными и честными, насколько это возможно, и публично заявляют о своем намерении. Эта символика орехового прута напоминает о королевском скипетре, который тоже символизирует принцип беспристрастности верховной власти, а не индивидуальное стремление к власти*(Подробнее о символике королевских символов власти можно прочитать в первой главе книги М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.). Следовательно, если сказочный герой сечет принцессу ореховым прутом, он тем самым сообщает ей неприглядную истину в объективной форме, так же, как интерпретация сновидения сообщает объективную истину сновидцу. В обоих случаях происходит очищающее воздействие.
Смысл сновидения может быть очень болезненным, обжигать, как удар хлыста, и свидетельствовать о том, что, человек, которого вы ненавидите, похож на вас, но обезличенная, объективная критика лишена пагубного аспекта. Весьма существенно, что ореховый прут имеет природное происхождение. Некоторым людям Бог позволяет быть ленивыми, и не следует высокомерно считать, что вы точно знаете, как люди должны себя вести - кое-кто может безнаказанно делать самые поразительные вещи. В некоторых цивилизациях лень считается вполне нормальной и приемлемой, и такие люди не являются невротиками. Но если появляется симптом - это другое дело, ибо симптом вырос в душе пациента.
Полное вытеснение комплекса можно сравнить с помещением его в свинцовый гроб, а естественную смерть комплекса лучше всего мог бы проиллюстрировать перенос либидо (психической энергии), как, например, в следующем случае.
Девушка из крестьянской среды занималась черной магией и часто видела во сне своего деда, который при жизни устраивал спиритические сеансы (но сама она его в живых никогда не видела). В одном сновидении он предстал перед ней в облике гермафродита - наполовину мужчины, наполовину женщины. В бессознательном гермафродит

символизирует собой «это и то одновременно». Он является наглядным примером промежуточной или «застрявшей» природы комплекса. В данном случае совмещались два аспекта: с одной стороны, неудовлетворенная, неразвитая психика девушки, а с другой - очень страстная женская натура, которую она в себе подавляла. Соединившись в бессознательном, эти два аспекта создали образ чудовища-гермафродита. В процессе анализа она должна была разобраться в этом образе. Девушке приснился сон о том, что ей нужно было спуститься в спальню своей матери, находящуюся глубоко в пещере, где прекрасная женщина рожала ребенка: чудесное рождение произошло с помощью ангела. Одновременно она услышала стон и увидела своего дедушку, который умирал в постели. Таким образом, как только в ее душе родилась фемининность, чудовище утратило энергию, и черная магия дедушки раскололась, как пустая скорлупа, а вместе с ней исчез и ее интерес к магии. Девушка осознала, что черная магия была всего лишь тщетной попыткой получить то, что она хотела. Либидо, которое раньше тратилось на черную магию, теперь направило свою энергию на психический процесс индивидуации.

Обычно купание происходит не в море или озере, а в специальном бассейне или чане, который придает этому процессу особый характер, так как бассейн или ванна - это емкость с водой определенных размеров, в которую человек может погрузиться. Эта емкость воплощает бессознательное в очень специфичной форме, поэтому нам следует разобраться в удивительной символике сосуда. Сосуд или емкость - это лоно Матери Церкви, uterus, а поэтому она обладает определенными фемининными материнскими качествами. В мифологии емкость часто не отделяют от ее содержимого. Для алхимика сосуд и содержащаяся в нем вода сливаются воедино. Вода - это емкость и среда, в которой создается философский камень, так как в алхимии содержащее и содержимое полностью совпадают. Поскольку сосуд представляет собой резервуар для хранения жидкости, изготовленный руками человека, он связан с функцией сознания, ибо способность использовать средства труда - это прерогатива человеческого сознания; орудия труда символически указывают на деятельность сознания. Сосуд обозначает понятие или способ осмысления*(В оригинале: «The vessel would represent a concept, or a way of conceiving of a thing». В английском языке слова concept(ion) и conceiving имеют двойную коннотацию, которая в данном случае вполне уместна. С одной стороны, они означают «понятие» и «осмысление», с другой стороны - зачатие и беременность. Эти понятия имеют один общий смысл: давать начало (сознанию или новой жизни). Такой перевод вполне укладывается в рамки юнгианской символики; см. дальше. — Прим. переводчика.).

В частности, такой сосуд воплощает в себе Церковь, ибо она дает возможность соединить через систему догматов христианские религиозные ценности и идеи. С точки зрения психологии сосуд связан с обетами, идеями, основными чувствами и понятиями, которые мы стараемся сохранить вместе, чтобы они не затерялись в окружающем мире, ибо сосуд предназначен для того, чтобы их хранить и не дать им потеряться. Таким образом, сосуд составляет основу средств осознания.

Во многих языках слова «понятие» и «осмысление» отражают функцию емкости - средства улавливания и удержания в определенной форме идеи или какой-то сущности, которые при этом принимают форму, удобную для их сохранения. Метод алхимиков заключался не в том, чтобы иметь раздельно систему и феномен психики, а в том, чтобы обладать психологическим началом психики, порожденным ею самой. Это легко забывают. Мы усвоили юнгианскую систему, которая включает такие понятия, как Анимус и Анима, но именно в этом и заключается опасность. По существу, Юнг вывел эти понятия из собственного опыта переживания бессознательного, так что в данном случае емкость и ее содержание - одно и то же. Мы стараемся понять психику средствами самой психики, и такое понимание называется «символическим мышлением». Мы не считаем, что невроз навязчивых состояний состоит из таких-то и таких-то феноменов, которые следует лечить так-то и так-то.

Идея заключается в том, что мы должны видеть, как к проблеме относится психика, - то есть видеть скрытую идентичность содержимого и содержащего. Алхимики считали, что сама материя может научить их тому, как с ней обращаться. Тем не менее у нас есть определенные методы (например, метод интерпретации сновидений) и взгляды на природу психики, и эту общую установку можно сравнить с символом сосуда. В отличие от фрейдистов, мы побуждаем пациента не давать свободу бесконечному потоку ассоциаций, а придерживаться символа и мотива, чтобы они не растворились в море бессознательного. Мы проводим гибкую границу между тем, что относится к символу или мотиву, и тем, что не имеет к ним никакого отношения.
Знание того, что к ним относится, зависит от практического навыка. Если существует полуосознанный комплекс (как, например, в случае с девушкой, которая боялась заразиться сифилисом), мы погружаем этот комплекс обратно в сосуд с водой, но вода не должна переливаться через край, - в данном случае детские воспоминания к делу не относятся. Мы остаемся внутри некоторого поля и по эмоциям пациента стараемся почувствовать путь. Здесь столько неизвестного, что может проявиться комплекс, иначе он потеряется в безграничной области бессознательного. Затем начинается парная или купание в горячей воде, затем - холодная ванна, потом опять горячая ванна и, наконец, огненная ванна. Температурная символика соответствует уровню интенсивности эмоций. Горячее - это то, что возбуждает эмоции. Холод ассоциируется с умиротворением; он свидетельствует о менее эмоциональном состоянии или даже становится «холодным душем» для повышенного энтузиазма. Вода тоже служит воплощением неких эмоций, морские волны означают движение воды. Обычно об этом не упоминается. Холод может быть связан с рассудительностью.
Возможно, вы захотите убедить пациента, что в его конкретной ситуации ничего нельзя решить, но следует понимать, что с ним происходит. Основные страсти разгораются, когда люди сталкиваются с неизвестным фактором. Паника оказывает пагубное воздействие. Это бесцельное возбуждение, похожее на панику животного. Приступы паники у больных, страдающих психозом, часто выражаются в том, что им кажется, будто происходит мировой пожар. Женатый человек, влюбленный в другую женщину, испытывает панику, не зная, как ему поступить. Внезапное возбуждение, вызванное неспособностью справиться с ситуацией, угрожает человеку психическим «самосожжением». В данном случае успокаивающим средством является осознание. Следует попытаться подвести человека к более широкому осознанию и показать, что конфликт не произошел сам по себе, а теплился в его душе. Если пациенту удается осознать свое устремление (пусть даже он его не понимает и принимает решение какое-то время ничего не делать), опасность паники проходит и сменяется выжидательной установкой. Тогда вместо пагубной для человека паники от него можно ожидать разумного решения. Мужчина становится особенно опасным, если он одержим огнем вспыхнувшей в нем слепой страсти. В таком случае постепенному достижению осознания очень способствует водная ванна.
В труде Юнга «Психология переноса»* (Юнг К.-Г. Психология переноса, пар. 453ff и 483 ff. М.: Рефл-бук, 1997.)
есть несколько интересных замечаний о воде и ванне, где на основе обширного материала показана символическая связь воды с осознанием, которое сравнивается с водой мудрости алхимиков. Здесь же упоминается о необходимости интеллектуально осознавать содержание бессознательного и чувственно относиться к нему.
В моей практике был случай, когда женщина оказалась в состоянии жуткой паники. Она хотела покончить с собой, и психиатр, с которым я вместе работала, захотел поместить ее в клинику. Я попросила пациентку рассказать свои сны и узнала, что у нее было такое видение: она увидела яйцо и услышала голос, который произнес: «Мать и дочь». Я амплифицировала этот материал, сказав, что увиденное ею яйцо является зародышем новых возможностей и т.д. Пациентка была настолько не в себе, что ни слова не поняла из

моего объяснения, а потом призналась, что в тот момент не могла ничего слышать; но после того, как я немного поговорила с ней, она успокоилась и сказала, что пойдет домой. Тогда я предложила не помещать ее в клинику. Позже пациентка объяснила, что, хотя она ничего не поняла из сказанного мной, но подумала, что госпожа фон Франц сочла ее сон хорошим.
Уже одного факта, что кто-то в чем-то нас понимает, достаточно, даже если человек сам не может себя понять, - тогда температура падает, и у пациента наступает некоторое успокоение, а затем он, вероятно, сможет что-то осознать. Иногда архетипическое содержание пациенту практически недоступно, и если это содержание не приблизить к его сознанию с помощью специальных терминов, то вам не удастся внятно изложить ему смысл проблемы. Однако чувство, что нас понимает кто-то еще, оказывает успокаивающее воздействие.

Глава 3

В прошлый раз мы обсуждали мотив охлаждающего воздействия водной ванны. Католическая церковь говорит об aqua doctrinae - воде католической доктрины, то есть о воде, которая символизирует умиротворяющее воздействие церковных догматов на человеческую душу. Когда существует возможность осознания, эмоциональное возбуждение прекращается. В волшебных сказках ванна, избавляющая от колдовства, часто является очень горячей, и только герой может выдержать температуру, которая для других оказалась бы смертельной. В одной сказке старый король пытается погубить героя, заставляя его искупаться в такой ванне, но тот остается невредимым, так как его конь наделен волшебными качествами - в частности, своим дыханием может остужать воду. Затем герой предлагает королю принять ту же ванну, и тот погибает, сварившись в кипятке. В данном случае речь идет не об очищающем воздействии воды, а о скрытой волшебной силе героя, которая сохраняет ему жизнь, не позволяя свариться в ванне или быть зажаренным в печи.
Горячая вода означает сильную эмоцию: когда мы работаем с комплексом, подавляя его и отправляя обратно в бессознательное, мы добавляем либидо и эмоционально участвуем в любых проявлениях комплекса. Часто сам комплекс имеет некоторые аффективные проявления, и тогда мы можем «сварить» его в собственном аффекте. Возможно, что горячая вода или эмоциональное возбуждение, которое она символизирует, выйдет вместе с проекцией, а затем на внешний объект направится весь аффект. Вполне возможно, что у пациента имеется Тень, от которой он старается избавиться путем отреагирования, испытывая ярость к какому-то человеку, однако нам следует выявить проективную природу аффекта, чтобы пациент или комплекс «поварился в собственном соку»* (Иначе говоря, устранив возможность проекции, мы тем самым закроем выход эмоций пациента или комплекса и устроим ему финскую баню; см. далее. — Прим. переводчика.).
Когда закрывается нормальный выход проекции, человек начинает страдать, а так как он больше не может искать козла отпущения во внешнем мире, ему приходится страдать самому от давления комплекса, который не имеет другого выхода.
Пациент может испытывать негативные эмоции к аналитику, и если тот реагирует эмоционально, то обязательно возникает проблема, ибо если аналитик не обращает внимания на неприязнь пациента, его аффект не находит выхода и вызывает у него страдания. Этот метод не всегда бывает эффективным, ибо иногда следует вступить в эмоциональную игру с пациентом, но тактика аналитика определяется правильной интерпретацией сновидений пациента, выбором соответствующей установки и знанием тех случаев, в которых аффект следует удерживать внутри пациента; тогда тот вместе со своим комплексом оказывается в «горячей ванне», что всегда вызывает ужасные страдания.
По существу, это картина ада, когда человек попадает в кипящее масло, и вынужден долго в нем оставаться. Такое случается с людьми каждый день, когда они сидят и «варятся» в

собственных эмоциональных комплексах. Даже люди, которые не верят в ад, обычно бывают поражены этим образом вечной муки, так как он отражает глубокую психологическую истину.
Наружное подогревание ванны с водой обычно подразумевает искусственное усиление эмоции. В основном это происходит с людьми шизоидного типа, когда у них возникают огромные проблемы, не вызывающие соответственных страданий. Аффект возникает не там, где его можно ожидать, а прорывается в каком-то ином месте. Юнг рассказывал о пациенте, который на вопрос, что он записал в процессе беседы, ответил, что написал дату своего последнего разговора по телефону с Пресвятой Девой. Если бы у нормального человека было видение Девы Марии или он общался с Нею, он рассказал бы об этом со страхом и трепетом, а шизофреник может говорить об этом так же спокойно, словно речь идет, например, о сигаретах. В таких случаях или при работе с пограничными личностями «ванну» следует искусственно разогревать, то есть применять психотерапевтические методы для усиления аффекта, которого у пациентов явно не хватает. Например, пациент, страдающий шизофренией, может угрожать застрелить аналитика, совершенно не осознавая смысла своих слов, и тогда аналитику следует инициировать у больного аффект на уровне эмоционального потрясения, который вызвал бы у него нормальную реакцию. Если такому пациенту и можно помочь, то лишь заставив его осознать, что он говорит, то есть извне «нагреть ванну» и таким образом усилить аффект до необходимого уровня, если он не может образоваться внутри.
При шизофрении содержание бессознательного имеет тенденцию к дезинтеграции, а значит, и к утрате присущей ему эмоциональной значимости. При неврозе «запертой» части личности пациенту присуща вполне приемлемая эмоциональная жизнь, тогда как в случаях психоза реальные затруднения создает тенденция к постоянно возрастающей дезинтеграции без внешнего выражения аффекта. Таких людей может задеть какое-то замечание, но при этом они не сознают, что их задели; аффект возникает уже позже. Однажды я сделала замечание, задевшее комплекс пациента, однако он ушел от меня в хорошем настроении. Примерно через час, уже на улице, ему пришло в голову, что мужчина в грузовике собирается в него выстрелить, и тогда, в совершенно нейтральной обстановке, у него прорвалась ярость. Я предположила, что в прошлый раз, наверное, чем-то задела пациента, так как на это указывал его сон, но он ничего не помнил: задетая часть его психики была настолько «заперта», что он ничего не заметил. А ему приснилось, что кто-то был убит и брошен в яму, затем труп сам по себе исчез, а на его месте остался только клочок одежды. Таким образом комплекс становится автономной структурой, которая затем распадается на части.
Аналитикам хорошо известно, что человеку, которому причинили боль, позже может присниться, что кого-то убили; мой шизоидный пациент, который не заметил ничего плохого во время беседы, через час почувствовал страшную ярость, увидев мужчину на грузовике. Нельзя легко установить связь, возникшую в тот момент в голове моего пациента, а воссоздать ситуацию, чтобы понять, что за ней стояло, практически невозможно. Следовательно, если комплекс не находит приемлемого эмоционального выражения, чтобы предотвратить дезинтеграцию, нужно, чтобы он получил либидо извне. В таком случае он может стать достаточно сильным, чтобы прорваться вовне в более приемлемой форме, и тогда можно сосредоточить внимание на проблеме, связанной с этим комплексом. Проблема может быть вытеснена из сферы сознания и на годы спрятана в долгий ящик. Человек может вообще отказаться ее замечать и утверждать, что если он обратит на нее внимание, у него может начаться депрес- сия. Отказ обратить должное внимание на «запертую» часть личности обусловлен стремлением избежать страданий, вызванных «кипящей ванной».
Benedectio Fontis, обряд крещения в христианской церкви, воплощает очищение человека и его трансформацию в новую, духовную сущность; но символизм крещения в католической мессе был глубоко продуман, тогда как в волшебных сказках речь идет о

естественном процессе. В святую субботу накануне Пасхи вода в крестильной купели всегда освящается. Сотворив над водой крестное знамение, священник тем самым разделяет воду в купели на четыре части. Это означает, что кровь Христа пролилась со всех четырех концов креста и через весь мир потекла к новому раю. И тогда вода становится средством, позволяющим возродить человеческую душу. Поэтому принято говорить, что Святой Дух наполнит воду, приготовленную для нового рождения человека, таинственным присутствием божественной силы, чтобы из этого лона божественной купели мог родиться новый человек и появилось божественное потомство. Люди, оказавшиеся в изоляции из-за греха и старости, милостью Божией и благодаря матери Церкви возрождаются такими же чистыми, как крещеные дети, а разная нечисть бежит прочь и не может приблизиться к святой купели. Таким образом, очистившийся человек возрождается к жизни и избавляется от греха, а затем его трижды осеняют крестным знамением. В данном случае очищение и возрождение объединяются. Священник держит пасхальную свечу в воде и троекратно осеняет ее крестным знамением. Свет и воскрешающая сила Святого Духа в этот момент проникают в воду, и говорится, что Святой Дух проникает в крестильную воду, чтобы тот, кто принимает крещение, действительно родился заново.
Помещение в воду огня пасхальной свечи имеет глубокий психологический смысл. Свет свечи, как правило, символизирует свет осознающего и просветленного разума, который теперь проникает в бессознательное и оплодотворяет его. Это символическое действо воплощает готовность к добровольной жертве, определенное понимание и знание истины, обретаемые через погружение ее в воду, то есть через возвращение ее бессознательному, откуда появилась эта истина, чтобы таким образом увеличить ее мощь и действенность. Вместе с тем здесь соединяются противоположности - огонь и вода, образуя в результате огненную воду. Крестильную воду нередко называют aqua ignita*
(Огненная вода (лат.) — Прим. переводчика.) , так как считается, что эта вода содержит в себе огонь Святого Духа и выражает общую реальность истины, то есть единство сознательной и бессознательной установок. При мистической трактовке этой темы можно добавить, что любая истина католической церкви всегда включает в себя таинство и может быть истолкована только до какого-то предела: всегда найдется то, что невозможно объяснить одними догматами. Свет свечи воплощает тот аспект церкви, который должен остаться непознаваемым, пока не соединится с другим ее аспектом. Это символическое свойство света глубоко затрагивает как бессознательное, так и сознание человека, принимающего крещение. Благодаря этому истина, которая ему открывается, удваивает свое значение. Таков символ обновления установки.
Людям, которые долго проходили анализ, не нужно анализировать каждое сновидение столь же подробно, как в начале процесса. Им бывает достаточно одного упоминания; аналогом этому может послужить обычай окропления верующих святой водой (asperges). Этот ритуал заменяет погружение в купель, которое в эстетическом отношении является не слишком приятной процедурой.
Как-то в праздничные дни я смотрела фильм, в котором были показаны обряды крещения у мандеитов (народности, живущей на территории между Тигром и Евфратом); в частности, там был ритуал, в процессе которого всю домашнюю обстановку и весь домашний скот нужно было погрузить в большой водоем. Трудно было не заметить, насколько некрасива и даже карикатурна вся эта процедура, например, когда в воду тащили козла, а все участники ритуала были забрызганы водой и грязью. Как известно, в ходе развития католической церкви такие действа устранялись из церковных обрядов, чтобы придать им более торжественный вид. Но, с другой стороны, когда вы смотрите на это примитивное купание, вас поражает первозданная жизнь этого представления. Люди тайно собираются ночью и читают свою священную книгу. Они выкапывают яму, наполняют ее водой, и каждого человека, а также всю домашнюю утварь погружают в эту яму, а затем все участвуют в ритуальном пиршестве. Хотя этот обряд неэстетичен, а

некоторые процедуры и вовсе вызывают смех, он все равно намного лучше передает когда-то содержавшуюся в нем первозданную эмоцию, чем более развитые ритуалы.
Не следует забывать о том, что, погружаясь в ванну, человек испытывает определенное соматическое ощущение. После долгого пребывания в высокогорной хижине ванна оказывает такое освежающее воздействие, которое сразу возвращает нас к жизни, и не идет ни в какое сравнение с ощущением при ежедневном принятии ванны. В психиатрии ванну обычно назначают при легких случаях кататонии и депрессии, так как массаж и ванна восстанавливают функции тела и способствуют улучшению кровообращения.
Теперь переходим к мотиву съедания цветов, который является еще одним странным мотивом волшебных сказок. В сказке Апулея «Золотой осел»* (Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел // БВЛ. М.: Худ. литература, 1969. - Прим. переводчика.) главного героя превращают в осла, а избавиться от этой беды он может, только если съест цветы роз. Автор сказки взял этот мотив из фольклора. Тема человека, который превратился в животное и может вернуть себе человеческий облик, только если съест цветы, встречается у разных народов мира. Это не обязательно должны быть розы, могут быть, например, лилии. Вид цветка зависит от страны, в которой была создана данная сказка. В простой немецкой сказке рассказывается о том, как один мужчина посватался к прекрасной дочери ведьмы, а потом ушел на войну. Мать с дочерью решили, что он не сохранил верность невесте, и по возвращении превратили его в осла. Несчастному долго пришлось таскать на спине мешки с мукой, пока однажды, проходя мимо дома ведьмы, он не подслушал, как дочь спросила у матери, не пора ли им снова превратить его в человека, и узнал, что для этого ему нужно съесть лилию. Мужчина так и поступил - и сразу же обрел человеческий облик. Он оказался совершенно нагим перед собравшимися людьми и рассказал им обо всем, что с ним случилось. Такова исходная версия сказки, лежащей в основе истории Апулея.
Сначала нам следует обсудить, что значит превращение человека в животное. Разные животные проявляют разное инстинктивное поведение; если бы тигр вел себя как белка, мы бы назвали его невротиком. Превращение человека в животное означает его отчуждение от сферы своих инстинктов, поэтому нужно выяснить, о каком именно животном идет речь. Возьмем осла: это одноиз животных бога Диониса. В эпоху античности он считался очень сексуальным животным, а кроме того, славился своим упрямством и глупостью. Он является одним из животных Сатурна и обладает сатурнианскими качествами. В эпоху поздней античности Сатурна считали богом иудеев, и в диспутах между христианами и нехристианами и христиан, и иудеев обвиняли в поклонении ослу. Следовательно, превращение человека в осла подразумевает избыток названных выше качеств, то есть наличие мощного давления некоторого комплекса, накладывающего отпечаток на поведение человека. Очевидно, что в сказке Апулея на первом плане оказывается сексуальное влечение. Герой наслаждался сексуальными отношениями с кухаркой ведьмы и с головой погрузился в чувственные удовольствия. Затем проявляется другой аспект Сатурна, связанный с меланхолией.
Депрессия и меланхолия часто прикрывают невероятную жадность. Обычно в начале анализа пациент пребывает в состоянии уныния и покорности: жизнь для него теряет смысл, интерес к ней пропадает. Это состояние может постепенно перерасти в ощущение полной ущербности. Совсем молодые пациенты производят впечатление опустившихся стариков и старух. Но за этим мрачным настроением может скрываться безграничная алчность -стремление быть любимым, очень богатым, иметь подходящего партнера, высокий социальный статус и т.п. За таким меланхолическим смирением вы часто обнаруживаете скрытый, но постоянно повторяющийся мотив, который существенно осложняет терапию: если дать таким людям хоть каплю надежды, лев сразу открывает пасть, и тогда вам приходится отстраниться, а они снова закрываются, и так продолжается постоянно - туда-сюда. Либо все, либо ничего. Человек мечется между депрессивным смирением и предъявлением немыслимых претензий. Такие метания типичны для nigredo

алхимиков, которое символизируют черный туман и кружащиеся вороны; тогда алхимики говорят: «Это проходят все звери». В процессе перехода от nigredo к albedo*(Символизирует белизну и фемининность, см дальше. — Прим. переводчика.) тоже участвуют все звери, появившиеся из глубины бессознательного -одна группа за другой: символы секса, власти, инфантильных влечений и т.д.

Таким образом, превращение в животное означает лишь то, что человек не живет в согласии со своими инстинктами. Его лишь отчасти захватывает одностороннее инстинктивное влечение, вызывая нарушение общего психологического равновесия. Еще труднее становится (как часто бывает в волшебных сказках), когда в животное превращен не сам герой, а какой-то другой персонаж, например, воплощающий Аниму, и герой должен освободить его от колдовства. В сказке братьев Гримм «Золотая птица»* (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 176. — Прим. переводчика.) главного героя постоянно сопровождает встретившаяся ему на лесной опушке лиса, которая помогает ему и дает полезные советы. После счастливой свадьбы сказочного героя и принцессы лиса просит застрелить ее и отрубить ей голову и папы. Герой отказывается. Лиса убегает, но спустя какое-то время появляется снова и опять просит об этом королевича. Тот нехотя соглашается - и лиса превращается в прекрасного юношу, который оказался братом принцессы, наконец-то освободившимся от злого заклятья.

Если вам приснилось, что в животное превратились не вы, а кто-то другой, то возникает гипотеза, что эго-комплекс подавлен каким-то другим комплексом. Представим себе, что мужчине снится сон, в котором его любимая женщина, воплощающая его Аниму, превращается в черную собаку. То есть Анима, которая должна иметь только человеческое переживание (это внутренняя жизнь, которая достигла человеческого уровня), будучи подавленной сильным влечением из-за воздействия внутренних комплексов, регрессировала до уровня предчеловеческой формы выражения.

Как правило, Анима воплощается в человеческом образе, и все проявления мужской Анимы - его настроение, эмоции, форма и тон, с помощью которых он привлекает других женщин, -сначала находят выражение на уровне поведения реальной женщины. Но затем ведьма или злой волшебник заколдовывают Аниму, превращая ее в черную собаку, а это значит, что другой, абсолютно бессознательный комплекс «заразил» Аниму своим содержанием, оказав на нее вредное и пагубное воздействие. На периферии сознания ничего нельзя сделать, пока не вмешается Эго, а потому животному, которое является заколдованным человеком, требуется помощь сказочного героя в том, чтобы избавиться от заклятья, от которого оно не может освободиться самостоятельно. В европейских волшебных сказках колдун, как правило, воплощает темный аспект образа Бога, который не получил признания в коллективном сознании. Колдуну присущи все черты, характерные для темного языческого бога, быть может, Вотана, тролля или горного демона, или какого-то иного кельтского дохристианского образа Бога. Можно сказать, что подобные божества воплощают ту сторону образа Бога, которую не приняло сознание, а потому она жила в темноте. У этой стороны жизни есть свое бессознательное мировоззрение - точка зрения или жизненная философия, которая влияет на Аниму. Мужская Анима часто обладает мировоззрением, но мужчинам это трудно понять. Мужчина может достаточно хорошо описать собственную Аниму, может даже знать ее реакции, но проблема в том, что Анима не только выражает его чувства и настроения, но и имеет определенное мировоззрение и моральные нормы. Если Аниму мужчины привлекают красивые, неприступные женщины или молодые девушки, он поймет, что у него весьма наивный взгляд чувственную жизнь, с которой ему совладать не так просто, как с собственным сознанием. Но хуже всего то, что он не может вступить в контакт с комплексом юной Анимы, который создает проблему его мировоззрения, тем самым бросая вызов его сознательной установке. Если мужчина узнает, что его Анима постоянно хочет, чтобы он соблазнял юных девушек, значит, она не только выражает его настроение, но и побуждает к поступкам и мыслям, противоречащим его мировоззрению и

вызывающим самые серьезные осложнения. Он может принять любовь к красоте и юности жизни, но не принимает поступки, которые должен совершить в том случае, если последует ей.
Итак, Анима - это носитель иного мировоззрения. В нашем обществе она часто принимает образ язычницы: она любит красоту жизни, красоту природы, находящиеся по другую сторону добра и зла, и это ее мировоззрение, и в этом заключается ее особая проблема. Она бросает вызов общей сознательной установке мужчины. Истинная проблема состоит в том, что на его Аниму воздействует другой комплекс, и мужчине сначала приходится иметь дело с колдуном и последствиями его колдовства. И тогда он говорит: «У меня одно мировоззрение, а у моей души - другое». Так как проблема мировоззрения для мужчины гораздо серьезнее, чем проблема чувств, именно здесь он сталкивается с самой большой сложностью.
Предположение, что за Анимой скрыт другой комплекс, подтверждается тем, что в сновидениях Анима часто появляется в образе женщины, у которой есть другой любовник, и тогда в снах мужчины начинает проявляться ревность. Этот женский образ - некое воплощение, исходящее из бессознательного и свидетельствующее о том, что в бессознательном Анима связана с другим комплексом, а потому следует отделять содержание Анимы от содержания другого комплекса.
Возьмем, например, мужчину, который в сознательной жизни совсем не честолюбив, а наоборот, ленив, благодушен и не стремится переусердствовать в работе. Но у этого мужчины есть честолюбивая, недоступная его сознанию Тень, которая побуждает его постоянно влюбляться в женщин, обещающих сделать его великим. Именно из-за своего бессознательного честолюбия он всегда влюбляется в женщин, пользующихся достаточно известной уловкой, очень привлекательной для мужчин: женщина обещает стать Анимой, которая вдохновит этого мужчину и даст ему крылья, чтобы взлететь к вершинам славы. Такому мужчине может присниться, что его Анима сбежала от него с честолюбивым и неприятным человеком. Этот сон говорит о том, что честолюбие мужчины пагубное повлияло на его Аниму. Осознав, что у него есть честолюбие, он перестанет влюбляться в таких женщин. Прежде его влекло к ним именно бессознательное честолюбие, а теперь он сумел его осознать. Но если у Анимы есть мировоззрение, то лишь потому, что на нее пагубно влияет какой-то мужской комплекс. Мужская Анима - это побуждение к жизни или к уходу из нее. Она вовлекает мужчину в жизнь и выталкивает его из жизни, но при этом у нее нет конкретного мировоззрения, а если оно все-таки есть, то является парадоксальным, так как означает одновременно и да, и нет. В данном случае мировоззрение - некая тенденция, существующая в бессознательном, которая не может получить доступ к сознанию, а потому пытается проникнуть в него под прикрытием Анимы. Наличие мировоззрения всегда подразумевает, что за одним комплексом скрывается другой, и поэтому лучше прямо говорить о мировоззрении Анимы.
Мировоззрение воплощается в сновидении как неверность Анимы: незаметно от сновидца она убегает с другим мужчиной, образ которого является бессознательной характеристикой сновидца. Тогда появляется проблема, состоящая в том, что Аниму нужно освободить от пагубного влияния, а колдуна - убить.
В европейских волшебных сказках Анима обычно оказывается в плену у дьявола, и тогда сказочный герой должен вместе с Анимой убежать от него туда, где они будут чувствовать себя в безопасности: иными словами, герой должен освободить свою Аниму от дьявольского воздействия бессознательного.
Следующий вопрос: почему колдун набрасывает на Аниму звериную шкуру? После того как он ее заколдовал (а он умеет это делать), вместо прекрасной женщины мы видим черную собаку. Под звериной шкурой скрывается страдающий человек, но, вступая в область бессознательного, мы сначала видим черную собаку.
В упомянутой выше немецкой сказке про осла колдунья набрасывает шкуру на самого героя. Человека можно заколдовать, просто подойдя к нему и набросив на него шкуру. В

сказке братьев Гримм «Шесть лебедей»* (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 152. — Прим. переводчика.) сестре нужно к определенному сроку сшить шесть рубашек, чтобы набросить их на своих братьев, и тогда они снова превратятся в людей. Но она не успевает закончить один рукав, и у самого младшего брата вместо одной руки остается крыло. Таким образом, человека можно избавить от заклятья или наложить на него заклятье, набросив на него кожу или шкуру животного. Набросить на человека звериную кожу - всего лишь один из способов наложить на него заклятье. По существу, это значит, что психический комплекс, который обычно внешне выражается в человеческой форме, настолько лишен энергии, что может выражаться только в форме животного. У такого замещения всегда существует причина, иногда она является прямой, а иногда - косвенной.

Зачастую такая «нестабильность» внешнего образа связана с каким-то комплексом, который лишает нас средств выражения. Оставаясь наедине с собой, вы имеете ясное представление о проблеме и точно знаете, что хотите об этом сказать, но едва появляется возможность высказаться, эмоции вас настолько переполняют, что вы начинаете заикаться или делать какие-то знаки - то есть лишаетесь обычных средств человеческого выражения. Если вы с кем-то ссоритесь, то моральные ограничения останавливают вас, и когда вы хотите что-то сказать, то не можете произнести ни слова. И тогда вы становитесь похожим на осла, который кричит «иго-го». Это приводит к известному в аналитической практике написанию писем, потому что когда пациент оказывается дома, он осознает, что хотел сказать, но уже через час может произнести только «иго-го» или просто глупеет, действие эмоции.

В таком случае то, что потенциально может быть выражено в «человеческой» форме, из-за вмешательства другого комплекса выталкивается обратно в эмоциональную сферу и обретает животную форму внешнего выражения. Обычно это прямо или косвенно связано с неким предубеждением в установке эго-сознания, то есть с неправильной установкой Эго, не позволяющей человеку адекватно себя выразить. Он просто не слышит, что могла бы сказать ему Анима. Такие мужчины могут сказать об Аниме: «В ней нет ничего, кроме сексуальности».

Если вы считаете, что в Аниме «нет ничего, кроме» того, что вы о ней знаете, значит, вам не хватает восприимчивости и умения вслушиваться. И тогда в Аниме действительно «нет ничего, кроме» бремени резких эмоций, ибо вы никогда не позволяли ей себя выразить, поэтому она и стала грубой и бесчеловечной. Именно поэтому Юнг создал метод активного воображения, позволяющий вступить в диалог с комплексом: вы как бы приглашаете «черную собаку» к себе и разговариваете с ней, внимательно прислушиваясь к тому, что говорит она. В результате вы начинаете ощущать, что ваше тяжкое бремя исчезает, а вместо черной собаки появляется более человечное существо, с которым можно разговаривать. И вдруг оказывается, что это колдун. Так как человек отверг Аниму, права на нее получил колдун. Поступить с Анимой подобным образом - все равно, что убить жену или ребенка, чтобы навредить другому человеку. Можно сказать, что в данном случае Эго на каком-то уровне заблокировало один комплекс другим; значит, наше заклятье - нечто похожее на акт возмездия. Если за Анимой скрывается языческое мировоззрение, мужчине следовало бы спросить себя и утвердиться в своем мнении: «Почему в моей душе возникают такие идеи?» Тогда влияние на его Аниму прекратится, и он убедится в том, что, по существу, она для него безвредна.

Мне вспоминается крайне рациональный мужчина, который в ранней юности, точнее, при наступлении пубертата пережил тяжелое потрясение. Его мать умерла от рака, причем болезнь протекала долго и мучительно. Любимая мама этого мальчика медленно умирала у него на глазах. Будучи от природы очень живым и темпераментным, он стал сухим и замкнутым; постепенно у него развилось сходство с отцом, человеком крайне рациональным и убежденным в том, что жизнь уже прошла. В результате он сделал бессознательный вывод, что нет доброго Бога. Это выяснилось в процессе анализа и

нашло выход в снах и видениях пациента. Если такого прекрасного человека, каким была его мать, ужасная болезнь безвинно замучила до смерти, значит, за это отвечает Бог. Юноша не обладал способностями религиозного философа, чтобы сформулировать такой вывод, но бессознательно все же пришел к нему, и с тех пор его жизнью стала управлять такая идея: «Несмотря ни на что, я знаю, что мир безнравственен, а жизнь зла». Но его сознательная установка представляла собой рациональный скептицизм.
Сначала в сновидениях юноши предстала Анима в образе любвеобильной женщины, полной жизни, похожей на античную Венеру. Молодого человека беспокоили обычные сексуальные фантазии: ему казалось, что у его постели появляется какая-то женщина, которая возбуждает его, или снились дионисийские пиршества. На самом деле он был человеком скорее аскетического склада, не привыкшим наслаждаться жизнью. На вечеринках все его избегали, и все же его Анима отличалась языческим чувственным восприятием и ощущением. Я побуждала юношу следовать за этой Анимой, внушая ему, что если бы он встретил девушку, похожую на ту, что он увидел во сне, ему пришлось бы что-то предпринять. На какое-то время мои внушения подействовали, а затем все вернулось на свои места. Что его останавливало - невротический механизм или что-то другое? Я следовала указаниям его сновидений, иногда рекомендуя ему позвонить по телефону воображаемой девушке, а иногда советуя этого не делать.
Как-то в конце семестра он пришел ко мне и рассказал следующий сон: красивая обнаженная женщина с великолепной фигурой приблизилась к его кровати, сексуально возбуждая его знаками и жестами, но как только он попытался привлечь ее к себе, она исчезла. Затем та же красавица спускалась по лестнице, держа в руках, как Моисей скрижали, табличку, на которой было написано: «Ты не сможешь меня иметь». Этот сон меня так расстроил и сбил с толку, что я лишь сказала: «Да, все так и есть». Но после этого сна он впервые осознал, что такое Анима. Когда юноша пришел ко мне в следующий раз, он сказал: «В тот раз вы совершили чудо! Теперь я понимаю, что такое Анима!» Лично я не считала, что чего-то добилась, кроме того, что мой пациент осознал парадоксальную природу Анимы. Он также осознал, что она побуждает его к решительным действиям, что ему следует принять решение и разобраться с этой проблемой. Внезапно пациенту стало ясно, что он должен что-то делать. Он сказал: «Черт с ней, с этой Анимой, вместе с ее двойной игрой, я собираюсь работать и буду писать картины!»
Во всех его картинах и видениях присутствовала темная, дьявольская фигура, которая на него нападала, - темный бог, - и он осознал, что именно в ней заключалась истинная причина его депрессии. Молодой человек всегда хотел получать все, он любил по-детски и надеялся встретить прекрасную женщину, а возвращаясь к реальности, снова становился покорным. Его депрессия была похожа на грусть расстроенного ребенка. Теперь он неожиданно увидел, какое пессимистическое мировоззрение скрывалось за его депрессией, убедился в том, что не верит ни в жизнь, ни в Бога, и в том, что ему нужно создать свой образ Бога. Ужасная болезнь матери затронула ее мозг. Он видел, как это на нее повлияло, и, глядя на ее страдания, пришел к бессознательному выводу, что (бессмертной) души не существует. Юноша решил как следует разобраться в своем мировоззрении, ибо его Анима была обесценена до уровня низкопробной женщины, которая к тому же была безнравственной. Однако ее безнравственность была вызвана какой-то другой блокировкой, ибо обычно Анима нейтральна с точки зрения морали. Хотя она уже достигла уровня сознания, единственная его попытка приблизиться к ней была весьма примитивной: это был грубый сексуальный натиск - он вел себя как животное. За этим натиском стояли очень человечные чувства, но молодой человек не научился их по-человечески выражать. Даже если бы юноша смог полюбить женщину, он не знал другого способа выражения своих чувств; его Анима стала «заколдованной», потому что он находился под властью материалистических идей.

Если вы считаете, что секс сводится к гормональной регуляции тела, то он действительно становится чисто механическим занятием (как, например, вождение автомобиля), утрачивая смысл психологических чувственных отношений. Мужчина за свое ложное представление о сексе был наказан психогенной импотенцией; тело сказало ему: «Если ты думаешь, что для тебя я только автомобиль, то автомобиль больше не будет работать!» Причиной его психогенной импотенции стала ложная сознательная установка. Она была такова: если человек ведет себя правильно, значит, он имеет право на человеческое счастье; но он воспринял смерть матери следующим образом: мать - счастливая женщина, которая безупречно себя вела, но при этом испытывала адские смертные муки. Да, на уровне сознания он все еще считал Бога добрым и верил, что его жизнь должна быть счастливой. Он не мог понять, почему не получил от жизни то, что хотел, и пришел к выводу, что для него жизнь устроена иначе. Он оказался тем, кто не получил ничего, и решил, что надо примириться с этим и прекратить попытки что-то получить от жизни; на нем лежало тяжкое бремя покорности, в котором было много горечи, а его законное право на любовное чувство было подавлено. Юноша никогда не пытался прямо обратиться к тому, что он действительно думал. Он не принадлежал к мыслительному типу, который способен на это, и просто смирился с идеей, что жизнь так устроена. Он даже чувствовал свою вину, считая, что, наверное, он отвратительный человек, если судьба отнеслась к нему так плохо. Таким образом, ему пришлось осознать, что у Бога есть темная сторона. Следует принять во внимание, какое воздействие на человека должно оказать осознание того, что Бог - не ласковый воспитатель из детского сада! Даже в христианском догмате говорится, что у Бога есть непостижимый аспект, и если это понять, можно избавиться от идеи о том, что вы обязательно будете счастливы, если правильно себя ведете. Этот мужчина преодолел свою инфантильную организацию, став более серьезным и осознанно-печальным, однако менее ожесточенным и унылым. Осознав открывшийся ему темный образ, он стал мудрее. До этого он весьма критически воспринимал поведение людей, а теперь, осознав темную сторону Бога и эфемерность человеческого бытия, стал более терпимым, поняв, что все мы - бедняги, которые борются с трудной судьбой, начало и конец которой нам неизвестны. Таким образом, он стал испытывать маленькие удовольствия, которые кажутся гораздо более радостными, если знать, что жизнь темна и трудна. У него появилось даже некое чувство юмора, которого раньше не было.
В его случае можно было бы сказать: «Страх Божий - начало мудрости». Молодой человек получил от жизни некий эквивалент своим снам, так как научился с большим смирением видеть красоту жизни и ее ценность, утратив свою инфантильную жадность и веру в то, что в его жизни что-то должно быть. Одним из его теневых образов был гангстер, и если быть уверенным, что в жизни все плохо, то гангстерское представление о жизни является совершенно правильным! Человек, который сознательно вел правильный образ жизни, постоянно видел во сне образ гангстерской Тени, ибо если жизнь так гнусна, то остается только взять пистолет и грабить! У него был и другой теневой образ - плотоядного мужчины, который жил только для того, чтобы вдоволь есть и пить. Пациент предпочитал друзей именно с такими вкусами. У него был друг - чревоугодник и любитель выпить, у которого было такое же мировоззрение. На все его бессознательные комплексы воздействовал темный образ, вызванный перенесенным в юности потрясением, которое породило образы гангстера и пьяницы-чревоугодника, наряду с его отвращением к калекам, так как он проецировал на других травму, которая искалечила его собственную душу.

Глава 4

В прошлый раз мы обсуждали, что могло бы означать превращение в животное некоего содержания коллективного бессознательного, и споткнулись, потому сначала должны были бы узнать, почему в нашей сказке Аниму превращает или заколдовывает какой-то старый черт. Я пыталась продемонстрировать, что Анима может находиться под влиянием

бессознательного мировоззрения, то есть точки зрения, и что это влияние, исходящее от мужской души, может воздействовать и на другие комплексы. Это предположение основано на убеждении, что комплексы человеческой психики - не просто скопление частиц. Они образуют структуру, похожую на социальную организацию, в которой взаимодействуют между собой на равных или по принципу доминирования-подчинения. А структура центрирована вокруг архетипа Самости. Если это правда, тогда понятно, что один комплекс может влиять на другой, доминировать над ним и что комплексы могут взаимно растворяться друг в друге.

На примере взятой нами сказки мы показали, что означает, когда чародей заколдовывает принцессу, заставляя ее совершать злонамеренные поступки. В данном случае Анима подверглась воздействию злых чар скандинавского духа природы (тролля), жившего в горах (тролли живут и в море).

Мы до сих пор не объяснили мотив звериной шкуры, но сначала мне хотелось бы привлечь ваше внимание к теоретическим рассуждениям Юнга о природе психики. Они взяты из его эссе, которое так и называется - «О природе психики»* (Collected Works, vol. 8, pars. 414ff.).

В нем Юнг пытается описать то, что мы обычно называем психикой, и сравнивает ее с цветовым спектром с двумя полюсами - инфракрасным и ультрафиолетовым. Юнг утверждает, что, конечно же, можно было бы все назвать психикой, но предпочитает допустить существование такого феномена, как материя, который мы не называем психикой, ибо, хотя они связаны между собой, мы пока не совсем ясно представляем, как именно. Обычно материя - это предмет исследования физиков, а значит, не должна считаться психикой. Другим понятием является дух, который проявляется как принцип упорядоченности психики и может возникать и в материи.

Как только мы сталкиваемся с многозначным феноменом, то предполагаем его связь с действием подобного духа. Мы не можем доказать, что такой дух существует, а просто определяем его как неизвестный нам элемент, который создает порядок. Ни материю, ни дух нельзя непосредственно наблюдать и описать. Как известно, материя тождественна энергии*(Вспомним уравнение Эйнштейна: Е = тс2, где Е — энергия, т — масса (т.е. материя). — Прим. переводчика.), и обе являются величинами «X» для физика, который может описать поведение материи, но не может определить, что она собой представляет. То же самое относится к духу, но в психике мы можем наблюдать деятельность, создающую порядок, а значит, предположить, что существует некий источник данной деятельности; этот некий источник мы и называем духом. Тогда у человека материя была бы представлена телом, а его духовным аспектом стала бы совокупность архетипов, ибо, по нашему мнению, архетипы - это те неизвестные элементы, которые проявляются в процессе упорядоченности психики.

Пожалуйста, не путайте архетип с образом или символом; архетип - это неизвестный фактор, который порождает архетипический образ. То, что создает этот образ, представляет собой лишь допускаемую реальность. Мы допускаем, что такая реальность существует, так как что-то должно быть источником этого образа, но мы не можем сделать его видимым, как любую вещь в себе. Именно такую базовую структуру, создающую эти образы, мы называем упорядочивающим духом или архетипами.

Наблюдая за поведением животных, мы можем описать его только извне. В книге по зоологии можно прочитать, что пчелы строят свои соты определенным образом, что их матка ведет себя так-то и так-то и т.д. То есть описывается физическая активность насекомого или животного и паттерн его поведения, но если предположить, что пчелы ведут себя осмысленно, значит, мы проецируем на них что-то свое. Можно лишь сказать, что это видимый нам способ поведения животного, но пока у нас нет средств, которые позволили бы посмотреть на эту ситуацию его собственными глазами. Мы не знаем, какие эмоции испытывает пчелиная матка, откладывая яйца. Мы можем строить разные предположения, но не можем сделать эти эмоции объектом научного наблюдения.

Когда наблюдаешь за животными, то кажется, что они испытывают такие же чувства, как и мы. Я беседовала об этом с Конрадом Лоренцем, и он сказал, что убежден в этом, но доказать не может. Любой человек, когда-то державший собаку или одно из животных высшей организации, скажет, что, когда такие животные проявляют какие-то инстинктивные паттерны поведения, то испытывают эмоции, которые можно сравнить с человеческими. Например, мой пес, еще щенком, всеми своими движениями имитировал рытье ямы, клал туда кость, а затем, скребя когтями по полу, засыпал «яму» несуществующей землей. После этого он носился туда-сюда по комнате, всем своим видом выражая удовольствие. Потом он сделал что-то еще в рамках своего инстинктивного паттерна поведения, и я уверена, что от этого он испытывал приятное возбуждение, хотя не могу это доказать. В какой мере собака может что-то отчетливо себе представлять и воображать? Она может представить себе своих щенков! Человека тоже можно описать извне, а его поведение - сфотографировать.
К. Лоренц постоянно подмечает в нас что-то от обезьяны, интересуясь, какой рукой мы почесываем разные части своего тела, так как почесывание - один из самых устоявшихся паттернов человеческого поведения. Большинству животных присущ уникальный, свойственный только им одним способ почесывания, при этом каждый участок тела животное всегда будет почесывать особенным образом. В этих открытиях зоологов интересно отметить, что такие паттерны почесывания являются наиболее устойчивыми и остаются неизменными дольше, чем органы тела. Природе легче изменить органы тела, чем модель поведения!
В этой связи Лоренц упоминал одну из птиц, которая в процессе эволюции лишилась крыльев, а вместе с ними, разумеется, и способности летать. Большинство птиц, почесываясь, поднимают ногу поверх крыла, и эта птица, несмотря на то, что у нее нет крыльев, почесываясь по-прежнему делает сложный взмах ногой, лишний раз доказывая справедливость упоминавшейся выше теории. По способу почесывания зоологи даже могут определить вид, к которому относится животное или птица. Поведение человека тоже характеризуется соответствующими паттернами, например, когда кто-то, пытаясь развить мысль, инстинктивно использует определенную жестикуляцию. Многое в поведении человека сохраняет животное происхождение. Можно было бы перечислить все паттерны нашего типичного поведения, так же, как паттерны типичного поведения животных. Разница в том, что благодаря способности отслеживать, что происходит внутри нас в процессе каких-то действий, мы оказались в более выгодном положении, поскольку можем наблюдать за собой как изнутри, так и извне; а будь мы пчелой или собакой, это было бы невозможно.
Поэтому Юнг делает такое подразделение: на уровне тела у нас есть инстинкты, которые определяются как действия или типы действий. Вместе с тем, совершая такие инстинктивные действия, мы создаем образы, эмоции и т.п., то есть то содержание психики, которое переживаем «изнутри». Эти эмоции, идеи и психические образы тоже являются типическими и коллективными, как и «формы» действия. Иногда центр наших переживаний сосредоточен в физиологической области, то есть в инстинктивном действии, а иногда - в сопутствующих ему фантазиях и эмоциях. Например, можно что-то делать на физиологическом уровне и быть настолько поглощенным этим делом, что не появится никаких психологически осознанных реакций. Обычно, когда человек ест, у него возникают какие-то внутренние ощущения, но он может быть таким голодным, что не будет обращать ни на что внимания, пока не удовлетворит свой голод, - и тогда он оживает и становится бодрее, так как его «внутренняя обезьяна» «схватила банан» и съела его. Сначала, когда человек ни на что не реагировал, целиком погрузившись в еду, он был только животным. В другой ситуации, когда человек, например, сидит за письменным столом и думает, он полностью сосредоточен на противоположном архетипическом полюсе и относительно пассивен в других областях, за исключением, быть может, инстинктивного почесывания.

Обычно мы периодически движемся между этими двумя полюсами. При переходе от одного полюса к другому возникает ощущение жизни, и всю жизнедеятельность в этой области мы должны назвать психической, включив в нее сознание и бессознательное. Между этими двумя полюсами существует таинственная связь. Можно заметить, что при решении какой-то творческой задачи важная мысль приходит не прямо в сознание, а опосредованно - через телесную деятельность. Если вы попытаетесь рисовать, законченный образ может возникнуть в физиологической сфере и уже позже будет выражен на бумаге. Иногда пациенты могут выразить свою проблему только через жестикуляцию, а сделав определенный жест, они осознают его психическое содержание. Они заранее не знают, что именно выразят, ими движут только эмоции. С другой стороны, если в одной области происходит какое-то подавление или сдерживание (например, возникает мужская импотенция, то есть не действует соответствующий инстинкт), а при непосредственном лечении этого недуга (просто как физиологической импотенции) пользуются традиционными средствами, - то другая, психическая сфера тоже исцелится. Это значит, что иногда одна сфера может активизировать другую. Возможно, они обе представляют собой единый психофизиологический феномен.
Человек не обладает абсолютной свободой выбора, чтобы отдать предпочтение той или иной сфере. Например, X влюбляется в Y. По существу, казалось бы, есть выбор, на каком уровне следует развивать отношения - на платоническом или физиологическом. Современный человек тешит себя иллюзией, что у него есть выбор формы, в которой он должен воплощать в жизнь архетипическую идею слияния противоположностей - физической, духовной или промежуточной, содержащей обе предыдущие. Может показаться, что этот выбор полностью зависит от человека. Но если проанализировать сновидения людей, находящихся в такой ситуации, можно увидеть, что бессознательное имеет вполне определенное представление, на каком уровне должна воплощаться их связь, и налагает запрет на ту или иную сферу. Если человек ошибается в своем решении и воплощает в жизнь архетипический паттерн не на том уровне, его любовь может потерпеть крах. Например, человек может решить, что проживет это чувство только на духовном уровне, - и в результате становится очень невротичным. Определенное решение не является результатом только нашего выбора; окончательный выбор делает бессознательное. Нам следует следить за своими снами и ощущать свой собственный путь. Иногда человек начинает метаться от одного полюса к другому.
Порой ошибки, которые человек совершает, не сумев соблюсти необходимое внутреннее равновесие, порождают разные предчувствия. А при серьезных отклонениях от этого равновесия возникают невротические симптомы. Таким образом, должен существовать некий регулирующий фактор, который определяет уровень или область, где эти переживания могли бы существовать. Весьма вероятно, что такой регулирующий центр совпадает с общим регулирующим центром личности, то есть с Самостью. Если вы согласны с этой идеей, то становится ясно, что же означает колдовское заклятие, которое налагается на человека и превращает его в животное: оно означает ошибку, нарушение равновесия в сторону телесного, то есть инфракрасного полюса. Все, что следует пережить в психической или духовной сфере, приходится переживать на уровне животного паттерна. Если некое содержание бессознательного воплощено в образе какого-то теплокровного животного, его действиях и поведении (хотя оно не должно так себя вести), это значит, что существует некая психологическая идея, которую следовало пережить в промежуточной области, но по каким-то особым причинам она была оттеснена к одному из двух существующих полюсов. Возникает психическое расстройство, требующее лечения.
В волшебных сказках такое состояние воплощается в человеке, на которого была наброшена звериная шкура, ставшая причиной исключительно животной формы его внешнего поведения. Давайте спросим себя: почему в сказке должно произойти именно так? Обычно в клинических случаях такие прискорбные отклонения происходят, потому

что сознательная установка человека на жизнь не соответствует его душевным увлечениям, поэтому подобным пациентам может быть полезна психотерапия. Если скорректировать сознательную установку пациента, развитие патологического отклонения можно остановить, а затем можно воссоздать и его основные ценностные ориентиры.
С помощью колдовства человека можно превратить в холоднокровное или теплокровное животное или в птицу, которая тут же улетает и ее невозможно поймать. Птицы благодаря их неуловимости воплощают фантазию или духовное содержание психики; так рождается идея о том, что души умерших людей имеют крылья и поэтому могут являться в облике птицы. Следовательно, если кто-то превращается в птицу, то можно утверждать, что стремление этого человека реализуется только в виде идеи или фантазии и не становится целостным человеческим переживанием.
Человек склонен так смотреть на жизнь и действительность, чтобы блокировать доступ к одному из двух полюсов. Если он аскет или монах, то старается блокировать свой телесный полюс, усмиряя плоть. Человек может подойти к пределу чувственных переживаний, но дальше наталкивается на запрет. Если он является коммунистом-материалистом, то блокирует свой духовный полюс, утверждая, что души просто не существует, а ценность человеческой жизни и ее смысл - сплошная ахинея; человек - это его тело и совокупность некоторых типичных реакций. В данном случае доступ к архетипическому полюсу заблокирован предубежденностью или сознательным решением, что мир устроен именно так. Если за это он не наказан неврозом, значит, его мировоззрение согласуется с его психической структурой. Но если за это человек наказан беспокойством, суетливостью и т.п., то следует разобраться, в какой мере он живет так, как ему следует. Таковы две крайности в сознательной установке, позволяющие лучше видеть два архетипических полюса. Большинство людей живет между ними. Если где-то существует некий блок и ваша духовная жизнь испытывает какую-то потребность, вам может присниться, что дух хочет проникнуть в другое тело, чтобы перевоплотиться в другого человека; в таком случае можно предположить, что на одном конце шкалы активировалось содержание, которое хочет проникнуть в мир человека.
Существуют китайские предания о духе самоубийства. Китайские крестьяне верят, что характерная черта такого духа заключается в том, что, доведя до самоубийства одного человека, он переходит в другого. Некий аналог можно найти в жизни примитивных племен или среди детей: стоит какому-то члену племени или ребенку совершить самоубийство, появляется опасность цепной реакции, и тогда этой идеей заражаются уже сотни людей. Именно поэтому китайцы говорят о демоне самоубийства, который искушает людей совершить самоуничтожение, бродя около них с петлей в руке. Известно предание о солдате, который шел по улице, случайно заглянул в окно дома и увидел грустную женщину, сидевшую у колыбели с ребенком. Судя по всему, она пребывала в отчаянии, но солдат не понимал, в чем дело. Он поднял взгляд и увидел на потолке демона самоубийства, который прямо перед женщиной раскачивал веревку с петлей на конце. Увидев, что она поднимает глаза, солдат вдруг понял, что должно произойти. Поэтому он сразу вбежал в дом и напал на демона, но, так как тот был только призраком, солдат лишь разбил себе нос и потерял много крови. Видимо, человеческая кровь обладает чудодейственной силой, ибо демон страшно закричал и тут же исчез. Затем солдат увидел, что веревка, которой демон искушал людей совершить самоубийство, превратилась в кровавую плоть, обвитую вокруг его руки, - она стала частью его собственной плоти. Позже этого солдата наградили как героя, который совершил великий подвиг.
В данном случае автономный психический бессознательный или интеллектуальный импульс прекратил свое пагубное воздействие, лишь соприкоснувшись с душой человека, то есть благодаря воплощению пролитой крови этого человека в окровавленную веревку, обвившуюся вокруг его руки. Несомненно, что мы имеем дело с символом Самости, пагубная деятельность которой прекращается и заменяется исцеляющей деятельностью.

Когда человек находится в суицидальном настроении, он проецирует осознание Самости на смерть, и эта проекция подкрепляет его стремление совершить самоубийство. Он считает, что таким образом обретет покой и избавится от внутренних конфликтов; тем самым он проецирует Самость на смерть. Именно суицидальная идея представляет собой пагубный аспект символа Самости, но в поединке с солдатом она трансформируется, и ее пагубная деятельность прекращается. Последующая деятельность обычно порождается осознанием Самости; именно поэтому солдат становится великим героем: он лишил петлю ее пагубного воздействия. Символом Самости является замкнутый круг. Этот символ активизировался в одной области, а затем захотел проникнуть в область человеческих отношений. Если ей сопротивляться, преграждать путь и заявлять, что ни во что подобное вы не верите, то воздействие активизированного архетипического содержания, которое в ней заложено, становится пагубным точно так же, как если бы с помощью каких-то предрассудков вы подавили в себе подлинный физиологический инстинкт.

[Здесь лектору был задан вопрос: как физическое лечение должно воздействовать на психику?]

В случаях кататонии лечение лекарственными препаратами (такими, как мескалин) может на какое-то время улучшить состояние пациента. Вы устраняете преграду с помощью шока, и тогда начинает изливаться все, что мучило пациента. То же самое происходит и в результате применения электрошока: люди снова становятся психически активными. Единственное, что я знаю точно о «физическом лечении»: после того, как вы подобными средствами убрали блок, можно сказать, что в физической области началось лечение, если в психике происходит свои «переваривающий процесс». Если же никакого «переваривания» в психике нет, тогда речь идет лишь о самом обычном лечении электрошоком. Некоторые люди не могут без него существовать. Для них он равносилен употреблению опиума. Сотрудники психиатрической клиники Бургхольцли в Цюрихе ведут статистику шизофренических больных, которых после терапии электрошоком отправляют домой, а также тех, кто после лечения электрошоком прошел курс психотерапии. Такая статистика ведется для того, чтобы узнать, как часто больные каждой из этих категорий снова попадают в клинику. Данные, которые были собраны за более чем десять лет, определенно свидетельствуют о том, что людям, прошедшим курс психотерапии, гораздо реже приходится возвращаться в клинику. Отсюда видно, какую огромную роль играет психологическое «переваривание» пациентом терапевтического воздействия. Если человек «переваривает» то, что он испытывает, оно приносит пользу, иначе нельзя сказать ничего определенного.

Д-ра Юнга как-то спросили: нельзя ли давать коммунистам мескалин, чтобы они перестали отрицать реальность духовного переживания? Отношение Юнга было следующим: когда происходит вторжение бессознательного содержания, что характерно для людей, принимающих мескалин, это содержание существенно не воздействует на человека, если тот не может его «переварить». Поэтому мы не надеемся, что это произойдет, так как уверены, что бессознательное само знает, что дать этому человеку. Если пациентам не снятся сны с архетипическим содержанием, значит, эти люди очень удалились от бессознательного, ибо отсутствие у них таких снов свидетельствует о том, что они не способны его «переваривать».

Я бы сказала, что любой вид «физического лечения» вполне приемлем, пока он не приносит вреда. Пациенты, которых лечили электрошоком, теряют надежду на то, что они могут сами справиться со своей болезнью. Лечение электрошоком не позволяет им поверить в собственные силы, и после электрошока вы должны бороться с такой установкой. Вам приходится говорить: «Нет, на этот раз вы должны справиться сами». Такие больные теперь расстроены гораздо больше, чем были бы, если бы с ними проводили психотерапию с самого начала лечения.

Мы часто наблюдали, что инстинкт сопротивления и способность к «перевариванию» или даже только устойчивое сознательное желание такого «переваривания» ослаблялись в процессе «физического лечения». Его следует использовать очень осторожно, причем только в тех случаях, когда нет другой возможности, например, при кататонии. «Физическое лечение» лучше, чем ничего, но следует иметь в виду и связанные с ним опасности, и в следующий раз пациент должен сам попытаться решить проблему, чтобы избавиться от высокой зависимости от лечения электрошоком. Способность сохранять надежду радикально меняет ситуацию. Это значит, что мы оставляем себе шанс. Лечение электрошоком воспринимается как лишение человека «Божией благодати».

На мой взгляд, нет ничего удивительного в том, что в тех цивилизациях, где доминирует буддийская или иудео-христианская религия, некоторые инстинкты вытесняются на животный уровень, ибо в этих культурах существует тенденция избавляться от некоторых аспектов психики. Например, там Анима принимает облик животного, потому что ее не хотят признавать. Некоторые сказки это подтверждают. Например, ирландская сказка о русалках, которые до появления в Ирландии христианских миссионеров были девушками, дочерями предводителя пиратов. Когда появились миссионеры, тот решил, что его дочерям не следует выходить за них замуж, поэтому дочери исчезли в морской пучине, превратившись в русалок, которые с тех пор стали заманивать на верную гибель проплывающих мимо моряков. Очевидно, что в данном случае происходит регрессия Анимы в животную форму. Но здесь мы сталкиваемся с противоречием: в самых примитивных цивилизациях, где, как известно, нет никаких предрассудков в отношении тела, встречается такое же явление - заколдованные люди «превращаются» в лягушек или змей. Это обстоятельство на какое-то время заставило меня усомниться в своей теории, и мне пришлось проверить ее еще раз.

Если изучать первобытных людей в целом, можно понять, что они в точности похожи на нас. При этом мы совершаем ошибку, интерпретируя физическое явление как психологическое - и наоборот. Есть животные, которые помогают выздоравливать, и есть обыкновенные животные, но точно неизвестно, кто из них кто. Видимо, эта неопределенность относительно того, кто из них должен остаться жить, вообще присуща состоянию человека. На очень глубоком уровне существует возможность ошибки, и неясно, на каком уровне следует прожить и распознать определенные импульсы. Может случиться, что первобытный охотник убивает медведя, а затем приходит в ужас, узнав, что убил духа предков. Он недостаточно быстро ощутил, что подразумевала его психика. На мой взгляд, это связано с тем, что наше сознание не улавливает наши пороговые инстинктивные реакции; мы всегда стремимся сдерживать пороговые реакции - такие, как легкое сомнение или слабый импульс, препятствующий какому-то действию. Если эти импульсы не слишком сильны, мы используем одностороннюю установку, чтобы от них отделаться, причиняя тем самым боль животному или духовности, существующим внутри нас. Мы поступаем так практически постоянно - не реже, чем дикари, которые в пылу охоты забывают обо всем. Потом они говорят, что знали: нельзя убивать это животное, но чуть-чуть забыли. На мой взгляд, такая «забывчивость» очень распространена среди людей. Благодаря тому, что у человека есть сознание, он предрасположен к тому, чтобы «перескакивать» и через свои инстинкты, и через духовные импульсы.

В прошлый раз я оставила нерешенной проблему, которую мы обсуждали. Речь шла о человеке, который был заколдован и превращен в тигра, и я сказала, что человеческий инстинкт не позволяет нам вести себя подобно тигру. А что тогда может означать, если в сновидении некий импульс воплощается в образе волка или тигра? Это значит, что психологическое содержание под давлением приняло ложную телесную форму и настолько исказилось, что утратило все характерные человеческие черты.

Оказывается, что если человек не проживает импульс, исходящий из той или иной сферы, то он возвращается обратно и может приобрести нечеловеческие качества. Побуждение, которому следовало быть человеческим, превращается в импульс, присущий тигру.

Например, у человека появляется эмоциональное желание сказать что-то хорошее другому человеку, но из-за какого-то запрета он его в себе подавляет. Затем ему снится сон, что он совершает наезд на ребенка: то есть у него было спонтанное побуждение на уровне ребенка, а взрослая сознательная установка его раздавила. Внутри него еще существует человек, но в образе изувеченного ребенка. Если бы он так поступал лет пять, то видел бы во сне не изувеченного ребенка, а рычащих диких зверей в клетках. Подавленный импульс заряжается энергией и становится нечеловеческим. Согласно Юнгу, это наглядно свидетельствует о независимом существовании бессознательного.
Никто не видел, что представляет собой бессознательное; это понятие, а не эктоплазма, существующая где-то в космосе. Если что-то проникает в мое сознание из бессознательного, не исключено, что в следующее мгновение оно может опуститься ниже порога сознания: например, я знаю, что этот мужчина - господин такой-то и такой-то, но в следующий момент я уже забыла, как его зовут, а позже, может быть, снова вспомню. Следовательно, можно допустить, что бессознательное - это нечто, не связанное с эго-сознанием. Если следить за содержанием, которое затем на какой-то момент исчезает в бессознательном, оно возвращается в сознание неизменным, но если вы что-то забываете надолго, это содержание уже не возвращается к вам в том же виде; оно развивается автономно или, наоборот, регрессирует в некую другую область, а следовательно, можно говорить о том, что бессознательное является автономной областью или вещью в себе. Оно действительно чем-то похоже на жидкость, в которой происходит трансформация разных психических содержаний; порой можно даже увидеть, что содержание, которое оттуда появляется, имеет ужасную форму, а потому становится подозрительным. Например, мощное подавление может привести к тому, что во сне появляется образ зловонного трупа на кладбище, который нужно выкопать. Какое-то содержание так долго было подавлено, что разложилось и сгнило под землей. Следовательно, по этим косвенным признакам можно сказать, что бессознательная область психики - это автономная реальность.
Если на содержание психики «набрасывают» тигриную, волчью или медвежью шкуру, то вид данного животного просто отражает форму поведения, которой это содержание следовать склонно, но не должно, ибо форма поведения должна быть человеческой. Некоторые люди оказываются в состоянии неуправляемого аффекта и, например, могут увидеть во сне, что они стали древними воинами. Пока им снятся просто медведи, к этому можно относиться спокойно, но если такому пациенту снится человек, который ведет себя как медведь, ему следует сказать: «Нет, вы должны вести себя по-человечески». Хотя раньше это было невозможно, теперь он обязан сдерживать свой гнев: человек не должен вести себя как медведь! Сначала содержание появляется во сне в образе настоящего животного, но если оказывается, что это животное может разговаривать или вести себя как человек, значит, содержание может быть ассимилировано на человеческом уровне. Но если снится человек, который превращается в древнего воина или надевает на себя медвежью шкуру, можно сказать сновидцу, что теперь ему следует научиться защищаться по-человечески, не впадая в животную ярость.
Сам факт, что в волшебных сказках говорится о заколдованных людях, указывает на то, что их животное состояние больше не оправдано. Например, некоторые пациенты могут устроить истерику, и вполне понятно, что аналитик должен ее выдержать, ибо это вынужденное поведение. Через какое-то время вы вдруг начинаете ощущать, что такое поведение уже недопустимо, что наступил момент окончания этой сцены. Очень часто у человека бывает какая-то дурная привычка, а так как аналитик временно с ней смирился, привычка продолжает действовать, но потом приходит время, когда вы говорите пациенту, что пора сбросить с себя звериную шкуру, хотя раньше вы с ней мирились. Следовательно, дело только в том, когда наступает срок, и тогда мы приходим к одной из ключевых проблем, связанных с мотивом избавления от колдовства, - проблеме выбора благоприятного момента. Чтобы наглядно показать, о чем идет речь, я вкратце перескажу

вам содержание русской волшебной сказки «Царевна-лягушка»* (Народные русские сказки / Под ред. А.Н. Афанасьева, т. 2. МП Библиотека «Московские новости», 1992.).
У одного русского царя было три сына, и когда они выросли, царь велел каждому взять серебряный лук и медную стрелу и пустить свои стрелы как можно дальше: какая женщина стрелу принесет, та и невеста, а «ежели никто не принесет, тому не жениться». Стрелу старшего сына принесла княжеская дочь, стрелу среднего - генеральская дочь, и оба сына женились на девушках, которые принесли обратно их медные стрелы. А самому младшему брату принесла стрелу лягушка из болота и стала настаивать, чтобы царевич на ней женился. Старый царь приказал своим будущим невесткам испечь хлебы, чтобы убедиться в том, какая из них самая лучшая стряпуха. Младший сын заплакал и пошел сказать лягушке о царской воле, однако испеченные ею хлебы оказались самыми вкусными. Затем царь потребовал от невесток сшить рубашки, и снова рубашка, сшитая лягушкой, оказалась самой лучшей. Наконец, царь приказал, чтобы сыновья явились к нему на бал вместе с женами, чтобы увидеть, какая из них лучше пляшет. И снова лягушка успокоила своего жениха: «Не горюй, царевич! Ступай к царю в гости один и положись на меня, а потом увидишь, что все будет хорошо. Когда пойдет дождь, тебе нужно будет сказать, что это твоя жена умывается, когда же загремит гром и засверкают молнии, ты скажешь, что это она свои наряды примеряет». Царевич так и поступил. Услышав его слова, братья со своими женами стали над ним смеяться. Вдруг отворились двери - и вместо лягушки вошла девушка, краше которой не было в целом свете.
Во время пира она «огложет косточку - да в рукав, выпьет чего - остатки в другой рукав». Другие невестки увидели это и, несмотря на всю странность ее поведения, стали делать так же. Во время танца пища вылетела из рукава царевны-лягушки и превратилась в прекрасное дерево с большим черным котом наверху, который пел песни и рассказывал сказки. Когда стали танцевать другие невестки, остатки еды попали царю в лицо, и он разгневался. Младший сын, вне себя от счастья, что жена избавилась от лягушачьего облика, зашел к себе домой и увидел лежащую на полу лягушачью кожу. Он схватил ее и бросил в огонь. Тут вернулась царевна и, увидев, что кожи нет, грустно сказала, что ее жених все погубил, и теперь ей придется его покинуть, но если он будет терпелив и смекалист, то сможет снова ее найти. Царевич отправился к известной колдунье - Бабе Яге, и та показала ему дорогу. И пошел он через моря и горы на край света и, наконец, нашел свою невесту, запертую в стеклянном дворце за железными, серебряными и золотыми дверями. Он ее освободил, и они бежали, спасаясь от преследования чудища, хозяина дворца. Как стало известно, царевна была заколдована своим отцом и должна была служить этому чудовищу, но царевич ее спас. Из этой сказки мы видим, что сожжение лягушачьей кожи оборачивается для сказочных героев большой бедой.
Другая, итальянская, сказка начинается так. Английский король женится на венгерской принцессе, и от их брака рождается ребенок, который получает прозвище Принц-поросенок, так как появляется на свет в образе поросенка. К его колыбели подходят три Судьбы: первая наделяет его высокой моралью, вторая - красотой, а третья говорит, что он обречен жить в обличье свиньи. Поэтому он и ведет жизнь свиньи. Когда принцу исполнилось двадцать лет, родители захотели найти ему невесту и обратились к одной бедной прачке, у которой были три дочери-красавицы. Старшая дочь, решив, что этот брак сделает ее богатой, а свинью она в крайнем случае сможет зарезать, соглашается выйти замуж за Принца-поросенка, но тот вовремя заметил у нее руках нож и убил ее первым. То же самое происходит со второй сестрой. Третья сестра была мягкого и доброго нрава, она тоже согласилась стать женой принца, но даже не думала о том, что эту свинью можно убить. Она все время была добра и ласкова с ним, и когда свекровь спросила, нравится ли ей быть замужем за свиньей, младшая дочь ответила, что нужно любить то, что есть. Однако каждую ночь свинья сбрасывала свиную кожу и превращалась в прекрасного принца. Однажды его родители вошли в комнату и увидели на полу сброшенную свиную кожу. Они сразу же бросили ее в огонь, и с тех пор их сын

навсегда освободился от заклятья. В этой сказке сожжение свиной кожи стало средством избавления от заклятья, тогда как в сказке о царевне-лягушке оно едва не привело к непоправимой беде. Я специально выбрала эти две сказки для иллюстрации прямо противоположных способов избавления от колдовства. Существует очень много таких сказок, которые внешне схожи, но проблема в них решается прямо противоположным образом.

Следовательно, обязательно должен появиться вопрос, какой метод является правильным и что вообще означает сожжение кожи животного. Следует ее сжигать или нет? Как известно, если человеку приходится жить в звериной шкуре, это является признаком того, что на него наложено заклятье и что его жизнь складывается не так, как нужно. Сопоставление с психологическими фактами может привести нас к выводу, что некий комплекс, который мог бы действовать в форме, присущей человеческому сознанию, подвергся произвольному вытеснению, а потому должен проявляться в искаженной и даже извращенной, животной форме. Следовательно, можно сказать, что животную кожу обязательно нужно сжечь, однако мы видим, что в другой сказке все происходит совсем иначе. Спалив лягушачью кожу, царевич ничего не добился, и ему по-прежнему приходится достигать цели так же, как раньше, - проявляя любовь и преданность. В сказке про Принца-поросенка героиня совершает именно такой подвиг любви, а в конце этой сказки кожу сжигают.

Создается впечатление, что нельзя просто сбросить с себя эту кожу: сознанию нужно долго прикладывать усилие, позволяющее данному комплексу действовать так, как свойственно человеку. На мой взгляд, это зависит от зрелости сознательной установки. Если она в состоянии интегрировать содержание комплекса, то звериную кожу можно сжечь, а если нет - значит, нельзя. По существу, причиной заклятия, наложенного на человека, является некий предрассудок, который до сих пор остается неизжитым. Пока сознательная установка не станет достаточно зрелой и ее отношение к данному комплексу не изменится, просто сожжение кожи животного ничего не даст.

Изменение сознательной установки достигается прежде всего благодаря человеческим усилиям и человеческой преданности. Иначе причину заклятия устранить нельзя, и она в любой момент снова о себе напомнит; то есть инфантилизм осознающей себя человеческой личности может снова вызвать невротическое состояние. Поэтому проблема невроза не сводится к лечению симптомов, а касается развития сознательной личности в целом, ибо иначе может появиться какой-то другой симптом; следовательно, нужно устранить не только симптомы, но и предубежденность и узость сознательной установки.

Глава 5

Мы проанализировали мотив кожи животного, которую сжигают в итальянской сказке «Король-поросенок», избавляя принца от колдовских чар. С другой стороны, когда в русской версии царевич сжигает лягушачий «кожух» своей жены, та не освобождается от наложенного на нее заклятья - наоборот, ей приходится покинуть мужа, сказав, что он все испортил, и чтобы вернуть суженую, ему придется искать ее за тридевять земель, в тридесятом царстве.

В итальянской сказке, прежде чем кожа была сожжена, жена принца-поросенка проявила огромную преданность и любовь к своему мужу, тогда как в русской царевич не проявил никакой преданности к жене-лягушке. А потому вполне очевидно, что недостаточно просто сжечь кожу: кроме этого, от нас требуются дополнительные человеческие усилия. Обсуждая символику этого мотива, нам прежде всего нужно понять, что на самом деле может означать сожжение кожи животного. Обычно огонь указывает на эмоциональную силу. Существует множество примеров такой интерпретации огня: если человек влюбляется, у него в груди «пылает огонь»; ярость сравнивают с «бушующим пламенем» и так далее*(Подробнее о символике огня можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках», гл. 3, 5 и 6 (М.: Независимая фирма

«Класс», 2007). — Прим. переводчика.). В менее значительных случаях, если огонь не имеет плачевных последствий, а используется для приготовления пищи, он может означать проявление любящего внимания, то есть эмоционального участия в проблемах другого человека. Значит, уничтожение кожи животного можно сопоставить с энергичным эмоциональным натиском на бессознательный комплекс. Такая эмоциональная борьба может происходить или внутри самого человека, или в отношениях с другими - в процессе анализа или в межличностных отношениях. В подобных случаях агрессия направлена на бессознательное другого человека.

В процессе анализа можно долго указывать пациенту на то, что у него что-то неладно и необходимо это прояснить (если об этом же говорят его сны), однако все равно заметно, что человек этого не осознает. Вам кажется, что он не осознает целостной картины происходящего и ему нужна встряска. Такое потрясение он может получить и в жизни: с помощью своего партнера или аналитика. Его нельзя заранее запланировать - это было бы слишком смешно, даже если понимать, что подобное потрясение рано или поздно случится, так как человек совершенно не осознает своей проблемы. И все-таки она или продолжает существовать в его фантазии, или воспринимается как пустяк, но он не осознает самого ее воздействия. Иногда мне приходит в голову, что с этим нужно что-то делать, чтобы исправить положение, и в тот же день приходит этот пациент и рассказывает о том, что только что получил встряску от другого человека.

Все происходит так, словно его проблема достигла критической точки, и тогда, если потрясение не происходит в процессе анализа, оно происходит в жизни - именно в этот момент следует сжечь звериную кожу. Время от времени у меня создается впечатление, что следовало бы самой спровоцировать эмоциональное потрясение у пациента или даже посоветовать пациенту вызвать его самостоятельно, а не ждать, пока оно само случится в его жизни. Так происходит в тех случаях, когда слишком опасно оставлять решение проблемы, полагаясь только на волю судьбы, ибо негативные последствия потрясения могут оказаться сильнее, чем его позитивное воздействие. Но если потрясение вызовет сам аналитик (разумеется, при условии эмоциональной поддержки и сочувствия), то ситуация останется под контролем и не выйдет за рамки человеческих отношений. Наблюдая за собственными реакциями, мы можем заметить признаки формирования эмоции, а значит, следует подумать: не лучше ли нам действовать самим, чем ждать, пока откуда-то еще возникнет потрясение, которое может причинить пациенту серьезный вред. На мой взгляд, в таких случаях разумно выбросить из головы всякое мнимое сочувствие, как, например, «свойственное человеку дружелюбие», потому что, передавая человеку через аффект свое отрицательное отношение к какой-то черте его поведения, вы действительно совершаете дружественный поступок, но только в том случае, если сами не находитесь в плену своего аффекта! Если аналитик одержим аффектом, то выразить его - небольшая заслуга, но если, наоборот, вы можете «проглотить» свой негативный аффект, то перед вами возникает этическая проблема. Можно принять отчужденный вид, но тем самым вы лишаете партнера непосредственного тепла, присущего взаимодействию на более низком, животном уровне. В таких случаях нехорошо быть христианином, который чувствует и понимает душу человека и одновременно от нее отстраняется; человеку нужно какое-то более тонкое проявление тепла, ибо мы становимся ближе к пациенту и выглядим скромнее, если позволяем себе прямо выразить эмоции и открыто показываем другому человеку свое сочувствие и эмоциональное участие.

Поступая таким образом, человек может постепенно сжигать животную кожу и избавляться от неуместной слепоты, вызванной состоянием одержимости другого человека. Если в ваших отношениях с пациентом установлен достаточно прочный раппорт, то иногда потрясение становится единственным способом помочь ему осознать некоторые свои комплексы. Рано или поздно эту проблему обязательно придется проработать на другом уровне, ибо после потрясения несколько аналитических сессий

следует посвятить его обсуждению, так как пациент будет постоянно упрекать вас в том, что вы позволили себе открыто выразить свои эмоции.
Иногда приходится сталкиваться с более сложным вариантом, когда состояние одержимости пациента исходит откуда-то снизу. Одержимый бессознательным содержанием, пациент ведет себя как слепое животное, а вы можете подумать, что это его истинная реакция. Но некоторое время спустя его привычка всякий раз испытывать волнение начинает выглядеть несколько театральной. В данном случае приходиться иметь дело с комплексом, на который наброшена звериная шкура. Иногда вы считаете, что пациент тайно вышел из-под власти своего комплекса, хотя внешне ничего не изменилось. Тогда у вас появляется реальная возможность покончить с этой старой привычкой, и после этого вам часто придется от него слышать, что он, разумеется, знал, что со всем этим пора покончить, но у него не хватало сил сделать это самостоятельно.
У детей тоже бывают привычки, из которых они почти полностью выросли, но им нужна дополнительная встряска, чтобы сделать последний шаг. Это значит, что сначала следует поработать над комплексом, а затем сжечь «звериную кожу». Другой способ состоит в том, что сначала следует вызвать потрясение, а затем «сжечь кожу». В каждом случае можно говорить о некотором отделении самого комплекса и формы его проявления, так как животная кожа - это способ выражения, который когда-то был подлинным, а теперь стал обычным средством выражения и, по существу, больше не выражает содержание комплекса. Нечто подобное можно иногда наблюдать у людей, страдающих фобиями, например, стремящихся постоянно поддерживать порядок у себя на столе. Сначала они находятся в совершенно зависимом невротическом состоянии, но если после нескольких аналитических сессий у них сохраняется навязчивое стремление наводить порядок, вам следует твердо сказать: «Хватит!». С самого начала курса это было бы невозможно, но в конце анализа этот прием точно помогает, когда означает «сжигание» последних остатков негативного комплекса, чтобы энергия, которая до этого тратилась на симптом, могла переключиться на другие формы жизнедеятельности.
В русской сказке царевна исчезает особым образом. Сначала она появляется в образе лягушки, а затем постепенно обретает человеческий облик. Но когда ее жених сжигает лягушачью кожу, она скрывается, и ему приходится искать ее на краю света - в стеклянном дворце, стоящем в лесу за морем. Там он должен пройти через железные, серебряные и золотые двери, прежде чем увидит, как она сидит за прялкой и плачет. Она говорит ему: «Если бы ты чуть опоздал, то больше никогда меня не увидел бы». Это очень странный мотив, но вместе с тем весьма типичная ситуация, которая встречается в сказках, где происходит избавление от заклятья.
В прошлый раз мы обсуждали схему психических событий или психологической реальности, которую можно сопоставить со спектром, имеющим два полюса: один из них, инфракрасный, воплощает тело с присущим ему равновесием инстинктов, другой, ультрафиолетовый - архетипы или упорядочивающий дух.
Предполагается, что оба полюса являются двумя разными аспектами одной сущности, которую можно описывать либо с одной точки зрения, либо с другой. Можно сказать, что в таком случае точкой объединения стала бы трансцендентальная человеческая сущность. В нашей сказке Анима сначала констеллируется именно в такой реальности. Она не смогла сразу проникнуть в область психики. Почему она не могла появиться перед царевичем во сне? Почему она сначала должна забраться в болото и стать там лягушкой? Почему не в человеческом облике? В сказке говорится, что это произошло из-за отцовского заклятья; нам не известно, почему отец так поступил со своей дочерью, но, видимо, вследствие общего человеческого мировоззрения. Если основная установка моего сознания препятствуют доступу в него некоторого психического содержания, то ему приходится попадать туда обходным путем. Если сознание не может принять, что это так, то и бессознательное не может раскрыть для нас это содержание. В сказке для Анимы существует препятствие. Оно может вызывать психические расстройства, сны и

симптомы, но бессознательное никак не может помочь осознать себя, если в сознании нет соответствующей установки, позволяющей получать послания от бессознательного.
Так происходит в цивилизациях, где коллективная установка несколько сужена и не позволяет новой сущности адекватно проявляться в человеческом сознании. Например, сновидения современных североамериканских индейцев, на которые ссылается в своих книгах Поль Радин, так же, как и их ритуалы, изменившиеся совсем недавно, могут послужить хорошей иллюстрацией того, как бессознательное пытается указать индейцам, каким образом приспособиться к вторжению цивилизации белых. Именно чуждая индейцам цивилизация послужила причиной их полной психологической катастрофы, так как у них не было никаких средств адаптации к ее вторжению, и поэтому индейцы не смогли с этим справиться. В содержании их сновидений можно заметить попытку бессознательного помочь им, которая наталкивается на полную неспособность их сознательного мировоззрения адекватно воспринимать послания бессознательного, так как интерпретация сновидений оказывается слишком буквальной: они не интерпретируют содержание сновидений на единственно правильном, то есть психологическом уровне. Чтобы получить новую интерпретацию своих снов и понять, что происходит у них в бессознательном, им нужно обратиться к творческому человеку - шаману их племени. Но, повторяю, в коллективном сознании существует преграда, и хотя бессознательное пытается как-то ее преодолеть, оно не может заставить услышать себя из-за отсутствия адекватных средств интерпретации; мировоззрение
Индейцев лишает их возможности осознавать некоторые необходимые им переживания.
Негативная реакция вытесненного комплекса не выражается в сказке прямо: Аниму заколдовывает другой архетип - колдун, рассерженный тем, что его не признают. Из-за своего мировоззрения Анима попадает в такое положение, когда она не может проникнуть в сознание иначе как через тело; в результате она появляется в образе сидящей в болоте лягушки, что указывает на соответствующий уровень ее осознания.
У индейцев-алгонкинов есть предание о том, как великий бог захотел передать их племени некоторые тайные знания и шаманские ритуалы. Чтобы это сделать, он не стал созывать шаманов, а научил всему рыбу, выдру и других мелких водных животных; он посвятил их в свою тайну, а потом они всему этому научили людей. В соответствии с этим мотивом, бог не смог прямо передать знание людям, а должен был научить этому знанию животных, которые, в свою очередь, могут научить человека. С психологической точки зрения это означает, что, видимо, у индейцев нет никакой идеи или представления, содержащих ядро, позволяющее им понять эти знания. Им приходится понимать их через инстинктивные движения тела. Приблизительно то же самое пытаемся делать и мы в процессе анализа, предлагая пациентам поработать с активным воображением и следовать в основном спонтанным физиологическим импульсам. Если вопрос заключается в том, чтобы побудить глубинное содержание бессознательного подняться наверх, иногда можно взять карандаш, бумагу и просто водить карандашом по бумаге. Со временем материал фантазий станет богаче, но первый шаг в этом процессе должен быть сделан при помощи тела*(Подробнее о психологическом смысле таких движений можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках», гл. 1 (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.). По существу, мудрость такого содержания, а именно его послание спрятано в теле. Мне кажется, что такой способ осознания очень типичен для племен, находящихся на первобытной стадии развития, - играть с какими-то предметами, пока к игре не присоединится фантазия.
У индейских племен распространен древний миф о том, как были изобретены лук и стрелы. В нем говорится, что у лука был свой прародитель. Женой этого прародителя была тетива, которая постоянно обвивала его шею руками, как бы желая обнять его навечно. Такими их увидели люди, и тогда человек научился делать лук и стрелы и стрелять из лука. После этого муж и жена исчезли, скрывшись под землей. Следовательно, для того чтобы состоялось изобретение, прежде глубоко в бессознательном должен

существовать в виде фантазии какой-то архетипический материал. И согласно индейскому преданию, эта фантазия стала основой для изобретения лука. Я убеждена, что основой большинства великих человеческих изобретений послужил такой игровой архетипический материал фантазий. Великие открытия всегда приписывались божественным силам или божественному чуду, причем не только по утилитарным мотивам, так как было известно, что по природе великие открытия связаны с импульсами, исходящими из бессознательного. Большинство современных великих творений науки и искусства обязаны своим появлением сновидениям и инстинктивным импульсам.

Если вам случалось сталкиваться с ситуацией, когда от вашего сознания было что-то скрыто, а вы не знали, что именно, то вам нужно было лишь ходить туда-сюда, мимоходом беря все, что попадалось под руку, и пытаясь узнать, почему эта вещь привлекает вашу психическую энергию, а потом, взяв в руки, поиграть с ней, не смущаясь тем, что со стороны это казалось несколько смешным. Позволив своей фантазии поиграть с вещью, вы тем самым давали возможность подняться наверх тому, что скрывалось от вас в бессознательном. Эта первобытная установка на детскую игру является весьма творческой.

Таким образом, если Анима приняла образ лягушки, сидит в болоте и притягивает к себе медную стрелу царевича, то можно предположить, что в бессознательном существует некий физический импульс. Заколдованный человек часто появляется в сказках в образе лягушки, тело которой имеет определенное сходство с человеческим: у нее маленькие передние и длинные задние лапы, и среди мелких холоднокровных животных она в какой-то мере напоминает карикатуру на человека. Мы часто называем маленьких детей лягушатами. Если бессознательное содержание принимает образ лягушки, обычно я делаю вывод, что оно могло бы достичь осознания, более того - что оно к этому стремится. Порой бессознательное содержание стремится ускользнуть, а иногда оно сопротивляется осознанию, но в данном случае само относительное сходство строения лягушачьего и человеческого тела позволяет символически выразить то, что в какой-то мере скрыто в соматических слоях бессознательного, но вместе с тем явно имеет стимул к возвращению в сознание. Лягушка притягивает медную стрелу; это забавный мотив, так как лук и стрела играют огромную роль в символике любви.

У Лоренса ван дер Поста есть небольшой лук и стрелы, сделанные бушменами, живущими в пустыне Калахари. Если юноша-бушмен проявляет интерес к девушке, он делает такой лук и стрелу. Бушмены умеют накапливать жир на своих ягодицах. Таким образом их зад становится заметно выделяющейся частью тела: за счет этих жировых запасов они могут выживать в тяжелые времена. Юноша стреляет из лука в эту выделяющуюся часть тела девушки, которая его заинтересовала. Та извлекает стрелу и отыскивает взглядом того, кто стрелял; если она принимает ухаживание юноши, то направляется к нему и возвращает стрелу, если нет, то ломает ее и, бросив на землю, топчет ногами. Бушмены до сих пор пользуются стрелами Амура! Понятно, почему Купидон, античный бог любви, имел лук и стрелы!

С точки зрения психологии стрелу можно интерпретировать как проекцию. Если я проецирую свой Анимус на какого-то мужчину, то часть моей психической энергии как бы перетекает к этому мужчине, когда я испытываю к нему влечение. По своему действию проекция действительно напоминает полет стрелы, ибо заряд психической энергии направлен точно на объект. Внезапно между людьми формируется связь. Стрела, выпущенная бушменом, живущим в Калахари, как бы говорит девушке: «В тебя попало либидо моей Анимы». И та принимает его или отвергает. Но интересно, что она не оставляет стрелу себе, а возвращает ее стрелку; то есть девушка возвращает юноше его проекцию, но именно после возвращения проекции и устанавливаются человеческие отношения. На этом примере можно видеть весь символизм брака.

Медь является металлом планеты Венеры и связана с проблемами любви, а также с самой богиней любви Венерой (илиキпридой, так как местом ее рождения считается остров

Кипр). Лягушка в сказке подбирает стрелу, и таким образом устанавливается любовная связь. Ярь-медянку, ядовитую соль, которая получается из меди, алхимики считали опасным любовным средством. Медь легко может стать ядовитой, так как очень быстро подвергается внешним воздействиям; это опасный металл, он мягкий и ковкий, но обладает ядовитыми свойствами. Она может применяться и для изготовления сплавов, и это тоже соответствует характерным качествам любви; она легко сгибается и легко соединяется с другими металлами - так же, как любовь связывает вместе людей. Возможно, именно благодаря этой способности медь ассоциировали с богиней любви Венерой. Мягкие металлы обычно символизируют фемининность, а твердые - маскулинность.

Анима, то есть царевна-лягушка, показывает царскому двору, что на самом деле она не лягушка. Обладая сверхъестественной силой, она печет вкусные хлебы, может сшить за ночь красивую рубашку и появляется перед царскими гостями в облике самой красивой женщины. Во время танца она выкидывает из рукава брошенные туда остатки пищи - и из них сразу же вырастает дерево с сидящим на нем котом, который умеет петь песни и рассказывать сказки. Следовательно, она показывает, что, хотя ей сначала пришлось появиться в облике, не подобающем ее сущности, она вовсе не лягушка, а сверхъестественное божественное создание, которое может превращать одни вещи в другие. Она может, как настоящий волшебник, создать дерево, которое способно появляться и исчезать (этот дар она, видимо, унаследовала от отца). Можно сказать, что она умеет превращать любую реальность в ценную структуру, которая внешне выражается в искусстве, красоте и чувстве - творческих проявлениях архетипических образов. Анима привносит в жизнь мужчины элемент иллюзии, но она же и освобождает от нее. Она помогает мужчине почувствовать ценность всего, что совершается в его жизни, и вдохновляет творческие фантазии. Что касается реакции мужчины на Аниму, она зависит от его установки.

К сожалению, все, что в нашей сказке создает Анима, появляется только во время пира. Поэтому проявление Анимы далеко не всегда оценивают по достоинству. Если нечто подобное происходит в реальности, нам следует пасть на колени и спросить себя, что за этим стоит. Относительно слабая реакция на самовыражение богини может послужить причиной необдуманного поведения царевича, который сжигает лягушачью кожу и тем самым заставляет царевну-лягушку отправиться на край света, а потом ему приходится прилагать огромные усилия, чтобы снова ее найти. Так случается всегда, и это весьма типично, когда мужчина лишь эстетически воспринимает влияние и проявление Анимы, не пытаясь отнестись к ним всерьез с точки зрения этики.

Во внешней жизни так легкомысленно относиться к конкретной женщине мог бы, например, Дон Жуан, просто слегка флиртуя с ней, что и происходит в сказке во время пира. Многие художники и писатели создают прекрасные произведения, но если спросить их о смысле того, что они создали, они уклонятся от ответа или скажут, что психологическая интерпретация разрушает произведение искусства. Такая установка типична для многих современных художников, которые не хотят испытывать боль, размышляя о серьезности своих произведений*(Подробнее об этом можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Вечный юноша» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.). Иными словами, они пытаются сохранить художественное очарование своего творения, а по существу занимаются «развлечением гостей на пиру». Поэтому мы можем сказать, что изначальное затруднение, то есть некоторая предубежденность сознания по-прежнему сохраняется. Вот почему у героев сказки сразу разрушаются отношения, как только кожа брошена в огонь. Сознательная установка не принимает Аниму всерьез, а потому наступает крах, и царевичу приходится пройти через множество испытаний, прежде чем он снова найдет свою невесту.

Интересно, что, когда он ее находит, та сидит во дворце, который стоит в лесу. Эту структуру мы интерпретировали бы как фемининный аспект символа Самости. Такое

сооружение является символом обобщенного и глубокого мистического переживания, описание которого можно найти в сочинениях христианских мистиков, например, у Терезы Авильской. «Внутренний храм», построенный из золота и серебра, о котором она пишет, - это хорошо известный образ сокровенного центра души, который мы называем Самостью.
В этом храме или дворце живет какое-то страшное существо, которое никто не видел. Это может быть отец-колдун либо какое-нибудь чудовище - нам точно неизвестно. Девушка находится в его власти, а жених должен ее найти и как можно быстрее убежать вместе с ней, иначе с ними случится страшная беда. Если сравнить эту сказку с другими, близкими ей по сюжету, можно убедиться, что чудовище, о котором идет речь, чаще всего называют дьяволом. Недооценка фигуры Анимы в бессознательном приводит к появлению необычного компенсаторного процесса. Анима подвергается воздействию темной стороны образа Бога.
Чем меньше мужчина осознает, насколько ценна Анима для его сознания, тем больше та стремится или стать дьявольской, или идентифицироваться с целым бессознательным и образом Бога. Мужчина словно бессознательно возводит ее на трон и поклоняется ей только из-за своего недостаточного осознания. Такое состояние очень похоже на одержимость дьяволом, которая субъективно переживается как религиозная эмоция. Нечто подобное можно увидеть, если исследовать феномен нацизма. Нацисты (или коммунисты) не признают самого существования внутренних психических фактов, так как сознательно их интересуют только социологические теории. Поэтому их эмоциональная жизнь уходит в бессознательное и связывается с бессознательным образом Бога; в результате эта связь приводит к странному «религиозному» фанатизму, характерному для всех подобных движений. Их участники даже готовы умереть за свое дело или разжечь мировой пожар. Зачем, если речь идет только о политической программе одного государства? Вы постоянно будете замечать, что, по существу, они проецируют Царствие Божие на свои политические идеи. Они хотят «справедливо» создать его на земле, а значит, имеют право убить другого человека - «всего лишь несколько тысяч человек». Если поговорить с такими людьми, можно убедиться, что это их бессознательная эмоциональная установка. Они одержимы и проецируют образ Бога, с которым прочно связана их идеалистическая эмоция. Это явный пример смешения Анимы с образом Бога, при котором символ Самости может выражать пагубную одержимость.
Символ Самости или образ Бога, который не узнают, оказывается наиболее пагубным, так как он становится силой, действующей исподволь, и такое воздействие вызывает всевозможные пагубные эмоции и массовые предрассудки. Именно поэтому с одержимыми людьми трудно разговаривать, взывая к их рассудку; эмоционально они полностью привязаны к образу Самости, причем не осознают этой связи, так как не могут посмотреть на себя с психологической точки зрения, а Самость полностью проецируется вовне. Такая регрессия Анимы очень пагубна и опасна. Царевна говорит: «Если бы ты чуть опоздал, то никогда бы меня больше не увидел», - то есть не только полностью прекращается подлинное психологическое развитие, но и сам человек умирает. Поэтому царевич должен долго прикладывать усилия и проявлять терпение, чтобы вернуть это содержание бессознательного, ибо иначе оно будет проявляться только эстетически, а затем снова исчезать в бессознательном.
Дворец в лесу приводит нас к алхимической символике. У металлов всегда есть символическая связь с планетами: железо обычно символизирует планету Марс и войну; серебро ассоциируется с Луной, фемининностью, белизной, это мягкий металл, который легко соединяется с другими металлами, тогда как золото обычно ассоциируется с Солнцем. Стеклянный дворец с железными, серебряными и золотыми дверями обладает четырьмя сущностными аспектами Самости, которые можно сравнить, например, с использованием четырех элементов при создании философского камня. Железо (или свинец) символизирует стадию nigredo, за железом следует серебро, воплощающее стадию

albedo, то есть белизны, преобладания феемининного начала, затем наступает очередь золота, или красной стадии - rubedo, на которой, собственно, и появляется золото. Стекло - это субстанция, воплощающая дух или духовную материю в определенной форме. Но в нашей сказке алхимическая символика Самости имеет негативный оттенок, поэтому я предпочла бы столь же негативно посмотреть на все эти элементы и сказать, что Анима становится пленницей бесчеловечной суровости. В наше время у людей преобладает отрицательный образ Самости, который делает человека совершенно бесчувственным. Некоторые нацисты соревновались между собой, кто быстрее убьет в себе всякое человеческое чувство; они считали, что искусственная суровость является сущностью героизма.

В своем труде «Психология переноса» Юнг отмечает, что в наше время бессознательное, реагируя на возможность полного растворения человека в массе, способствует застыванию в нем индивидуальности. В современном человеке можно легко обнаружить склонность к застыванию индивидуальности. Если процесс застывания происходит неправильно или совершается бессознательно, он порождает суровость и бесчувственность, которой одержимые люди очень гордятся, ибо их лидеры непоколебимы; в таком случае застывание индивидуальности произошло неправильно. Можно сказать, что сегодня у нас только один выбор: или стать суровыми субъектами, несущими смерть и разрушение, тем самым бессознательно защищая себя, или стать твердыми скорее внутренне, чем внешне. В первом случае мы одержимы символикой Самости, вместо того чтобы служить ей.

Таким образом, четыре сущности в сказке указывают на четверичность Самости, но с негативным оттенком: при неправильном отношении символика становится пагубной. Смертоносный аспект одержимого или заколдованного человека раскрывается на материале датской сказки, которая называется «Король Линдорм». «Lindworm»* (См. «Король-дракон» в сб. «Скандинавские сказки» (М.: Худ. литература, 1982, с. 50).).- кельтско-германское слово, означающее «змея» или «дракон». Так называют и русло реки, имеющее змеевидную форму (как, например, у рек Лиммат или Линдт в Цюрихе). Кроме того, оно обозначает большого червя или ящерицу - летучего дракона, королевского дракона, напоминающего своим видом змею.

Жил-был король, и взял он в жены прекрасную королеву. В первое утро после свадьбы они увидели на супружеском ложе надпись, что у них не будет детей. Как-то раз грустная королева шла по саду и встретила старушку, которая выслушала рассказ королевы о ее горе и обещала помочь ей. Она посоветовала королеве прийти ночью в северо-западную часть сада, взять с собой глиняный кувшин и закопать его вверх дном, а на рассвете выкопать его. В кувшине будут две розы - красная и белая. Если королева съест красную розу, у нее родится мальчик, если белую - девочка, только ни в коем случае нельзя есть две розы одновременно, иначе случится большая беда.

Королева сделала все, как велела ей старушка, и на следующее утро нашла в кувшине две розы. И стала королева думать, какую розу ей лучше съесть. Съест красную - родится мальчик, который пойдет на войну, когда подрастет. Его могут убить, и она снова останется без детей. Но если она съест белую розу, у нее родится девочка, которая «дома поживет-поживет, потом замуж пойдет и станет королевой в другом королевстве». И решила королева съесть обе розы и родить двойню. Так она и поступила, но когда пришло время, она родила не двойню, а ужасного дракона мужского пола. Тот немедленно начал проявлять свой ужасный характер, угрожая разнести замок и проглотить первого встречного, если все его желания не будут исполнены. Когда король, который был на войне, вернулся домой, дракон встретил и приветствовал его как своего отца. Пораженный король воскликнул: «Как так? Какой я тебе отец?» - «Не хочешь быть мне отцом - и тебя раздавлю, и твой замок разнесу!».

Теперь все жители королевства стали бояться погибнуть в пасти дракона. Когда дракону исполнилось двадцать лет, он захотел жениться. Король попытался его отговорить от

женитьбы, потому что за него никто не пойдет, но дракон был неумолим и заявил, что если король не найдет ему невесту, то он и его раздавит, и замок его разнесет. Разослал король письма во все королевства. И приехала во дворец прекрасная принцесса. Сыграли они свадьбу, но в первую же брачную ночь дракон ее сожрал. Та же судьба постигла и следующую невесту, и скоро женить дракона стало очень сложно. Но дракон все сильнее распалялся, и опечаленный король отправился к старому пастуху, который жил в лесу, и попросил его отдать дочь в жены дракону. Пастух неохотно согласился, уступив королю, и рассказал дочери о его предложении.
Опечаленная девушка пошла в лес собирать ягоды. Там она встретила старушку, которая тоже собирала ягоды. Старушка спросила дочь пастуха, чем она так опечалена. Девушка рассказала, что ее должны выдать замуж за королевского сына, дракона, который обязательно ее погубит. Старушка сказала, что девушке помочь нетрудно, и поведала, что нужно делать. Нужно попросить принести в спальню лохань молока, лохань уксуса и ореховых прутьев. Когда закончится свадебный пир и настанет пора идти в спальню, девушке нужно надеть на себя десять рубашек, и когда погаснет свет в спальне и дракон скажет: «Милая невеста, сбрось рубашку», - она должна ответить: «Король-дракон, кожу сбрось». И сбросит он девять кож, а она сбросит с себя девять рубашек. На ней-то еще одна рубашка останется, а он будет голый, вовсе без кожи, весь в крови. После этого нужно обмакнуть ореховые прутья в уксус и хорошенько его отхлестать, а потом искупать его в молоке, закутать в девять рубашек и лечь с ним спать.
Девушка все сделала так, как ей было сказано, а проснувшись, увидела рядом прекрасного юношу. Чуть позже в сказке появляется злодей, Красный Рыцарь, которому чуть не удалось оклеветать принцессу, но мы сосредоточим внимание на первой части сказки.
Причиной несчастья становится жадность королевы: ей хотелось одновременно «иметь и пенни, и пирожное». Она думала, что родит двойню; возможно, она собиралась произвести на свет гермафродита - ближайшего родственника дракона. Алхимики говорят или о драконе, или о чудовище-гермафродите, когда подразумевают что-то отвратительное, противоестественное и дурное. Его необходимо разрубить на куски, уничтожить и таким образом освободить, так как на глубоко бессознательном уровне он является соединением противоположностей. В данном случае образ дракона снова возвращает нас к мотиву замка, где исчезла царевна-лягушка, который мы обсуждали раньше. Именно там человек становится одержимым Самостью, вместо того чтобы достичь осознания и сформировать связь с архетипом Самости. Это нередко наблюдается у больных, находящихся в пограничном состоянии, и у людей, соприкоснувшихся с бессознательным материалом в процессе изучения мифологии или первобытной культуры. Такие люди не могут сформировать свое отношение к этому материалу, а становятся одержимыми им. Они говорят «от имени архетипа» и «провозглашают» архетипический материал подобно старому шаману, но не связывают этот материал со своим современным уровнем сознания и никогда себя о нем не спрашивают. Архетипические паттерны так насыщены смыслом и оказывают на человека столь сильное эмоциональное воздействие, что рассуждения одержимых людей напоминают книжный текст; они просто тонут в своем материале, не понимая его. Приведу в пример тип личности, который наверняка встречался вам в условиях современной цивилизации - тип тщеславного мага. Есть такие мужчины и женщины, которые не осознают содержание своего бессознательного, а оказываются одержимыми им. Они идентифицируются с архетипом Самости и принимают позу Мудрого Старца или Великой Матери. Такие люди всегда готовы провозгласить какую-то великую истину, но если внимательно проанализировать их «истины» и посмотреть, как они себя при этом ведут, можно понять, что их устами говорит архетип, во власти которого они находятся. По-видимому, материал, который они вещают, имеет большое значение, но при этом их личность утратила собственную форму, вышла за свои границы и расширилась сверх всякой меры.

Как правило, состояние такой личности связано с ее нравственной установкой. По существу, они являются «радиокомментаторами» архетипа, и у них происходит нарушение чувствующей функции. Такое состояние практически граничит с «моральным безумием». Примером подобного типа личности может являться Гитлер. Он оказывал огромное воздействие на людей, однако, если проанализировать его речи, можно обнаружить, что он всегда провозглашал великие истины, которые интуитивно улавливал в бессознательном, но они всегда были смешаны с самым ужасным аморальным мусором. Но поскольку эти крупицы истины он улавливал благодаря своей близости к бессознательному, людей увлекало то, что он говорил, и они не осознавали наличие этой смеси с нравственным мусором.
Гитлер является самым ярким примером такого типа, но с похожими примерами мы сталкиваемся и в повседневной жизни. Речь идет о людях с аморальной, изменчивой, скользкой установкой, которая подходит архетипу, но не человеку; часто такие люди вполне нормальны, но все же они являются «радиокомментаторами» содержания своего бессознательного, которое требует внешнего выражения и производит на окружающих сильное впечатление. Как правило, они оказывают на окружающих пагубное влияние. Некоторые из них могут заметить свою нравственную неполноценность, но другие, менее самокритичные или просто морально безответственные, попадаются в эту ловушку. Именно таких пограничных личностей имел в виду Юнг, говоря, что комплекс Эго и архетип Самости, наложившись друг на друга, смешались между собой и в результате оба приобрели размытый характер. Следовательно, Эго проявляет черты Самости, которых у него быть не должно, а Самость приобретает черты Эго, которых в ней не должно быть. Мы определяем архетип Самости как целостность и полноту личности, и таким образом Самость проявляется в самом начале человеческой жизни. Как желудь содержит в себе зачаток дуба, так и в раннем возрасте человека присутствует зародыш еще не осознаваемой целостной личности. Обычно отделение эго-комплекса от Самости происходит в первой половине жизни, но лишь во второй ее половине Эго предпринимает попытки интеграции в целостную личность, пока (в идеальном случае) не наступит полное осознание Эго и Самости. Описание такой интеграции можно найти в дзен-буддизме и отображениях других мистических переживаний, в которых Эго переживает Самость как нечто внешнее, а потом вновь образует с ней единую целостность. Иногда у Эго не получается по-настоящему отделиться от Самости. Тогда процесс нарушается, а значит, Эго не может стать другим полюсом по отношению к остальной - бессознательной - части личности, а просто как-то смешивается с ней. И тогда образуется странная личность: или инфантильная, или слишком мудрая, более или менее осознающая себя по сравнению с другими людьми, но вместе с тем безнадежно бессознательная - ни рыба, ни мясо.
Анализировать таких людей - адская работа, так как, поговорив с вами о бессознательном, они начинают думать, что знают о нем все. И в самом деле, в этом они правы; но если вы попытаетесь снизить воздействие бессознательного на них и помочь им от него обособиться, они скажут вам, что достаточно хорошо знают его ценность, чтобы не допустить нежелательных случайностей. Следует добиться перестройки чувствующей, то есть оценочной функции сознания с помощью бессознательного. Это означает долгую и утомительную работу; иначе вы не сможете отчетливо различать два фактора - Эго и Самость.
Вернемся к нашей к королеве. Если бы она съела сначала белую розу, то должна была бы родить девочку. Но из-за ее неправильного поступка фемининная часть плода смешалась с его маскулинной частью, и в результате появился гермафродит в несвойственном ему облачении. То есть он скрывается под фемининной или, как в данном случае, драконовой кожей (окружающей его Анимой), которой не должно быть. Как известно, одним из величайших символов Самости является Христос в окружении церкви - vir a femina circumdatus*(Муж, женой окруженный (лат.). — Прим. переводчика.). Христова невеста -

это церковь, и когда в конце концов произойдет осознание целостности, Христос полностью воплотится во всех верующих в Него христианах, то есть в Церкви, тем самым став «мужем, окруженным женой». Женщина подобна окружности, центром которой является мужчина. Такова божественная сущность центра мандалы, или Антропоса, стоящего на постаменте четырехугольной формы, как символ маскулинного начала Самости, внедренный в феминнинное начало, подобно Будде, сидящему в цветке лотоса. У этого высочайшего символа человеческих устремлений существует ужасная Тень - негативный аспект, который воплощает король-дракон. То же самое происходит, когда цель является порочной и губительной или же неосознанной, когда она захватывает человека исподволь, оборачиваясь не конструктивной, а пагубной стороной. Король-дракон тоже воплощает мужчину, окруженного женщиной, но отличается тем, что становится огромным куском кровавой плоти, облаченным в шкуру дракона, и представляет собой регрессивную форму соединения противоположностей.

Такие символы Самости всегда появляются вместе с тенденцией решить проблему через регрессию на предшествующую стадию цивилизации. В эпоху раннего христианства, то есть в первое тысячелетие нашей эры, проблема жизни и отношений между мужчиной и женщиной сначала решалась в контексте религиозной доктрины. Христианское учение, патриархальное по своему содержанию, отделило сексуальность от отношений между мужчиной и женщиной. Мужчина мог вступать в отношения с реальной женщиной через социальный институт брака (любые другие отношения вне этого института считались грехом), а невостребованную часть Анимы сублимировать и проецировать на Деву Марию. Если вместо Пресвятой Девы он проецировал образ Анимы на реальную женщину, то тем самым навлекал на себя беду.

Такое решение жизненной проблемы в целом, а также проблемы взаимоотношений между полами не теряло своей остроты на протяжении XI, XII и XIII веков. Христианские рыцари того времени попытались прояснить проблему Анимы и человеческих отношений через отношения так называемой куртуазной, романтической любви («Les Cours d'Amours»*)* (Судя но всему, в перевод на английский язык французского выражения les cours d'amour вкралась ошибка: это выражение означает не «Courts of Love», что дословно можно перевести как Дворы Любви, а «куртуазная, то есть придворная, «современная», романтическая утонченная любовь». Такой перевод совершенно неясен, ибо в данном случае трудно предположить что-либо иное, кроме средневекового публичного дома. Но едва ли в эпоху раннего христианства посещение рыцарями официальных публичных домов встречало одобрение светской власти и католической церкви. Скорее, здесь речь идет о куртуазной любви или «Court-amour», что, согласно Nuttal's Standard Dictionary of the English Landuage (Eds. Frederick Warne and Co, London and New York, 1893), означает «fashional intrigue», то есть современную любовную интригу. Об этом же свидетельствует французское les cours d'amours — мода любви. В данном случае cours переводится не как множественное число от cour (двор), а как единственное число слова cours — мода. Подробнее о куртуазной любви можно прочитать в моих переводах книг Роберта Джонсона «Он» и «Мы» — Прим. переводчика.), в которой мужчина мог найти выражение своему чувству к женщине. Такая романтическая любовь побуждала мужчину осознать проблему Анимы. Разумеется, куртуазная любовь принесла рыцарям немало бед и стала причиной постоянных нравственных и социальных осложнений. Именно в эту эпоху христианские рыцари вошли в контакт с исламским миром, и многим из них показалось, что существующий в исламе институт гарема может быть решением этой проблемы, поскольку в таком случае не останется ни сексуальных проблем, ни старых дев. У каждой женщины был бы мужчина, и она испытывала бы сексуальное удовлетворение.

С точки зрения психологии институт гарема является хорошим решением проблемы, ибо препятствует подавлению сексуальности, но, с другой стороны, именно в гареме общение между мужчиной и женщиной сведено к минимуму: мужчины беседуют с мужчинами, а

женщины - с женщинами. Мужчина обращается к женщине только с эротическими шутками, а подлинные отношения между мужчиной и женщиной в этом типе цивилизации неизвестны. И все же, когда христианские рыцари соприкоснулись с психологией гарема, они почувствовали сильное искушение именно в этом найти решение волновавшей их проблемы. Но такое решение оказалось бы явной регрессией, поэтому в мифах той эпохи вы постоянно сталкиваетесь с опасностью, исходящей от исламского мира, которая воплощается в образе существа, похожего на гермафродита.
Таким образом, данный материал позволяет сделать вывод, что если бы гарем и стал решением проблемы, то оно оказалось бы регрессией к прежнему, более примитивному образу жизни. Всегда существует искушение вместо поиска нового выхода из ситуации регрессировать к прошлому примитивному состоянию, при котором сама проблема еще отсутствовала. Именно поэтому некоторые люди едут на Гавайи или какие-то другие острова, чтобы там соединиться с природой, но таким образом они подают лишь наглядный пример решения проблемы через регрессию*(Более подробно регрессивное единение с природой обсуждается в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках», гл. 4 (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.). В результате они становятся еще более невротичными, чем были, так как выбрали ложный способ решения проблемы.

Глава 6

В датской сказке о короле-драконе нам нужно рассмотреть еще один странный мотив: девушка, которая хочет расколдовать короля-дракона, должна надеть десять рубашек, и каждый раз, когда жених-дракон велит ей снять рубашку, должна отвечать ему, что он тоже должен снять одну свою кожу. Этот процесс раздевания заканчивается тем, что на девушке остается одна рубашка, а дракон превращается в груду лежащей на иолу окровавленной плоти. После этого девушка сечет его ореховыми прутьями и окунает в сладкое молоко, избавляя таким образом от наложенного на него заклятья, и дракон превращается в прекрасного принца.
В начале интерпретации я попыталась показать, что могут означать эти многочисленные оболочки - девять кож, которые скрывают истинную, хотя и непонятную сущность короля-дракона. Я рискнула предположить, что они символизируют комплекс, у которого эго-сознание и архетип Самости слились воедино и потому влияют на деятельность друг друга. Я описала людей, у которых Эго идентифицируется с Самостью, поэтому в результате у такого человека ни Эго, ни архетип Самости не могут действовать как следует, ибо из-за того, что они слиты, в психике не произошло их необходимого отделения друг от друга. Это лишь один аспект героя-принца, скрытого под множеством драконьих кож, однако можно взглянуть на этого персонажа и под другим углом. В волшебных сказках принц и принцесса позже становятся королем и королевой, так как они являются будущими правителями, находящимися в состоянии statu nascendi*(В процессе рождения (лат.) — Прим. переводчика.).
В своем труде «Mysterium Coniunctionis»** (См.: Юнг К.-Г. Mysterium Coniunctionis. М.: Рефл-бук, 1997.)
Юнг посвящает целую главу символике короля в алхимии. Как и в египетской теологии и мифологии, в алхимии король воплощает доминанту коллективного сознания. Старый король символизирует изжившую себя или просто устаревшую систему коллективного сознания, а молодой король обычно воплощает новый символ Самости. Как может быть, что будущий король воплощает Самость, тогда как старый король в мифологии обычно воплощает доминанту коллективного сознания?
Чтобы понять, что имеется в виду, нужно вспомнить некоторые исторические факты. В момент просветления, которое снизошло на Будду под деревом бодхи, он испытывал определенное переживание Самости, а после столкновения со своими учениками остался символом Самости для тех, кто его окружал. Вокруг фигуры Будды, который стал не

только символом человека-божества, единственного человека, достигшего состояния божества, но и символом Самости, выкристаллизовались многие религиозные системы. Если исследовать буддизм на поздних стадиях его развития, можно увидеть, что Будда стал центральным образом огромной коллективной религиозной системы, символической идеей, объединившей то, что мы сегодня называем буддизмом.
Можно также сказать, что в христианстве похожее развитие прошел образ Христа, ибо как только выкристаллизовался символ Самости, он остался основным образом коллективной системы ценностей, а от того подлинного внутреннего переживания, которое он воплощал, остались только ритуальные фразы. Сохраняется лишь система интеллектуальных понятий или ритуального поклонения, тогда как изначальный символ постепенно лишается внутренней энергии и, застывая, становится привычным элементом ритуала. Именно это оцепенение символизирует образ старого короля, а потому его часто изображают как препятствие всему новому, которое приходит ему на смену. После предсказания волхвов о рождении божественного младенца старый король трепещет, боясь потерять свою власть. Поэтому он пытается убить младенца, так как раньше сам был символом Самости, а теперь стал жестоким убийцей, потому что Самость (как показал Юнг на обширном материале в своем труде «Aion»* (См.: Юнг К.-Г. Aion. М.: Рёфл-бук, 1997.)), как и все остальные архетипы, является не только статическим ядром психики, но и самообновляющейся системой.
Если понаблюдать за тем, как символика Самости проявляется в отдельном человеке, можно заметить, что она постоянно изменяется. Она теряет некоторые свои аспекты и все время обновляется. Именно поэтому Юнг сравнивает ее с некоторыми атомами водорода, которые в высших слоях атмосферы время от времени испускают одни электроны и поглощают другие. Видимо, такую же активность проявляет в человеке Самость; она представляет собой динамический центр психики, который непрерывно внутренне изменяется. Именно поэтому нельзя утверждать, что хотя бы сознательная формула переживания Самости на протяжении длительного времени является абсолютной - она должна снова и снова переадаптироваться, чтобы соответствовать изменяющемуся процессу.
Поэтому практически все религиозные символы следует периодически интерпретировать заново, и живая религия всегда находится между опасностью окостенения и опасностью реформирования, которая возникает из-за стремления полностью перестроить изначальную концепцию и превратить ее в нечто более современное и приспособленное к потребностям новой исторической эпохи. То же самое относится и к отдельному человеку, ибо переживание независимо от его глубины может устареть: то, что было истиной вчера, уже не является истиной сегодня, а то, что когда-то было основным идеалом, превращается в устаревшую систему, мешающую дальнейшему развитию. В таком случае вчерашнюю истину следует отвергнуть ради того, что в настоящий момент истинно для нашей психической жизни.
Следовательно, принц в волшебной сказке обычно воплощает Самость in statu nascendi, которую следует извлечь из глубин коллективного бессознательного, или же она сама спонтанно оттуда поднимается. Если она скрыта под множеством кож (как в нашей сказке), это значит, что данное содержание не может появиться в своей истинной форме и сначала появляется в облике животного.
Нечто подобное можно иногда заметить у человека, испытывающего чрезвычайно сильное инстинктивное побуждение или влечение. Люди оказываются в полной власти такого влечения, но при этом возникает странное чувство, что не «оно» имеет власть над людьми. Мужчина может влюбиться в женщину и больше ничего не хотеть, но чувствуется, что мучит его не любовь, - он одержим какой-то идеей, которую не в силах осознать, а если бы осознал, то на этом закончились бы все его переживания. В таких случаях психотерапевт должен доверять своей интуиции. Люди становятся одержимыми своим желанием и готовы настаивать на том, что именно этого они и хотят, но остается

подозрение, что объект их влечения - только внешнее проявление того, что за ним скрыто, а основной образ еще не нашел своего выражения.
Можно сказать, что если у пациента проявляются симптомы одержимости, болезненной зависимости, слишком сильного влечения или неумения ограничивать свои желания, то эти симптомы все же не выражают истинной причины или еще не выражают ее, В таких случаях следует принять выжидательную установку, ибо нет сомнения, что там, где проявляется такое инфантильное желание, что-то неладно. Необходимо подождать, чтобы ядро психики могло открыть свою истинную сущность, сбросив разнообразные внешние личины.
Интересно, что девушке, которая захотела избавить от заклятья принца-дракона, приходится надеть на себя много рубашек. Это значит, что она должна скрывать свою наготу, то есть не показывать свой истинный облик. Это весьма щекотливый вопрос, но иногда в процессе анализа нам приходится ощущать свою реакцию на пациента, особенно если он предъявляет какое-то совершенно нереальное требование. Его нельзя просто отвергнуть, ибо за ним есть что-то реальное; но вместе с тем нельзя быть наивным, так как, принимая всерьез требование пациента, вы подвергаете риску свою психику, или можете испытать эмоциональное потрясение, или так отреагировать на требование пациента, что эта реакция повредит вашим отношениям с ним. Оказаться под воздействием одержимости другого человека - не достоинство, а скорее глупость. Вы должны чувствовать, что именно является подлинным, и только с ним формировать контакт, одновременно отвергая все, что подлинным не является. В подобной ситуации это одна из самых сложных и тонких проблем.
По существу, в сказке девушка своими действиями говорит, что если дракон покажет свою истинную реакцию, она ответит ему тем же, но если он захочет ее раздавить, проявляя дикую и неестественную ярость, он ее не найдет. Точно так же, если вы наивно раскрываетесь в ответ на требование одержимого пациента, это может вызвать лишь разочарование, ибо пациент обязательно почувствует, что попал в ловушку. Поскольку он не был искренним, то лучшая часть его сущности надеется, что вы не попадетесь в ловушку, а если попадетесь, он от вас отвернется: лучшая его часть разочаруется, оттого что его посчитали слишком наивным.
Именно так проявляется действие комплекса в аналитических отношениях. Но такой комплекс может проявиться и у конкретного человека; это значит, что на сознательном уровне ему не следует торопиться с выводами, так как у бессознательного содержания существует много «кож» и оно не появляется в своем настоящем виде. В сновидениях оно выражается в завуалированной форме, но, наверное, вы сможете определить, что прячется за этой вуалью. Если у Эго нет достаточно искусной теории бессознательного, оно примет за истину саму вуаль и тогда не доберется до ядра комплекса.
Предположим, Эго придерживается фрейдистской теории, а ядро комплекса выражается в очень сексуальном сновидении. Если вы решили, что это как раз то, что нужно, и ошиблись, то связь с бессознательным нарушается и в вашей работе возникают трудности. С другой стороны, вам нужно убедиться, что в данном случае фрейдистская интерпретация не годится. Поэтому в такой ситуации лучшая стратегия - надеть на себя побольше рубашек (то есть использовать несколько разных установок) и сказать: «На данный момент это выглядит правдоподобно». То есть вы даете явному проявлению комплекса соответствующую теоретическую интерпретацию, но не исключаете возможности появления другой, более подходящей интерпретации. Вам неизвестно, как долго будет продолжаться «отслаивание кож» и станет ли данный уровень интерпретации окончательным. Вам придется развиваться в этом процессе так же, как и пациенту, ибо настоящий анализ одновременно включает в себя и трансформацию аналитика. Вам следует быть готовым к тому, чтобы отказаться от своего способа интерпретации и отбросить имеющиеся у вас теории и гипотезы относительно вашего пациента. Вам нужно быть готовым признать, что проблема оказалась сложнее, чем вы представляли, и ждать,

пока не наступит осознание скрытой истины. В такой момент у вас может появиться вопрос: как вообще можно узнать, что наступила конечная стадия анализа, и тогда доверьтесь своей интуиции. Как правило, на окончательной стадии анализа обе стороны достигают состояния умиротворенности, а если речь идет только о внутреннем комплексе аналитика, то он чувствует: это действительно оно. Обычно это ощущение у аналитика долго не проходит, зато исчезает ощущение неловкости, которое он до сих пор испытывал.

Порой люди говорят, что у них есть одна неприятная проблема и они хорошо знают, в чем она заключается и что это значит.

Вы чувствуете: они надеются услышать от вас, что вы полностью с ними в этом согласны; и вместе с тем они не хотят, чтобы вы с ними соглашались. Иначе говоря, если у вас не проходит смутное чувство неудовлетворенности, можно быть уверенным в том, что сброшены еще не все рубашки и драконьи кожи, чтобы открылась голая правда.

В сказке «Король-дракон» неприкрытая истина предстает в виде окровавленной плоти, которую следует очистить и превратить в прекрасного принца. В этой волшебной сказке дан образ компенсаторной фигуры Самости, ибо король-дракон - именно тот аспект, которому в христианской символике не уделяли достаточно внимания. В эпоху раннего христианства человеческая плоть и потребности тела полностью игнорировались, адекватное отношение к ним совершенно отсутствовало, из-за чего многие люди в итоге отвернулись от церкви. Развитие символики Самости в какой-то мере обогатило наше религиозное воображение, поэтому оно снова может действовать, а некоторые стороны жизни снова могут сложиться в общую установку. Если Самость - это целостность человека, тогда она выражает и его плотский аспект, и нужно искать ответы, которые помогут нам воплотить эту часть нашей сущности.

Волшебная сказка сохраняется приблизительно в течение трех-четырех веков, а затем ее сюжет обычно изменяется и развивается. В этом можно убедиться, сравнив волшебные сказки христианской Европы с китайскими или античными сказками. Оказывается, человеческое сознание развивается очень медленно, и изменения в волшебных сказках следуют этому ритму. Поэтому сознательные представления необходимо время от времени заново адаптировать к живому процессу, который постоянно происходит в бессознательном и в психике в целом. По крайней мере психологу ясно, что благодаря происходящему в психике процессу постоянного изменения ни один принцип долгое время не остается неизменным.

Истинный облик, скрытый за животной или плотской формой, является мотивом, который в другой цивилизации существует в совершенно ином виде. В китайской волшебной сказке «Но Чиа» говорится об аристократе и его жене, у которых не было детей. И вот эта женщина, которая, подобно библейской Сарре, достигла преклонного возраста, однажды лежала в своей постели, когда в комнату вошел священник-даос с прекрасной жемчужиной в руке. Он велел женщине проглотить жемчужину и пообещал, что теперь у нее родится ребенок. Затем даос исчез, а спустя девять месяцев женщина произвела на свет ком плоти, который испускал ярко-красный свет и чудесный запах. Когда пришел муж и разрубил мечом этот странный ком, он сразу же превратился в маленького мальчика.

Мальчик оказался очень диким, злым и проказливым; он не давал покоя драконам, живущим на морском дне, и вообще постоянно совершал разные недобрые поступки, огорчая и своих родителей, и богов. Однако в конце концов он осознал, что в расплату за свои грехи должен принести себя в жертву. Он становится богом, и люди ему поклоняются, ибо ценой своей жизни он искупил злые дела, которые совершил в юности.

В данном случае также присутствует мотив Самости, но этот символ гораздо больше проявляется в природной сфере. Пройдя долгий путь страданий и самопожертвования, Но Чиа становится новым божеством, заменяя старых богов новым религиозным символом.

В алхимических текстах часто говорится о том, что божественная сущность погребена в пагубной материи, а потому ее нужно извлечь; упоминается extractio animae*(Выделение души (лат.) — Прим. переводчика.) , в ходе которого минералы следует разогреть так, чтобы в них образовался и потек металл. На эту картину алхимики проецировали похожие психологические процессы - те, которые связаны с материалом бессознательного, требующим к себе повышенного внимания (то есть подогрева), чтобы из него можно было извлечь сущность. Именно этим мы и занимаемся, интерпретируя сновидение. Когда люди рассказывают вам свои первые сновидения после начала анализа, они обычно или смеются, или извиняются, что пришли к вам с тем, что кажется им ерундой. Однако если вам удается произвести extractio animae, то есть извлечь сущностный смысл из того, что им казалось только хаотичным материалом, на них это производит огромное впечатление. Если при этом интерпретация попадает в точку, то появляется ощущение, будто в том, что совсем недавно казалось полной бессмыслицей, содержится смысл, придающий психике жизнь.
Меч, который в китайской сказке использует аристократ, символизирует функцию разделения, интеллектуальное разграничение, которого достигает человек, когда принимает решение. Ямогу привести пример, как бессознательное может принимать за нас решения. Однажды, когда я не могла решить, брать ли нового пациента, мне приснился сон, в котором появился человек, который только что бросил работу из-за сильного переутомления. Этот сон словно хотел мне сказать: «Не забывай о том, что находится внутри тебя» - и таким образом прояснил для меня ситуацию. Наряду с принятием решения в нем произошло интеллектуальное разграничение: проблема была решена на уровне инстинктивных слоев личности, и сон объявил решение, которое приняло бессознательное. Отсюда видно, что способность принимать решения и способность разграничения in statu nascendi тесно связаны между собой. В Апокалипсисе обоюдоострый меч, который исходит из уст Бога, - это символ разграничивающей силы, а Александр Македонский, разрубающий гордиев узел, может послужить воплощением решимости.
Если сновидение правильно интерпретировано, оно не только несет интеллектуальное просветление, но и придает решимость, причем она кардинально отличается от сознательной решительности. В конечном счете такая решимость воздействует на осознающего человека не только интеллектуально, но и морально. И бессознательное, и сознание обязательно используют в своей деятельности элемент разграничения.
Почему сказочная героиня надевает на себя все эти рубашки? Почему не какую-то другую одежду? Символика одежды имеет два аспекта или значения. Одежда в существенной мере относится к Персоне - маске, которую мы показываем миру. Мы одеваемся так, как нам хотелось бы выглядеть в глазах окружающих людей. В прежние времена представители каждой профессии носили особую одежду, и жизненная установка личности была выражена в Персоне. Таким образом, одежда часто служит прикрытием истинной личности человека и скрывает «голую правду».
У Ганса Христиана Андерсена есть сказка о короле, у которого была страсть к красивым нарядам* (Андерсен Г.Х. Новое платье короля // Андерсен Г.Х. Сказки и истории. М.: Правда, 1980, с. 77.). Как-то к нему явился портной и предложил сшить наряд, красивее которого и представить нельзя, но предупредил, что наряд может стать невидимым для глупца или человека, который занимает не свое место. Так как король сам не мог разглядеть свой наряд, но при этом был слишком тщеславен, чтобы понять, что портной обыкновенный плут, он появился на улице голым. Собравшийся народ уже был наслышан о новом, необычно красивом наряде короля, и все согласились, что он великолепен. И только один маленький мальчик воскликнул: «Да ведь король-то голый!». И тогда всех собравшихся охватил неудержимый смех. Одежда может создавать ложное впечатление, но связывать ее только с маской или Персоной - значит слишком упрощать проблему.

Во многих мистических культах изменение личности, происходящее во время таинства, выражается в смене одежды. При посвящении Апулея в таинства Исиды его облачили в царственные одежды, украшенные знаками зодиака, а в эпоху раннего христианства верующие после крещения надевали на себя белые одежды, чтобы продемонстрировать свое обновление и чистоту помыслов. Поэтому я бы сказала, что одежда обычно символизирует установку, которую мы хотим сделать очевидной для нашего окружения. Люди могут проявлять вполне позитивную внешнюю установку, но скрывать грязные фантазии и порочные помыслы; с другой стороны, внутренняя установка человека может быть более чистой и истинной, чем его внешние проявления. Недаром существует известное выражение «стирать на людях грязное белье»* (Подробнее об этом можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках», гл. 2 (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.).
Рубашка - вид одежды, которая ближе всего прилегает к телу и обычно символизирует более глубокую установку. Если мне не нравится господин такой-то, то при встрече с ним я могу сказать, что очень рада его видеть, испытывая при этом прямо противоположное чувство. В этом и заключается разница в символике нижней и верхней одежды. Рубашка воплощает установку, которая еще не является самой истиной, но уже приближается к ней, ибо находится между верхней одеждой и человеческой кожей. Именно в этой промежуточной области и должна проявить себя главная героиня в сказке о короле-драконе: почти в своей истинной сущности (голой правде), но все же только «почти», пока дракон не проявит свою истинную сущность, и как раз в этот момент она может его спасти. Пока нужный момент не настал, ей следует быть искренней в своих реакциях, но не раскрывать всей правды.
Кроме того, рубашка символизирует способ или средство выражения, но, на мой взгляд, это лучше всего показать на примере трех других сказок братьев Гримм, в которых проблема рубашки предстает в несколько ином свете.
Первая сказка - «Двенадцать братьев»* (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 34. — Прим. переводчика. " В русском переводе второй флаг — красный. — Прим. переводчика.). В ней говорится о короле и королеве, у которых было двенадцать детей, и все мальчики. Вот и говорит король своей жене, что если тринадцатый ребенок окажется девочкой, то мальчиков надо будет убить, чтобы у девочки и богатства было больше и чтобы ей одной досталось все королевство. И велел король сделать двенадцать гробов, насыпать в них стружек и положить в каждый по маленькой подушечке. Гробы эти были поставлены в потайной комнате, а ключ от нее он отдал королеве и велел никому об этом не рассказывать. И сидела королева день-деньской такая грустная и печальная, что младший сын, Вениамин, стал ее спрашивать, почему она такая печальная. И тогда она открыла ему комнату и показала двенадцать готовых гробов, наполненных стружками. И добавила, что отец велел приготовить эти гробы для него и одиннадцати его братьев. Если у них родится сестра, то все они будут убиты и похоронены в этих гробах. Вениамин утешал мать, просил ее перестать плакать и пообещал что-нибудь придумать и вместе братьями уйти отсюда. Они решили скрыться в лесу и оставаться там до тех пор, пока не станет известно, кто родился у королевы. А чтобы узнать об этом, кто-нибудь из них будет забираться на верхушку самого высокого дерева и смотреть на башню замка. Если королева поднимет белый флаг, значит, у нее родился сын, а если черный" {красный), то девочка, и тогда им нужно убегать как можно быстрее. Прошло одиннадцать дней, и настала очередь Вениамина наблюдать за башней замка. Он увидел, что над замком был поднят не белый, а черный флаг. Узнав об этом, братья разгневались и поклялись отомстить девочке: «Там, где они ее встретят, прольется ее красная кровь». Однако надо было скрываться, братья отправились в самую лесную чащу и шли, пока не набрели на пустую заколдованную избушку, в которой решили поселиться. Вениамин, как самый младший и самый слабый, должен был оставаться дома и вести хозяйство, а остальные

стали ходить на охоту, чтобы добывать пищу. Прожили они в этой избушке десять лет, и время пролетело совсем незаметно.
Дочь, которую родила королева, за это время успела вырасти, была она ласковая и сердцем добрая, а на лбу у нее сияла золотая звезда. Однажды в замке стирали белье, принцесса заметила двенадцать мужских рубашек и спросила у матери, чьи это рубашки, так как отцу они были слишком малы. Мать рассказала, что это рубашки ее двенадцати братьев, которые странствовали по белу свету, привела дочь к потайной комнате, открыла ее и показала двенадцать гробов, наполненных стружками, и маленькие подушечки. Девушка сказала, что должна разыскать своих братьев. Она взяла с собой двенадцать рубашек и отправилась в тот самый дремучий лес. Шла она целый день, а под вечер пришла к заколдованной избушке и увидела там мальчика. Мальчика поразила ее красота, королевское платье и золотая звезда во лбу, и он спросил, откуда она пришла и куда направляется. Девушка ответила, что она королевна, что ищет двенадцать своих братьев, и показала двенадцать рубашек, которые с собой захватила. Вениамин понял, что это и есть его сестра. Он признался девушке, что он ее брат, и поцеловал сестру. Однако предупредил, что они с братьями поклялись убивать каждую девушку, которую встретят, потому что именно из-за девушки им пришлось покинуть свой дом. Королевна ответила, что она готова умереть, лишь бы спасти своих братьев. Вениамин спрятал сестру под большой чан, и когда братья вернулись с охоты, за ужином рассказал о ней, а затем, взяв с братьев обещание не убивать первую девушку, которую они встретят сегодня, поднял чан, и оттуда вышла их сестра в своей королевской одежде и со звездой во лбу. Братья обрадовались, кинулись обнимать ее и полюбили от всего сердца. Она осталась жить вместе с ними в избушке и помогать по хозяйству Вениамину.
Как-то раз, желая сделать своим братьям приятное, сестра сорвала двенадцать лилий, которые росли в маленьком садике рядом с заколдованной избушкой, чтобы после обеда подарить каждому из них по цветку. Но только она сорвала лилии, как братья вмиг обратились в двенадцать черных воронов; они поднялись над лесом и улетели прочь. Заодно исчезли избушка и сад. Бедная девушка осталась одна-одинешенька в диком лесу. Огляделась она и видит: стоит перед ней старуха. Объяснила она девушке, что ей нельзя было срывать лилии в саду, потому что это были ее братья, которые теперь навек превратились в воронов. Сестра спросила, нет ли какого средства, чтобы спасти их, и услышала в ответ, что есть только одно средство, но использовать его очень трудно: нужно семь лет молчать, не произнося ни слова. Тогда девушка разыскала самое высокое дерево, взобралась на него и стала прясть; она не говорила и не смеялась. Как-то раз в этом лесу охотился король, и была у него борзая; заметив девушку, собака подбежала к дереву, стала вокруг него прыгать, визжать и лаять. Король увидел девушку и был так восхищен ее красотой, что спросил, не хочет ли она стать его женой. Она ничего не ответила, только слегка головой кивнула. И они отпраздновали пышную свадьбу. Прошло несколько лет, и мать короля, которая была очень злой женщиной, стала клеветать на молодую королеву: почем знать, какими злыми делами она занимается втайне от него. Король приговорил свою жену к смерти, и вот уже на дворе развели костер, на котором должны были ее сжечь. Но когда молодую королеву привязали к столбу и языки пламени уже начали лизать ее одежду, вдруг прилетели двенадцать воронов и опустились на землю. Едва они коснулись земли, как снова обернулись двенадцатью братьями, которых она спасла. Минуло ровно семь лет*(В русском переводе сказки прошло только два года. — Прим. переводчика.)
с тех пор, как девушка дала слово хранить молчание, чтобы спасти братьев. Теперь она снова могла говорить и рассказала королю все, что произошло.
В сказке «Семь воронов» у одного человека было семеро сыновей и ни одной дочери, а ему очень хотелось ее иметь. Когда он узнал от жены, что у него будет еще дитя, то очень обрадовался, и вот, наконец, родилась девочка. Но дитя оказалось такое хилое и маленькое, что пришлось крестить ее раньше срока. Отец послал мальчиков принести

поскорее воды для крещения, но те в спешке уронили кувшин в колодец и стояли, не зная, что делать, и не решаясь вернуться домой. Наконец, отец потерял терпение и от досады крикнул: «А чтоб вас всех в воронов обратило!» Только он вымолвил эти слова, как услышал над головой шум крыльев, посмотрел вверх и видит: кружат над ним семь черных, как смоль, воронов.
Девочка подросла, окрепла и с каждым днем становилась все краше и краше. Отец с матерью не говорили дочери о том, что случилось с ее братьями, которые из-за нее навлекли на себя проклятие. Но однажды она случайно услышала, как люди говорили, что девочка и вправду хороша, но виновата в несчастье своих братьев. С тех пор она не находила покоя и решила тайком отправиться в дальнюю дорогу, чтобы отыскать своих братьев и во что бы то ни стало освободить их. Она ушла далеко-далеко, на самый край света, дошла до солнца, потом до луны, а затем и до звезд. Утренняя звезда сказала, что ее братья живут в Стеклянной горе, и дала ей костылек, которым можно разомкнуть ворота Стеклянной горы, где находились ее братья. Но но пути девочка потеряла подарок доброй звезды. Тогда она взяла нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Навстречу ей вышел карлик и сказал, что воронов сейчас нет дома, но их можно подождать. Потом карлик принес воронам пишу на семи маленьких тарелочках и питье в семи маленьких кубках. Сестра отведала по крошке из каждой тарелочки и но глоточку из каждого кубка, а в последний кубок опустила колечко, взятое с собой в дорогу. Когда вороны прилетели, они стали спрашивать друг у друга, кто ел и пил из их посуды, и решили, что это был человек. Затем они нашли колечко, узнали в нем кольцо отца-матери, и один ворон сказал, что если бы только здесь оказалась их сестра, они были бы расколдованы. Услышав эти слова, сестра вышла из-за двери, а братья обернулись опять в людей и вместе с сестрой весело возвратились домой.
В сказке «Шесть лебедей»* (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с.152. — Прим. переводчика.)король охотился в дремучем лесу и заблудился. Под вечер увидел он перед собой старуху с трясущейся головой, которая шла ему навстречу. Это была ведьма. Она обещала королю показать дорогу из леса при условии, что тот женится на ее дочери. Король в страхе согласился. Девушка была очень красива, но королю она не понравилась, и он не мог глядеть на нее без затаенного страха. Король посадил девушку на коня, старуха указала ему дорогу, и они вернулись в замок, где отпраздновали свадьбу. А король был уже однажды женат, и от первой жены у него было семеро детей - шесть мальчиков и одна девочка. Король любил их больше всего на свете, но предчувствовал, что злая мачеха может убить детей. Он спрятал их в потаенном замке, в самой гуще леса, и часто навещал их там. Узнав об этом, королева-ведьма выследила короля и нашла дорогу к замку. С собой она взяла специально сшитые ею шесть маленьких белых рубашек, которые она заколдовала злыми чарами. Мальчики, думая, что пришел их отец, радостно выбежали ему навстречу, и ведьми-на дочь тут же набросила на каждого из них рубашку. Как только рубашки прикоснулись к их телам, мальчики обратились в белых лебедей и улетели. Королева вернулась домой очень довольная, считая, что избавилась от детей короля.
Она не заметила, что в замке осталась их сестра, которая не выбежала ей навстречу вместе с братьями. Девочка решила отправиться на поиски братьев, чтобы освободить их от заклятья. После долгого и утомительного странствия она нашла своих братьев, и те объяснили ей, что могут принимать человеческий облик только по вечерам и только на четверть часа, а затем снова обращаются в лебедей. Братья сказали сестре, что расколдовать их она может единственным способом: шесть лет она не должна ни говорить, ни смеяться, а кроме того, за это время ей нужно сшить для них шесть рубашек из звездоцвета. Сестра решила, что она сделает все, чтобы освободить братьев, забралась на высокое дерево и принялась за работу. Говорить ей было не с кем, а смеяться не хотелось. Но однажды ее заметили проезжавшие мимо королевские егеря и, сняв с дерева, привели к королю, который в нее влюбился и женился на ней. Когда королева родила

первого ребенка, злая свекровь, мать короля, недовольная его женитьбой, унесла младенца, а молодой королеве вымазала рот кровью. Потом старуха обвинила ее в убийстве и съедении собственных детей, рождающихся у нее от короля. А когда третий ребенок тоже исчез, король отдал свою жену под суд и ее приговорили к сожжению на костре. Но это был как раз последний день из тех шести лет, в течение которых она по обету не могла ни говорить, ни смеяться. Молодая королева уже сшила шесть рубашек, и только на последней еще не хватало левого рукава. Когда ее повели на костер, она взяла с собой все шесть рубашек. И вот уже должны были развести огонь, как прилетели шесть лебедей. Лебеди спустились так низко, что она смогла накинуть на них рубашки. Едва рубашки к ним прикоснулись, как с братьев слетело лебединое оперенье и только у самого младшего осталось одно лебединое крыло, потому что на рубашке не хватало левого рукава. Теперь настало время девушке открыть всю правду. Король понял, что его жена не ведьма, злую свекровь в наказание сожгли на костре, а король и королева с шестью ее братьями жили мирно и счастливо долгие годы.
Вы видите, как важно исследовать три сказки, которые являются вариациями одной и той же темы. Рубашка может быть не только средством наложения колдовского заклятья, но и освобождения от него. В предыдущей сказке, чтобы спасти героя, его нужно было донага раздеть, а в последней сказке избавление от колдовства наступает, когда на героев набрасывают рубашки. Следует спросить себя, что это может означать. Возможно, что нам не следует открывать голую правду, а дать ей сначала чем-то прикрыться, чтобы она могла потом появиться в своем истинном виде. Рубашки из звездоцвета должны быть сшиты в срок, и набрасывание их на заколдованных людей - это поистине спасительное действие. В данном случае мы снова сталкиваемся со знакомым мотивом любви, преданности и великого самопожертвования.
Проекция воздействует на людей, как колдовские чары. Если вы ждете от них лучшего, то, вероятно, и получите лучшее; если же вы предчувствуете худшее, то люди не могут проявить лучшее в себе. Это обстоятельство очень существенно для процесса воспитания, ибо когда дети чувствуют, что взрослые им доверяют и убеждены в их способности с чем-то справиться, им гораздо легче проявить себя с лучшей стороны. Здесь мы приходим к очень тонкой проблеме, которая стала причиной многих ошибок.
Мне бы хотелось сослаться на замечания Юнга о проекции, приведенные в работе «Психологические типы»* (Юнг К.-Г. Психологические типы, пар. 783. М.: Прогресс-Универс, 1995.), где он говорит о реликтах архаической идентичности. Указывая на наличие в психике больших зон бессознательной идентичности, Юнг отмечает, что говорить о проекции можно лишь тогда, когда появляется необходимость в прекращении этой идентичности, но не раньше. Проекция, пишет он, изначально основывается на архаической идентичности субъекта и объекта. Все люди связаны с друг с другом и в какой-то мере идентичны между собой. В природе не существует такого явления, как полностью изолированная личность. Например, если бы на Швейцарию было совершено нападение, мы все действовали бы как один человек. На уровне коллективного бессознательного каждый из нас идентифицируется с определенной группой. От юнгианских психологов можно снова и снова слышать, что первобытное племя проецирует Самость на своего | вождя, но это неправильно. Скорее следует сказать, что племя находится в таком состоянии идентификации, когда вождь является воплощением Самости.
Повторяю: если вам встречается человек, общаясь с которым, вы ощущаете полное единодушие, - как будто ключ подходит к замку, - то должны быть уверены, что и в других отношениях у вас с ним много общего. Вы практически полностью идентифицируетесь с ним. Но затем вы задаете ему последний вопрос и приходите в ярость, когда оказывается, что ваш собеседник все же отличается от вас: ведь если у вас с ним так много общего, почему же тогда он проявляет свое различие?! Тогда вам приходится осознать свою проекцию. Но сначала, пока существовала такая естественная

гармония идентичности, было бы неправильно говорить о проекции, ибо проекция всегда связана с представлением о том, что какая-то часть моей сущности приписывается другому человеку.
То, что я проецирую, никогда не станет полностью моим; проецируемый материал находится в архаической области моей психики и может проецироваться на кого-то еще. Пока «ключ подходит к замку», нет никаких оснований говорить о проекции, так как речь идет реальном факте, об истине. Если ваша Тень лжет, а вы встречаете человека, который тоже лжет, кто сможет доказать, что существует проекция? В данном случае ложь - это реальность, а не проекция. Но если моя Тень лжет, а я обвиняю во лжи другого человека, когда он совсем не лжет, я ощущаю беспокойство, дискомфорт, то, что «ключ не подходит к замку». Если у нас нечиста совесть и некая часть нашей личности больше ей не доверяет, тогда мы имеем право сказать, что спроецировали какую-то часть своей личности. Даже если мы сделали ложные допущения, которые не соответствуют истине, то говорить о проекции можно лишь в том случае, если возникнет состояние дисгармонии. До этого речь шла об архаической идентичности, не позволяющей предполагать наличие у другого человека тех или иных черт, так как их приписывание относится к межличностному феномену.
Хотя рубашка отчасти способствует самовыражению, но из-за своей предвзятости я могу составить ошибочное представление о каком-то человеке и тем самым неумышленно «извлечь» из него то худшее, что в нем есть. Важно доверять другому человеку. Некоторые люди всегда ждут плохого от окружающих, а такое отношение действительно пробуждает в них самое худшее. На людей, у которых не слишком развито сознание и которые совершенно не знают эти психические механизмы, подобное ожидание часто воздействует магически: вполне возможно, что оно побуждает их вести себя хуже. Например, мужчина с негативным материнским комплексом может настолько вжиться в эту роль, что всякой женщине с чертами матери, находящейся с ним рядом, приходится вести себя негативно. Или, например, если какой-то мужчина, оказавшись под воздействием негативного отцовского комплекса, настроен против любой власти, поскольку для него традиционную власть символизирует отец, то все, что как-то связано с властью, действует на него как красная тряпка на быка. На военной службе он может вести себя по отношению к старшему по званию так, что тому придется утверждать свою власть, и тогда он не меньше, чем его подчиненный, окажется втянутым в этот комплекс и должен будет отыгрывать свою роль. Этот комплекс, который принадлежит сразу двоим, связывает их вместе и вынуждает отыгрывать его в межличностных отношениях, даже если они совершенно не собирались это делать. Если у одного из них нет такого же комплекса, он не попадет в подобную ловушку, но если в его психике скрыто нечто похожее, то может возникнуть идентификация. Если послушать каждого из них, ничего понять нельзя. Но, возможно, что человеку, который больше интеллектуально и эмоционально развит, эта игра наскучит, и он обратится к себе самому. Возможно, он что-то начнет осознавать и решит, что даже если другой на самом деле такой плохой человек, как он думает, то все равно больше не следует тратить свою энергию на конфликт с ним; гораздо полезнее заниматься самонаблюдением. Таким образом, он прекращает действие архаической идентичности и начинает избавляться от своей проекции. Он будет наблюдать свои фантазии и исследовать проявляющийся в них комплекс, постепенно избавляясь от его власти и таким образом действительно освобождаясь. Можно сказать, что он возвращает в свою психологическую структуру то, что ему принадлежит, оставляя другого с его собственной проблемой.
Проекция осознается, как только у человека появляется склонность к самоосознанию и сомнению, но не раньше, даже если третье лицо считает, что она точно присутствует. Содержание бессознательного редко прорывается прямо в сознание, хотя иногда это получается, если сознательная установка является достаточно открытой. Если человек вполне осознанно открыт притоку нового материала, то бессознательное содержание

может проявиться во сне и стать доступным сознанию благодаря процессу сновидения, безо всякой внешней драмы. Но даже в таком случае, особенно если бессознательный материал очень глубокий и многосторонний, часть его аспектов проявляется в области межличностных отношений. То же самое происходит с творческой интуицией, когда двум людям одновременно приходит в голову одна и та же идея, как это бывало, когда двое или трое ученых практически одновременно и независимо друг от друга совершали одно и то же открытие. Следовательно, архетипическое содержание не принадлежит только тому или иному человеку, а может проявиться в межличностной сфере.
Когда некое содержание вплотную подступает к порогу сознания, такие проявления возникают в области межличностных отношений, в которых сначала происходит идентификация, а затем осознание проекции. Именно поэтому такие процессы сначала сводят людей вместе, а затем разделяют их; по существу, они являются подлинным режиссером всех человеческих драм - как положительных, так и отрицательных. Например, какой-то человек чувствует в другом человеке родственную душу, а затем у них появляются разногласия, и тогда начинается целая come die humaine*(Человеческая комедия (фр.). — Прим. переводчика.) . Пока в межличностных отношениях не возникает неловкости или дискомфорта, ни один человек не может убедить другого в существовании проекции. Так протекает жизнь, и неблагоразумно в нее вмешиваться, пока человек не спросит, почему у него всегда возникают конфликты с мужчинами или женщинами определенного типа. Что в данном случае зависит от него? Пока отношения нормальные и два человека любят друг друга, зачем говорить, что в их основе лежит только проекция? Но когда в отношениях появляется неприязнь, когда в них что-то перестает ладиться, это значит, что архаическая идентификация приближается к состоянию, когда ее можно назвать проекцией.
Я бы сказала, что «набрасывание рубашки» в основном происходит на уровне архаической идентификации и межличностное воздействие комплексов еще не достигло уровня проекции. На мой взгляд, разные комплексы коллективного бессознательного связаны между собой, и эта связь похожа на химическую - положительную или отрицательную. Иными словами, некоторые комплексы могут негативно воздействовать на другие комплексы внутри бессознательного. Если мы думаем, что можем «околдовать» человека и внушить ему какие-то психологические установки, то, наверное, существуют и противоположные тенденции; они негативно действуют друг на друга и выявляют худшее, что есть в людях, и только благодаря вмешательству сознания, которое находит для них способы выражения, в этой ситуации можно что-то изменить. Я бы интерпретировала рубашку как содержание фантазии, которое соответствует или не соответствует действительности. Предположим, что у вас есть некий активизированный бессознательный материал, который ощущается как смутная тревога и беспокойство и вызывает невротическое расстройство. Чтобы осознать такое содержание, необходимо, чтобы оно внешне выражалось соответствующим образом.
У меня есть пациентка, молодая девушка, у которой, по существу, отсутствует феминииное Эго - из-за негативного материнского комплекса, а также вследствие тяжелого характера ее отца. Поэтому ее самочувствие полностью определяется оценками окружающих, которые играют ею, как мячиком. Если соседка говорит, что у нее скверный характер, она чувствует себя совершенно несчастной, если же ей кто-то скажет, что она привлекательная, -девушка вне себя от радости. Пациентка полностью зависит от других и никогда по-настоящему не знает, чего сама хочет и что собой представляет. Вследствие своего слабого Эго она всегда боится проявить негативное отношение к другому человеку, ибо не может на нем настоять; поэтому она производит впечатление весьма неискреннего человека. От нее никогда нельзя услышать что-то негативное - она будет за все благодарна. Возникает чувство, что за ее неизменными «да» и «спасибо» скрывается немалая доля критического отношения, но вслух она этого не высказывает, так как все время старается не попасть в неловкое положение. Но когда выявляется какая-то

негативная сторона человека, у него за спиной она может рассказать много обидных сплетен. Сплетни и слухи всегда слышат те, кто хочет их услышать!
Когда пациентка пришла на анализ, она уже совсем одичала. Люди считали ее интриганкой, и она утратила то, к чему так стремилась - человеческий контакт. В процессе анализа она относилась ко мне как к человеку более высокого статуса и открыто не проявляла отрицательные эмоции, утверждая, что не умеет их выражать. У девушки накопилось огромное возмущение против окружающих, но она никогда его не выражала. Пациентка слышала об активном воображении и читала о нем в книгах Юнга, но, по существу, стала заниматься черной магией. Она представляла себе человека, которого ненавидела, и кричала на него, стараясь отреагировать свое бешенство, чтобы избавиться от него. Но на самом деле ей становилось все хуже. Из содержания ее сновидений я поняла, что она практикует черную магию, и прямо заявила ей об этом, и тогда ей пришлось рассказать мне, что она делает в одиночестве. Я ей объяснила, что нужно бороться не с другим человеком, а со своей яростью, и что она должна чаще заниматься самонаблюдением и спрашивать себя: что она делала со своей Тенью. Вам следует забыть человека, если мысль о нем вызывает у вас ярость. Именно в этом заключается разница между черной магией и активным воображением. Вам следует надеть на собственный аффект соответствующую «очищающую рубашку»!
Если возникает вопрос о том, чтобы избавить кого-то от колдовства (то есть части человеческой души), это всегда связано с поиском самого подходящего для человека средства выражения, соответствующего содержания фантазии, в рамках которой он мог бы себя выразить.

Глава 7

В прошлый раз мы обсуждали волшебные сказки о семи воронах и шести лебедях. В сказке о шести лебедях девушке нужно было сшить рубашки из звездоцвета, маленького цветка, обычно растущего в гуще темного леса. Его цветки звездообразной формы, поэтому в фольклоре о них говорится как о небесных звездах, растущих на земле. Из этих цветов девушка шьет рубашки, которые затем набрасывает на братьев, и они снова обращаются в людей. Мы рассмотрели, насколько все это связано с проекцией или с приданием бессознательному комплексу соответствующих средств выражения через материал фантазии. Я сделала особый акцент на методе активного воображения, который мы стараемся использовать, если сталкиваемся с констелляцией очень динамичного материала бессознательного, вызывающего расстройство сознания. Применять этот метод нужно с особой осторожностью и соблюдать определенные условия: Эго пациента не должно быть слишком слабым и у него не должно быть признаков психоза.
Соблюдая необходимые условия, мы пытаемся создать данному бессознательному комплексу возможность выразиться в деятельности фантазии, в которой мы принимаем сознательное участие. Таким образом бессознательный материал амнлифицируется иначе, чем материал сновидений. Любое сновидение - это амплификация бессознательного содержания, тогда как в процессе активного воображения происходит активное сознательное сотрудничество - сознательное усилие, которое хотя и односторонне воздействует на бессознательный материал, но добавляет к нему ряд факторов, так что в процессе сотрудничества сознания и бессознательного вполне может происходить процесс трансформации.
Есть люди, которые утверждают, что способны влиять на свои сновидения, но у меня не было случая в этом убедиться. Иногда во сне человек чувствует, что не хочет, чтобы этот сон продолжался, и тогда он просыпается, но это происходит вследствие вытесненного страха. Человек не может изменять сны. Единственный способ воздействия на бессознательное, который нам известен, - техника активного воображения. Конечно, на бессознательное могут воздействовать и другие психотехники, но они оказывают только подавляющее воздействие. В exercitia spiritualia*(Духовные практики (лат.). - Прим.

переводчика.) Игнатия Лойолы** (Игнатий Лойола - основатель ордена иезуитов. Он сформулировал организационные и моральные принципы ордена. - Прим. переводчика.), где эта проблема представлена как специальная тема для медитации, дан четкий регламент соответствующей процедуры. Насколько мы знаем, это относится к большинству практик йоги. Например, в них говорится, что на определенной стадии медитации появится прекрасная богиня Дева*** (Древнеиндийское слово Deva переводится как «бог», «сиять»; в древнеиндийской мифологии это целый класс богов и богинь (обычно говорят о 33 богах). -Прим. переводчика.) и попытается вас соблазнить, но вам следует сопротивляться искушению. Кроме того, существуют правила, которые помогают человеку сконцентрироваться на нужном переживании.
В отличие от этих практик, наша установка заключается в том, что в диалектическом процессе, когда сознание и бессознательное обращены друг к другу, эго-сознание каждый раз должно решать, что оно хочет, без всякой предварительной программы. Если в воображении мужчины его пытается соблазнить прекрасная богиня, он может сам решить, следовать ему за ней или нет. Для этого нет никакого правила. На каждой ступени решение принимается сознательно, как в реальной жизни. В этом и состоит серьезное различие. Если правильно использовать технику активного воображения, можно в какой-то мере воздействовать на бессознательное и почувствовать, как освобождаешься от напряжения, вызванного давлением бессознательного содержания. Кроме того, это хороший способ проработать некоторые аффекты, а также обнаружить бессознательный творческий материал, который трудно понять или который не может появиться среди уже существующего материала. Так как мы даем бессознательному возможность выразить себя, присоединяя к нему фокусирующие и концентрирующие элементы сознания, в результате получается продукт соединения двух миров, возникающий в области, промежуточной между бессознательным и сознанием, которую мы называем психической реальностью.
На мой взгляд, именно такой процесс можно сравнить с шитьем рубашки из звездоцвета в волшебной сказке. Девушка должна проявить преданность и терпение и приложить немало усилий, чтобы создать для лебедей облачение, с помощью которого они смогут вернуть себе человеческий облик. Ее усилия очень похожи на процесс активного воображения: мы применяем сознательную установку к бессознательному материалу, разговариваем с ним, как с живым человеком, и этот процесс оказывает мистическое очеловечивающее воздействие - например, придает Анимусу или Аниме определенную форму выражения.
Любое бессознательное содержание, с которым не сформирована правильная связь, часто устанавливает над нами власть, так как «подкрадывается» к нам постепенно. Если вы можете с ним говорить, то у вас формируется определенное отношение к нему. Вы либо станете одержимы содержанием, которое констеллировалось в бессознательном, либо сумеете сформировать с ним связь. Чем старательнее человек его вытесняет, тем сильнее оно воздействует на него. Если не помогать бессознательному выразить это содержание вовне, оно найдет выход в пагубных фантазиях, разрушающих психику.
Некоторыми людьми, страдающими одержимостью и словно заворачивающимися в кокон вокруг тех, с кем им нужно иметь постоянный контакт, иногда овладевают самые поразительные идеи, в которых они не сомневаются и не стремятся их для себя уяснить, ибо считают совершенно очевидными. Такие люди обычно во всем уверены и никогда не спросят себя: «Почему же я считаю, что все происходит именно так, а не иначе?» Одержимость превращается в полуосознанную убежденность. Это происходит, когда материал фантазии выражается неадекватным способом (например, в виде обвинений соседей и друзей) и, как правило, совсем не подвергается критике. Такие фантазии проникают за кулисы психики одержимой личности и обрастают подробностями. Несущественные и случайные факты тщательно собираются, формируя паранойяльную систему, и каждый новый факт еще больше расширяет и углубляет ее. Это может быть

какое-то решение швейцарского правительства или звонок почтальона - все имеет скрытый смысл, все воспринимается как знак чего-то более важного. Даже в головах так называемых нормальных людей существуют непроверенные предположения, не связанные с действительностью, которая воспринимается сознанием. Если вы попытаетесь указать им на это, то столкнетесь с очень странными возражениями, за которыми, как правило, скрывается какая-то безумная идея. В данном случае вполне уместно обратиться к технике активного воображения. Вам следует направить на эту идею или подозрение всю остроту своего мышления и «поговорить» с ней. Преодолев некую скованность и сомнения своего сознания, связанные с тем, что вы все это выдумали, вы тем самым позволите бессознательному содержанию выразить себя с помощью фантазии; однако для работы с активным воображением требуется объективная установка.
Во время шитья рубашек из звездоцвета девушка не должна не произносить ни слова (эта тема появляется и в других версиях сказки), поэтому ее обвиняют в убийстве собственных детей, в колдовстве и т.п. Это еще один мотив избавления от колдовства. Как правило, не говорить - значит не иметь никакой связи с окружающими и быть лишенной возможности обсуждать с ними свои проблемы. Естественно, такая ситуация встречается в жизни очень часто - например, когда вы пребываете в столь подавленном состоянии, что совершенно не способны говорить. В состоянии кататонии человек практически не может говорить, эмоции, вызванные его проблемой, подавляют его и лишают дара речи. В менее серьезных случаях, когда человек просто чем-то глубоко взволнован, он тоже порой лишается дара речи, так как непроизвольные психические процессы опять противодействуют процессам, происходящим благодаря усилиям воли. Если такое психическое содержание грозит вам немотой, то лучше с ним примириться и настроить себя на то, чтобы просто о нем не говорить. Если же добавить волевое усилие или сознательную установку, можно превратить довольно опасное и пагубное содержание психики в позитивное.
Поэтому если вы подавлены неким бессознательным содержанием и не можете говорить, то не пытайтесь поделиться этим с другими людьми, а дайте себе возможность выразить это содержание самостоятельно. Тогда вас не будет подавлять неизвестная вам эмоция, постоянно подчиняющаяся психодинамике, которая всегда развивается в определенном направлении. Архаичный бессознательный импульс должен последовать в том же (скрытом от нас) направлении, что и эмоции. Если это ненависть, она самопроизвольно увлекает вас к объекту вашей ненависти; то же самое происходит, если такой эмоцией является любовь - в данном случае мы имеем в виду лишь две самые распространенные эмоции. Если же вы попробуете сразу выразить эмоцию по отношению к объекту, вам грозит опасность быть подавленным ею. Допустим, некто испытывает ярость и хочет выразить ее непосредственно человеку, который это чувство вызывает, причем в корректной форме, но стоит ему произнести хоть слово, как у него начинается словоизвержение! В состоянии аффекта человек говорит много лишнего, все больше теряя над собой контроль, и в конце концов уже сам начинает верить в то, в чем сомневался сначала.
Если метод активного воображения применяют люди, для которых он не подходит, то они выражают фантазию так, что чувствуют свой собственный материал, но постепенно сила их эмоций все больше возрастает и в итоге приводит к катастрофе, так как в течение этого времени аффект чересчур усилился. В таком случае сначала нужно «соткать» материал для «рубашки» - найти способ самовыражения и только потом воспроизвести эмоции вовне. Один иезуит, живший в XVII веке, сказал, что человеческий язык подобен огненному колесу, так как на своем пути воспламеняет и губит все живое. С этим трудно не согласиться: негативный аспект человеческой речи действительно дьявольский. Взять, например, хотя бы современную пропаганду, с помощью которой можно совершить практически все, даже убийство.
Современные журналисты, которые пишут в газетах статьи, полные ненависти, поступили бы гораздо мудрее, если бы успокоились и поработали над своим аффектом. В результате

такой работы обычно появляется сказочная «рубашка», которая придает эмоции человеческую форму выражения. То же самое постоянно происходит и в процессе анализа. Разница заключается в том, как проявляется сопротивление осознанию бессознательного. Если оно просто прорывается вовне, то аналитику нужно лишь сохранять спокойствие. Но если пациент говорит, что во время этой сессии он чувствовал некоторое внутреннее сопротивление и хотел бы это обсудить, то мы видим нормальную человеческую реакцию, так как проблема выражается в подходящей «рубашке».
К сожалению, одержимость убеждает человека в его собственной правоте. Как коммунистические адепты убеждены в том, что западный мир - это империя зла, так и вы, оказавшись во власти своего Анимуса, будете уверены в том, что так оно и есть. Понимать это крайне важно. Как и большинство моих братьев и сестер, я этого не замечаю, находясь во власти своего Анимуса, - я убеждена, что мое мнение принадлежит мне, а не Анимусу. Но если человек какое-то время проходит анализ, то по тону голоса и интенсивности эмоции он сможет уловить: здесь что-то не так. За вашим желанием что-то получить или сделать скрывается слишком сильное побуждение, и это подозрительно. У вас появляется чувство, что эти аргументы вы уже слышали внутри себя. И если вы настолько одержимы Анимусом, что не можете сразу освободиться от его власти, постарайтесь сохранить спокойствие. Вернитесь в свою комнату и скажите себе: «Все это не так, состояние, в котором я пребываю, кажется мне подозрительным, поэтому несколько дней я попробую ничего не говорить». Потом вы будете благодарить Бога за то, что на этот раз вам удалось сдержать эмоции. Но ваши эмоции, не получив выражения, начнут вас терзать и вам станет хуже, чем было, тогда вам понадобится сказочная рубашка. Не следует сдерживать эмоцию, которая будет отравлять вас, проникая все глубже, ибо это вам не поможет. Если изнутри вас начнет терзать яд, то через три дня вам станет хуже, но если за эти три дня вы «наденете рубашку» на терзающую вас эмоцию, например, используя активное воображение, то сможете избежать неприятностей.
Я уже упоминала о девушке, которая всегда была вежливой и чуткой, так как хотела, чтобы ее любили. В результате в ней скопилась страшная ненависть по отношению к одному женатому мужчине. У мужа и жены, с которыми она иногда встречалась, была та же проблема, поэтому естественно, что супруги обвиняли друг друга в измене и лживости. Однажды эта пара пригласила девушку на завтрак, а, вернувшись домой, она ощутила приступ патологической ярости против этого мужчины, который был фальшивым и лживым, скрывая под маской учтивости свою омерзительную личность. Девушка не проронила ни слова. Но если бы она высказалась, лучше ей не стало бы, так как пришлось бы говорить слишком много. Поэтому ненависть продолжала в ней накапливаться. Вернувшись домой, она не могла ни на чем сосредоточиться, ибо клокотавшая внутри нее ярость стремилась выразиться вовне. В фантазии девушка просто дала выход своему гневу, представляя себе, что она сделала бы с этим мужчиной: повесила бы его, плевала бы ему в лицо и т.п. Позже в содержании одного из ее сновидений проявилось, что она увлеклась колдовством и черной магией*(Подробнее о черной магии в скалках можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных скалках», гл. 2 (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). - Прим. переводчика.). Я с укоризной сказала ей об этом, но пациентка не могла взглянуть на свои действия со стороны, поэтому мне пришлось тщательно разбираться в том, что с ней происходило в последнее время и отразилось в ее фантазиях. Я сказала пациентке, что если аффект так нарушает ее душевный покой, то ей следует воплотить его в фантазии, но не в облике этого человека, а, например, в образе свирепого медведя или какой-то другого зверя, который пытается смести все вокруг себя. Возможность внешнего выражения аффекта и развитие дурных фантазий просто приводит к abaissement du niveau mental** (Снижение интеллектуального уровня (фр.). - Прим. переводчика.) . Правильное поведение в данном случае заключается в следующем: не давать волю своему языку, удерживать аффект внутри, а затем найти для него походящие средства внешнего выражения.

Точно так же можно обойтись с совершенно иным содержанием. Допустим, вам в голову неожиданно, как ворон или лебедь, спустившийся с небес, пришла идея, свидетельствующая о мании величия, - например, что вы в каком-то смысле являетесь богом. Вы можете сказать, что это полная чушь, или, наоборот, думать об этом снова и снова, никому не говоря, ибо вам вряд ли кто-то поверит. Вы не создавали эту фантазию, но, быть может, все-таки стоит спросить себя, как эта идея пришла вам в голову? Конечно же, сама по себе! Если вы собираетесь сказать окружающим, что вы божество, они будут точно знать, куда вас поместить, но если вы об этом промолчите и все-таки спросите себя, откуда взялась эта идея, то сможете открыть для себя самое удивительное. Тогда, подобно мистикам, вы откроете, что в каждом человеке существует божественная искра и что ваша личность непрерывно развивается благодаря внутреннему переживанию, хотя это развитие потрясло вас, когда проявилось впервые. Поэтому, образно говоря, вам нужно усесться на вершине дерева и полностью отрешиться от внешнего мира. Дайте возможность этой идее раскрыться, максимально вникнув в ее материал и не позволяйте ей поглотить вас полностью.
Парацельс сказал, что внутри любого человек содержится целый микрокосм со всеми звездами. Звездное небо - это образ коллективного бессознательного, а падение звезды на землю можно символически представить как осознание, ибо нечто становится реальным, попав в человеческое сознание. Что неосознанно, то нереально. До того, как узнали, что атом существует, он существовал, хотя его образ отсутствовал в человеческом сознании. Звезды падают с небосклона, затем сплетаются в рубашку и в таком виде осознаются как архетипический паттерн. Одно крыло, оставшееся у брата, должно означать, что процесс интеграции, то есть процесс осознания, весьма относителен. Как говорил Гете: «Uns bleibt ein Endenrest, zu tragen peinlich» («Нам остается пережиток, нести его - обуза, что делать с ним - вопрос»). То же самое относится и к архетипическому содержанию, которое сознание не может полностью интегрировать. Значение данного символа может иссякнуть для субъективного чувства какого-то человека, но это вовсе не значит, что исчерпан весь его смысл. Я беру волшебные сказки и интерпретирую их, пока не начинаю ощущать умиротворение, но при этом не чувствую, что исчерпала весь материал. Если я сделала недостаточно, то остается ощущение некоторого дискомфорта, затем мне обычно начинают сниться сны, и я уже знаю, что моя интерпретация не удовлетворяет мое бессознательное, то есть она весьма относительна. Иногда люди думают, что если заниматься анализом лет двадцать, то можно истощить бессознательное, но на самом деле этого не может быть, ибо у бессознательного постоянно появляются новые аспекты, словно оно обладает способностью непрерывно себя творить. Всегда остается одно крыло, которое возвращается в непостижимое.
Поразительно, что когда сказочная героиня соединяется со своими семью братьями-воронами, то их вместе с сестрой становится восемь; а это число символизирует целостность. В сказке о шести лебедях, когда девушка выходит замуж за короля, то вместе с ней и мужем их снова становится восемь. В конце обеих сказок оказывается восемь сказочных героев. Символизм этого мотива Юнг рассматривал в своей работе «Психология и алхимия»* (См.: Юнг К.-Г. Психология и алхимия, пар. 201 ff. М.: Рефл-бук, 1997.), где трудный переход от трех к четырем или от семи к восьми связан с проблемой интеграции четвертой, подчиненной, функции. Постоянные затруднения в данном случае связаны с тем, что бессознательное не может быть полностью интегрировано, и четвертая функция всегда остается более или менее автономной. В сущности, это хорошо, ибо означает, что поток жизни не иссякает и постоянно констеллирует новые содержания и новые проблемы. Целое никогда не интегрируется, а даже если и предположить такую возможность, то это означало бы застывание жизненного процесса.
Следующий мотив можно назвать мотивом Амура и Психеи. Он взят из сказки Апулея «Золотой осел»* (Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел // БВЛ. М: Худ. литература,

1969. — Прим. переводчика.), написанной во II веке нашей эры, то есть в эпоху поздней античности. Это история юноши, который во время своего пребывания в Фессалии увлекся изучением черной магии и захотел узнать тайны колдовства своей хозяйки-ведьмы. Но однажды во время своих опытов он что-то напутал и превратился в осла. Для того чтобы вернуть себе человеческий облик, он должен был съесть несколько роз. В самом конце сказки он встречает жреца, шествующего с венком красных роз в руках во главе процессии людей, которых посвящали в таинства Исиды и Осириса. Вот тогда главному герою наконец удается вернуть себе человеческий облик и вместе с остальными людьми, проходящими инициацию, оказаться посвященным в таинства. Пока он был ослом, ему пришлось немало испытать -даже побывать вьючным животным у разбойников и возить на своей спине их поклажу. Однажды, когда разбойники прямо со свадьбы похитили невесту, старуха-служанка в разбойничьем стане, успокаивая заливающуюся слезами девушку, рассказала ей одну волшебную сказку, которую в дальнейшем часто публиковали отдельно.
Эрих Нойманн в своем труде «Амур и Психея» интерпретировал эту сказку с точки зрения женской психологии, но на самом деле она гораздо больше связана с мужской Анимой и с психологией Анимы. Апулей написал ее в виде народной сказки, которую он включил в свое повествование, так как сама эта сказка была известна задолго до него. В германской и скандинавской мифологии можно найти мотивы, аналогичные сказке Апулея, что свидетельствует о том, насколько они широко распространены.
В античной версии царскую дочь Психею соблазнил Эрот или Амур - сын богини Венеры, который жил с ней как с женой во дворце, в окружении невидимых слуг. Психея никогда не видела своего мужа; он являлся незримым и каждую ночь всходил к ней на ложе, а каждое утро оставлял свою супругу в неведении относительно того, с кем она живет. Тем временем сестры Психеи пытались заставить ее усомниться, внушая, что она стала женой дракона, который хочет лишь насладиться ее юными прелестями, а затем хорошо ее откормить и съесть. Подозрение Психеи росло, и тогда коварные сестры посоветовали ей взять масляную лампу и нож, спрятать их в спальне, а когда ночью утомленный муж заснет, зажечь лампу и, увидев дракона, убить его. Но когда Психея зажгла лампу, то увидела не дракона, а прекрасного крылатого юношу. В это время капля горячего масла из лампы упала на плечо супруга, и он проснулся. Оскорбленный тем, что Психея нарушила обещание, которое дала ему, Амур сказал, что не хотел, чтобы она знала, кто он такой. Теперь ему придется покинуть ее и таким образом наказать. Сначала Психея, потрясенная тем, что случилось, захотела покончить с собой, но потом решила искать потерянного супруга и отправилась в долгое и многотрудное странствие.
В данном случае партнера делает видимым не столько свет лампы, сколько кипящее масло, когда обжигает его и заставляет навсегда исчезнуть. В сходной по содержанию немецкой волшебной сказке «Три черные принцессы»* (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 393. — Прим. переводчика.)
мотив искупления имеет несколько иной характер. В этой сказке отец продал дьяволу своего сына. Дьявол забрал его с собой в ад, но по пути юноше удалось убежать и скрыться в дремучем лесу на высокой горе. Гора разверзлась, и он попал в большой заколдованный замок, в котором все было задрапировано и покрыто черным. Ему явились три принцессы, одетые во все черное. Они сказали юноше, что заколдованы и только он может освободить их от злого заклятья. Но для этого он должен находиться внутри горы три года и ни разу не заговорить с ними. Он поклялся это сделать, но только после того, как сходит домой и навестит свою мать. Принцессы очень испугались, так как считали, что, навещая свою мать, юноша подвергает себя большой опасности. Но он все-таки отправился домой. Мать сказала, что здесь таится что-то недоброе, он должен взять с собой святую восковую свечу, зажечь ее и капнуть принцессам на лица растопленным воском.

Вернувшись к принцессам, юноша последовал совету матери и капнул воском им на лица, когда они спали. Принцессы стали наполовину черные, наполовину белые и закричали на него: «Проклятый пес, наша кровь взывает о мести!.. У нас есть три брата, закованные семью цепями; они их разорвут, а потом и тебя раздерут на куски!» Вдруг поднялся страшный грохот, и юноша еле успел выскочить в окошко. Спастись он успел, но сломал себе ногу. Замок опустился под землю, за ним сомкнулась гора, и теперь никто даже не знает, что он вообще был. В этом случае разрушение фигуры Анимы происходит именно благодаря внесению света.
Еще один вариант этого мотива встречается в сказке братьев Гримм «Певчий попрыгун-жаворонок»** (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 258. — Прим. переводчика.). У богатого купца было три дочери. Отправляясь в путешествие, он спросил, какие подарки им привезти. Старшая дочь попросила жемчуга, средняя - алмазы, а младшая сказала, что хочет певчего прыгуна-жаворонка. Купец никак не мог найти то, что просила младшая дочь, и только на обратном пути, пробираясь через густой лес, он заметил жаворонка, сидящего на высоком дереве. Но оказалось, что жаворонок принадлежал льву, который сказал купцу, что тот останется в живых и получит жаворонка, только если отдаст в жены льву свою младшую дочь. Купец в страхе дал слово и, вернувшись домой, рассказал младшей дочери о том, что произошло. Девушка согласилась и поселилась со львом в его замке. Каждую ночь лев сбрасывал шкуру и превращался в прекрасного королевича, но днем опять становился львом. Шло время, и вот младшая дочь затосковала по родному дому и захотела повидать своих сестер. Лев предупредил, чтобы она этого не делала, но тут пришло известие, что одна из ее сестер выходит замуж и в родительском доме будет большой пир. Младшая купеческая дочь захотела, чтобы муж-лев сопровождал ее. Лев нехотя согласился, но предупредил, что если на него упадет хоть один луч света, случится большая беда - он обернется голубем, и придется ему семь лет летать вместе с голубями. Жена успокоила его и велела выстроить в доме зал с толстыми и прочными стенами, куда не проникал бы ни один луч света, чтобы лев мог сидеть в этом зале, когда зажгутся свадебные свечи. Но в двери оказалась небольшая трещина, и когда начался пир, тонкий, как волос, луч света через трещину попал на королевича, который тут же превратился в голубя. Когда жена пришла за мужем, чтобы вернуться в замок, то вместо льва увидела белого голубя, который сказал, что теперь ему придется семь лет летать по свету, но через каждые семь шагов он будет ронять по капле алой крови и по белому перышку, которые укажут ей дорогу. Чтобы найти мужа, героине пришлось преодолеть долгий и мучительный путь, и только на краю света, переплыв Красное море и пройдя через густой лес, ей удалось найти королевича и освободить его от заклятия.
В данном случае разрушение опять несет именно свет, хотя оно может быть связано и с сестрами героини. В других версиях сказки муж исчезает, когда его называют именем животного или же какой-то атрибут выдает его сестрам. Но мне бы хотелось сосредоточиться на версиях, в которых есть мотив света. Этот мотив особенно поразителен, так как многие привыкли думать, что свет - это позитивное начало. Свет символизирует сознание: нас просвещают, мы говорим о чьем-то просветлении и т.д. В данном случае мы имеем дело с неким мистическим союзом между двумя любящими партнерами, который подпитывается тайной. Этот союз существует в ночной темноте, без малейшего прикосновения управляемого света сознания, но стоит попасть на него хотя бы тончайшему лучу - и происходит отделение, страдание или исчезает сама возможность избавиться от колдовства, как в той сказке, где юноша, который должен был освободить трех черных принцесс, навсегда остается увечным.
Обычно это свидетельствует о пагубном воздействии сознания, а именно о том, что на какое-то содержание бессознательного свет сознания воздействует не столько позитивно, сколько пагубно. Это необходимо в полной мере осознать всем аналитикам - и современным, и будущим. Это архетипический мотив, а значит, он очень важен и очень

широко распространен. Сознание отделяет область, которую можно считать царством Эроса. Именно здесь свет сознания может оказывать исключительно пагубное воздействие. И от того, что исчезает свет, остается ощущение, что если бы героиня могла бесконечно долго хранить тайну, колдовство когда-нибудь обязательно тоже исчезло бы*(Подробнее о символике пагубного воздействия света можно прочитать в книге Л.Л. Шапиры «Комплекс Кассандры» (М.: Независимая фирма «Класс», 2006).).
Естественно, пагубные последствия насильственного проникновения света связаны с тем, что он пробивается слишком рано. Некоторые заколдованные животные, которые исчезают из за поспешности главного героя, именно об этом ему и говорят, добавляя, что теперь он должен приложить огромные усилия, чтобы их найти. Именно поэтому в данном случае снова появляется мотив правильного выбора времени. В таких случаях один из персонажей - это или просто животное, или бог в облике животного, а Психея, например, справедливо подозревает, что ее муж - дракон, и на это же ей намекают сестры. В итоге она узнает, что вышла замуж за самого красивого бога. Это весьма типично, так как божественное и животное начала очень близки друг другу.
Божественное начало выше или ниже человеческого уровня -здесь нет особой разницы. В одном случае таинственный супруг находится на более высоком уровне по сравнению с человеческим, а в другом таинство состоит в том, что он принадлежит к более низкому уровню. Алхимики говорят, что верх - это, по сути, низ, то есть животное начало идентично божественному. Тайна существа, находящегося на уровне выше или ниже человеческого, связана с тем, как оно воспринимается в свете сознания, поскольку именно сознание и может погубить то, что находится выше или ниже человеческого уровня и не нашло признания в мире людей. Именно свет сознания, присутствующий в мире сестер или в мире матери, является пагубным, поскольку обладают этим сознанием и привносят его ревнивые, отвратительные женщины, окружающие главную героиню.
Такой пагубный спет появляется во время свадебного пира одной из сестер («Певчий попрыгун-жаворонок») или попадает на бога из-за козней сестер Психеи. Или же, как в сказке «Три черные принцессы», мать главного героя советует ему принести свет в замок, имея вполне конкретную цель, за которой скрывается зависть или злорадство. Это решение принимается не самим героем, а кем-то независимо от него. По в истории с превращением короля-льва в голубя вообще никто не принимает решения: жена лишь предлагает ему пойти вместе с пей на свадебный пир, и в этом предложении проявляется ее ложное «побуждение»* (В данном случае слово «побуждение» ("drive") взято в кавычки, так как скалочные герои — это архетипические фигуры, которые не имеют собственных побуждений. Подробнее об этом можно прочитать в книге М.-Л. фон Франц «Архетипические паттерны в волшебных сказках» (М.: Независимая фирма «Класс», 2007). — Прим. переводчика.). Сказочные герои, которых нужно освободить от колдовства, всегда сторонятся света, так как он пагубно воздействует на эмбриональные содержания, а также на содержания, находящиеся в состоянии трансформации. Если, пересаживая растение, вы поместите его на солнце, то оно засохнет; так же и человек испытывает пагубное воздействие света, если он слишком ярок или сияет слишком долго. Кроме того, в обеих сказках свет появляется под влиянием негативных эмоций - ревности и зависти.
На психологическом уровне это может означать, что в таком идентифицирующем свете существует нюанс, связанный с установкой «ничего кроме (только это и ничто другое)». Эта установка совершенно отличается от той, что выражена в утверждении «это - то». Если нечто находится в процессе роста и я говорю: «Это - то», - значит, данный феномен еще может измениться. Но если я говорю: «Это - только то» - значит, такая установка ограничивает и прекращает трансформацию и возможность дальнейшего роста. Если интеллект не говорит: «Это оказывается так», а соединяется с тонкой психологической установкой: «Я знаю, это -только то и не более того», то данный нюанс привносит элемент дьявольского (люциферовского) разрушения, особенно пагубного для всего, что

находится в процессе роста. То, что уже закостенело, больше не важно. Если я так говорю о железнодорожных рельсах, от этого никто не страдает, но если я считаю, что мне все известно о растительной жизни (что она сводится только к определенному химическому процессу), то я лишаю себя возможности сказать об этом что-то еще.

Вернемся к сказочному мотиву лебединого крыла и еще раз обсудим содержание психики с точки зрения этого мотива, поскольку у каждого содержания есть аспект, который только предстоит узнать. Философская система, с помощью которой мы пытаемся интерпретировать содержание бессознательного, позволяет нам узнать больше, а потому обращение к философии - хороший способ лишить интерпретацию пагубного воздействия. Нам следует делать то, что возможно, и вместе с тем сохранять потенциал собственного развития, предполагая, что всегда можно сделать намного больше.

Принцесс погубил не свет церкви, а недоброжелательные указания матери сказочного героя, а это означает наличие ложной мотивации. С самого начала мать враждебно относилась к его будущей невесте. И в том, что все закончилось печально, виновата не святая вода, а мать, указание которой внесло негативный аспект в действия героя. Святая вода и свет от свечи используются для того, чтобы изгнать нечистую силу, а потому просьба матери принести святой воды означает, что принцессы являются носителями зла, что они «только ведьмы и больше никто». Таким образом, напутствие матери, по сути, привносит в эту историю то, чего в ней изначально не было, так как на самом деле принцессы хотели побелеть, да они и не были ведьмами. Окропляя их святой водой, герой тем самым выражает свое подозрение, что они «только ведьмы и больше никто», и таким образом губит собственную душу.

Любая недоброжелательность и дискредитация всегда приводят к установке «только это и ничто другое». Существует тип людей, которые стремятся к тому, чтобы в интеллектуальных дискуссиях последнее слово всегда оставалось за ними; в их аргументации всегда присутствует сильный напор, который совсем не обязательно носит интеллектуальный характер. Если интеллект не используется по назначению - как инструмент, - он превращается в автономное динамичное начало, и можно быть уверенным, что человек с такой установкой становится одержимым Анимой, иначе он вел бы дискуссию более спокойно и объективно. Может быть, здесь есть еще один аспект, который мы пока не рассмотрели. Ученые XIX века всегда заявляли, что узнали абсолютную истину; они говорили: «Теперь мы знаем». В отличие от них, современным ученым присуща более открытая установка, и они говорят: «То, что мы наблюдаем, приводит нас к выводу». Таким образом, они оставляют возможность для любых других решений, которые могут возникнуть со временем; в основе такой установки лежит идея не абсолютной, а лишь относительной истины.

Это можно рассматривать как пример изменения установки, позволяющий осознать: интеллект - это инструмент, с помощью которого мы можем «осветить» некоторые области, но одновременно сделать недоступными многие другие аспекты. В этом можно убедиться и при интерпретации психологического материала: если описывать его с какой-то одной точки зрения, то такой подход прольет важный свет на данный материал исходя из этого аспекта, однако у него имеется еще много других сторон, которые предстоит узнать.

Высокомерную интеллектуальную установку обычно формируют бессознательные мотивы: потребность в авторитете, или стремление к власти, или просто страх. Необходимо очищать интеллект от ложных мотиваций, не забывая о том, что это прежде всего инструмент. Интеллектом как средством должна пользоваться личность в целом; нельзя допустить, чтобы он превратился в некий автономный элемент, который могут «подключить» бессознательные мотивы страха или политического прагматизма, ибо они заметно снижают способность человека к саморефлексии.

В сказке о трех черных принцессах показаны пагубные мотивы матери главного героя. В сказке о льве-голубе мы не можем убедительно назвать конкретную психологическую

установку, но знаем, что обе старшие сестры просили у отца привезти драгоценности, что говорит об их сниженной житейской потребности и соответствующей жизненной установке. Возможно, здесь есть связь с тем лучом света, который проник в щель со свадьбы одной из них и надолго разрушил брак младшей сестры - именно так подействовала мирская и зависимая мотивация на отношения, которые носят мистический характер. Вообще эта сказка проливает много света на женскую психологию, в которой очень трудно отделить любовь от социальной мотивации, ибо исторически любовные отношения в жизни женщины были тесно связаны с ее социальным статусом. Например, в исламском мире замужняя женщина входит в состав гарема. Положение замужней женщины обычно связано с ее авторитетом и участием в социальной жизни, однако социальный престиж всегда лишает чистоты ее чувственную установку.
По-иному складывается ситуация с мужской Анимой, так как эрос мужчины частично направлен на любимую профессию, занимающие его идеи или духовные переживания, что добавляет ему житейскую мотивацию. Многие мужчины отказывались от научной работы в некоторых областях, так как не могли сделать на этом карьеру: мужчина губит свой внутренний мир, используя духовное познание для того, чтобы сделать карьеру, и тем самым изменяя своему инстинктивному стремлению к истине, ибо в таком случае «драгоценности» неизбежно отравят атмосферу его мистического внутреннего «бракосочетания» со своей душой.
Такая ситуация не обязательно приводит к полному разрушению; в сказке о черных принцессах юноша остается калекой на всю жизнь, но в других сказках герою приходится отправляться в долгое и опасное странствие, чтобы снова найти возлюбленную. Так происходит, когда люди уступают стремлению к власти или авторитету и тем самым нарушают единство с самими собой, -пока несчастье и ощущение тревоги не побудят их снова отправиться на поиски своей души. Обычно такой поиск занимает дол-гие годы. И чтобы вновь обрести внутреннюю целостность, человек должен отказаться от мирских ценностей. Кроме того, герой может избавить от колдовства свою возлюбленную (возлюбленного), пережив страдания или поцеловав жабу (то есть преодолев отвращение).
Теперь я хочу остановиться еще на одном мотиве - мотиве обезглавливания*(См. гл. 1. — Прим. переводчика.). В некоторых волшебных сказках есть животные-помощники, которые приходят на выручку главному герою или героине: они помогают им советом, или делом, или предупреждают об опасности. Иногда невесту или жениха превращают в животное, которое в конце сказки просит, чтобы ему отрубили голову. Как правило, герой, к которому обращаются с такой просьбой, отказывается, объясняя, что он очень многим обязан этому животному, но животное настаивает. Или же после отказа животное уходит, а потом снова возвращается, и герой, скрепя сердце, достает меч и отрубает ему голову. Животное сразу превращается в человека, которому пришлось жить в зверином облике из-за наложенного на него заклятья.
В сказке братьев Гримм «Золотая птица» говорится о королевиче, который должен найти прекрасную принцессу; в поисках ему помогает лиса, которая в конце сказки обратилась к нему с просьбой: «Ты должен отрубить мне голову и лапы». Герой отказался, так как не мог отплатить черной неблагодарностью своему помощнику. Но спустя какое-то время ему вновь встретилась лиса и стала умолять, чтобы он отрубил ей голову и лапы. На этот раз королевич выполнил ее просьбу, и тогда перед ним предстал прекрасный юноша, брат принцессы, вернувший себе человеческий облик только благодаря тому, что герой обезглавил лису.
Существует немецкая волшебная сказка, в которой юноша оказался у заколдованного замка и увидел маленькую черную собачку, которая попросила отрубить ей голову, и когда он это сделал, колдовское заклятье немедленно спало, а собачка превратилась в принцессу.

В другой сказке братьев Гримм - «Белая невеста и черная невеста»** (Братья Гримм. Сказки. М.: Худ. литература, 1978, с. 385. — Прим. переводчика.) - у ведьмы были две дочери: родная, похожая на мать, и падчерица - добрая и красивая. У падчерицы был брат, королевский кучер, от которого король узнал о его сестре и, увидев ее, захотел на ней жениться. Все они сели в королевский экипаж и поехали в королевский замок. По пути ведьма с помощью колдовских чар сделала так, что падчерица отдала свою одежду, подаренную королем, ее родной дочери. Как только девушка отдала одежду и высунулась из кареты, мать и дочь столкнули ее с моста в самую середину реки. Девушка превратилась в утку, а король, который был околдован ведьмой и ничего не заметил, женился на ее родной дочери. Тем временем утка несколько раз приплывала к королевской кухне и рассказывала о том, что произошло. Поваренок услышал то, что говорила утка, и решил рассказать о ней королю. Король пришел посмотреть на утку, и как только та появилась, выхватил меч и отрубил ей голову. И сразу же перед ним предстала прекрасная девушка, очень похожая на ту, о которой он слышал от кучера. В конце концов она стала королевой, а ведьму и ее дочь казнили.
Итак, в данном случае нужно обезглавить животное. Пока мы обращали внимание только на обезглавливание животного. Однако отсечение голоиы человеку - очень распространенный мотив в алхимии, где он связан с отделением интеллекта от инстинктивного аспекта психики. Именно так интерпретирует Юнг обезглавливание дракона и Эфиопа в своем труде «Mysterium Coniunctionis»* («Mysterium Coniunctionis», пар. 7301 М.: Рефл-бук, 1997.). Это должно означать следующее: если вы отделяете интеллект от инстинктивных влечений, то появляется некое психическое отчуждение или объективность, которые позволяют человеку без предубеждения смотреть на свой собственный материал - влечения, побуждения и мысли. Происходит некоторое отделение интеллекта, он утрачивает бессознательную связь с остальной частью личности и начинает играть роль беспристрастного зеркала, что можно наблюдать при работе с активным воображением, в процессе которого необходимо сочетание беспристрастности с мужеством. Человеку нужно отделиться от своего Эго и объективно посмотреть на происходящее.
Но обезглавливание может также означать sacrificium intellectu**(Жертвоприношение интеллекта (лат.) — Прим. переводчика.) отказ от желания понимать, чтобы дать возможность действовать другим формам осознания. Если я постоянно думаю об отношениях с каким-то человеком, тем самым я подавляю свою способность эмоционально осознать ситуацию, поэтому иногда интеллекту следует отстраниться и дать возможность проявиться другим формам психической жизни. Ибо когда речь идет о божественном таинстве, следует отказаться от узкого желания постичь все интеллектуально, и там, где присутствуют другие формы осознания, интеллекту нужно на время отойти на второй план и не выходить за рамки своего действия.
Иное дело, если речь идет об обезглавливании животного, так как у него голова - самая интеллектуальная часть тела. Как правило, мы склонны связывать процесс сознания и мышления с головой любого существа. В таком случае обезглавить животное - значит отделить от тела его способность к мышлению, что совершенно меняет дело по сравнению с обезглавливанием человека, ибо это должно означать отсечение именно того элемента побуждения, который связан со злым умыслом. Животные не заходят так далеко, чтобы создавать философскую систему; по крайней мере, мы не знаем об этом. Зато нам хорошо известно, что их сообразительность проявляется как некая злонамеренность, то есть как использование определенных действий в определенных целях. Нам неизвестно, сознательно или бессознательно это делается, но мы можем понаблюдать за поведением животного и убедиться в том, что оно соображало, что делало. То же самое можно увидеть, наблюдая за влечениями человека. Женской психике свойственна склонность к интригам - любая женщина не сможет отказать себе в удовольствии полуосознанно поинтриговать, например, «случайно» сесть на лекции рядом с мужчиной, к которому

испытывает интерес и т.п. Ее инстинктивное влечение не совпадает с ее эго-сознанием. В той же мере подобные проявления присущи мужской Аниме и Тени. Человек, движимый влечением, для достижения своих целей может прибегнуть к действиям, хорошо спланированным на бессознательном уровне, которые нарушают сознательное единство личности: правая рука не ведает, что творит левая. Так проявляется элемент некой внутренней рассогласованности.

Св. Фома Аквинский говорит о разнице, существующей между concupiscentia*(Вожделение (лат.). — Прим. переводчика.) и cepiditus**(Алчность (лат.). — Прим. переводчика.): в первом случае это просто плотское влечение, когда человек очень хочет чего-то. Но когда речь идет об алчности, жадности или чем-то подобном, добавляется деятельность интеллекта, которая придает влечению дополнительное нечистоплотное качество, обусловленное присоединением элемента намеренности или хитрости. Можно сопоставить поведение человека, одержимого влечением, с поведением животного. У животного есть свои уловки или же одному сильному влечению может противодействовать другое и т.д. Но влечение человека в какой-то мере связано с работой сознания, которое обостряет это влечение, ибо в сферу инстинктов вмешивается нечто новое, и в результате деятельность инстинктов существенно искажается. Отделяя и отчуждая элемент, который принадлежит человеческому сознанию, и таким образом оставляя «обезглавленным» тело животного, которое служит сырьем для инстинктивного влечения, можно интегрировать всю проблему на человеческом уровне.

В заключение хочу сказать еще несколько слов. Наверное, вы заметили, что я использовала несколько иной способ мышления при интерпретации всех этих волшебных сказок. Работая с символическим фольклором, можно мыслить двумя способами: во-первых, о нем можно думать, оставаясь вне его, над ним или рядом с ним и время от времени сверяясь, насколько ваши мысли соответствуют действительности. От этого способа никуда не деться; это традиционный способ мышления, которому мы научились еще в школе. Но если мы попробуем некоторое время думать иначе, наше мышление совершенно изменится; мы все равно будем продолжать думать об этом, но теперь наш процесс мышления станет похожим скорее на вслушивание в то, что должен сказать сам символ. Тогда мышление становится инструментом, который помогает самовыражению материала.

Именно такое мышление Юнг называет символическим мышлением. Научиться ему не так просто; чем больше человек привык к научному способу мышления, тем труднее ему переключиться на символическое мышление. Но благодаря ему вы получаете бесценный инструмент, чтобы понять «психическое сырье», а также новые, еще неизвестные проявления психики, которые нам следует знать, если мы имеем дело с бессознательным. Я хочу поддержать ваши усилия в этом направлении, так как они помогут вам по-новому осознать богатый материал, который не удается постичь другими способами.